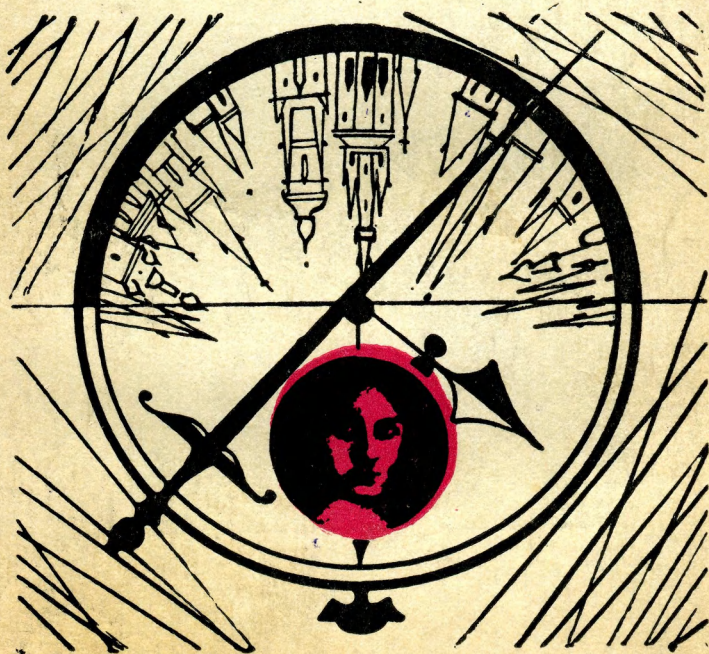

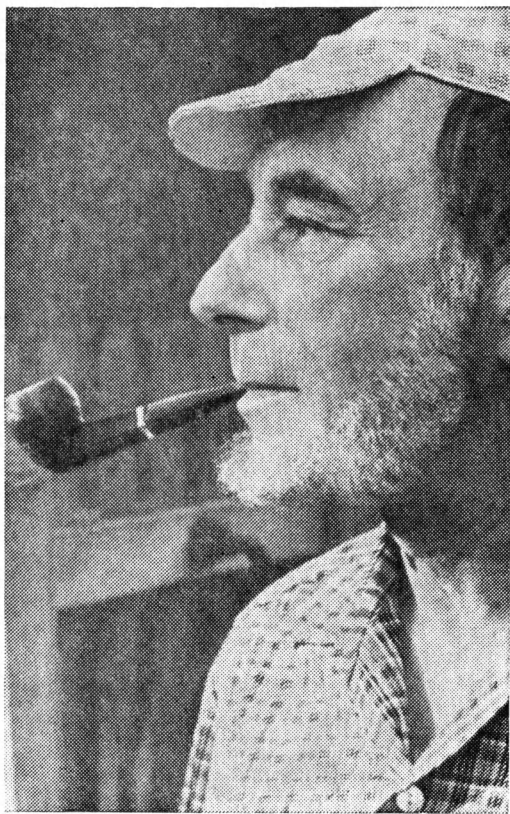
ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ

Библиотека советской фантастики

**ТРЕВОЖНЫХ СИМПТОМОВ
НЕТ**

**ИЛЬЯ
ВАРШАВСКИЙ**

**ТРЕВОЖНЫХ
СИМПТОМОВ
НЕТ**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

**Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 1972**

P2
B18

Художник Н. КУЗНЕЦОВ

7—3—2
199—72

ОТ АВТОРА

Существует мнение, будто человеку, вступившему в седьмой десяток жизни, приятно вспомнить прошлое, или, выражаясь высоким стилем романиста, окинуть мысленным взглядом пройденный путь.

В иных случаях, может быть, это верно, но я, предаваясь воспоминаниям, не испытываю ничего, кроме недоумения, потому что всегда добровольно выбирал себе занятие, противоречащее моим вкусам и наклонностям.

Так, например, будучи с детства убежденным домоседом, избрал профессию моряка торгового флота; питая отвращение ко всякой гремющей технике, большую часть жизни строил, испытывал и конструировал дизель-моторы; имея всегда неудовлетворительные оценки по химии (науке, казалось, вообще для меня недоступной), я не только пять лет руководил электрохимической лабораторией в научно-исследовательском институте, но и, кажется, сделал сам что-то в этой области.

Фантастику я никогда не любил и еще 12 лет назад и в мыслях не имел стать когда-нибудь писателем-фантастом. Вместе с тем выход этой книги совпадает с десятилетием появления в печати

моего первого фантастического рассказа. Всего же их уже опубликовано больше восьмидесяти.

Я никогда не читаю предисловий. Однако время от времени мне приходится писать их самому, да еще к собственным книгам. Так что и здесь не обошлось без противоречий.

Итак, прежде всего о составе сборника.

Как-то на встрече с читателями меня спросили, для кого я пишу. Я сказал, что пишу для самого себя. Это правда, хотя тут требуется пояснение. Я не отделяю себя от своих близких. Если им не нравится рассказ, то он никогда не сдается в печать. Дальше дело обстоит сложнее. Трудно рассчитывать, что все читатели — единомышленники. Кому-то, может, и не понравится. С этим просто приходится мириться. Составители сборников и редакторы — тоже читатели, причем весьма квалифицированные. Поэтому каждый сборник — компромисс между авторскими пристрастиями и вкусами читателя. Дурного в этом ничего нет, тем более что авторам свойственно ошибаться при оценке собственных произведений.

Эта книга была задумана как сборник избранных рассказов. Сюда вошла примерно одна четвертая часть всего, что уже было опубликовано, и кое-что новое.

Сначала предполагалось расположить материал по каким-то математическим признакам, но так сделать оказалось очень трудно, да и вряд ли целесообразно применять подобную классификацию к произведениям, преследующим чисто литературные цели. Тогда возникла мысль расположить все в хронологическом порядке, по датам выхода в свет предыдущих книг. Мне кажется это вполне оправданным. Думаю, что читателям интереснее знакомиться с автором в процессе эволюции его взглядов, тематики, стиля. За 10 лет меняется многое, и некоторые из своих ранних рассказов я бы сейчас уже не написал.

В первый раздел (1962—1964 гг.) вошли рассказы из сборника «Молекулярное кафе». В предисловии к нему я просил читателей не приписывать автору более серьезных намерений, чем те, кото-

рыми он руководствовался на самом деле. Это относилось главным образом к кибернетической тематике. В ту пору ее апологеты ждали от этой молодой науки явно большего, чем она в состоянии дать. Казалось, еще немного — и будет создан искусственный мозг, превосходящий по всем показателям человеческий. Сейчас в подобные сказки мало кто верит, а сами кибернетики заняты более насущными делами. Поэтому в 1972 году памфлетная направленность таких рассказов, как «Роби», может быть, и не ощущается, тогда как 10 лет назад споры о возможностях кибернетики велись на всех уровнях, причем скептики обычно оказывались в меньшинстве.

В раздел 1965 года вошли рассказы из книги «Человек, который видел антимир» и то, что публиковалось в журналах, ежегодниках и альманахах. Этот период мне представляется связанным с поисками основного направления. Здесь меньше памфлетов, больше попыток уйти от традиционной фантастической тематики. Оттого и рассказы неравноценны.

В 1966 году вышла книга «Солнце заходит в Дономаге». В ней целый раздел составляли социальные памфлеты. Дономага — вымышленная страна, в которой осуществлены идеи тех буржуазных социологов, которые видят в тотальной автоматизации средство избавиться от всех пороков, присущих капиталистическому строю. Автоматизировано все, даже человек (рассказ «Тревожных симптомов нет»). Мне хотелось показать в отдельных новеллах неизбежность конфликта между человеком и наукой, поставленной на службу такому обществу. Конечно, четыре рассказа, взятые из сборника, могут дать лишь приблизительное представление, насколько автору удался его замысел.

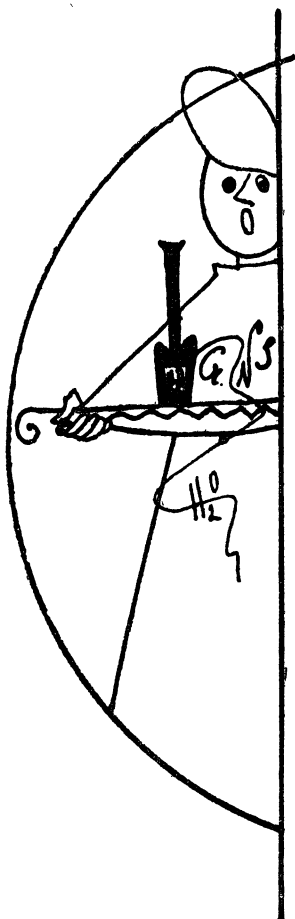
Внимательный читатель, вероятно, обратит внимание на четырехлетний интервал в расположении материала. Это объясняется болезнью. Думаю, что такой длительный перерыв с литературной точки зрения был полезен. Вышедшая в 1970 году «Лавка сновидений», из которой использованы некоторые рассказы для чет-

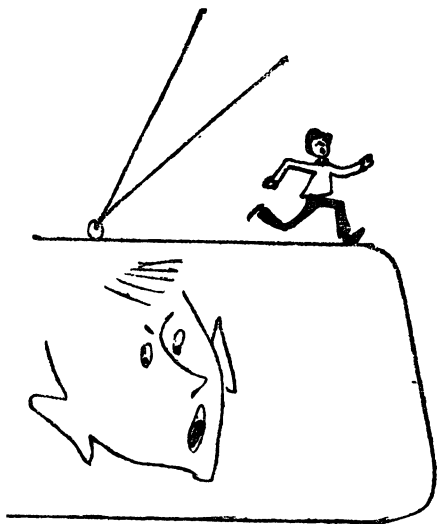
вертого раздела, кажется мне более удачной, чем предыдущие книги.

Наконец, в последний раздел вошли рассказы, написанные в 1971 году, но о них уж пусть судит сам читатель.

Я не люблю биографические справки, помещаемые на обороте обложки. Нельзя человеческую жизнь уместить в несколько строк. Для тех, кто интересуется личной жизнью автора, я дал в конце книги автобиографический этюд, охватывающий всего один час из прожитых мною 63 лет. Может быть, некоторые сочтут его недостаточно серьезным, но я глубоко убежден, что, если бы каждый из нас умел находить смешное в собственных поступках, мир, в котором мы живем, был бы гораздо лучше.

1962—1964

ПОЕДИНОК

В конце последнего марша лестницы он перепрыгнул через перила и, дожевывая на ходу пирожок, помчался по вестибюлю.

Времени оставалось совсем немного, ровно столько, чтобы занять исходную позицию в начале аллеи, небрежно развалиться на скамейке и, дождавшись выхода второго курса, пригласить ее на фут-

бол. Затем они поужинают в студенческом кафе, после чего... Впрочем, что будет потом, он еще не знал. В таких делах он всегда полагался на интуицию.

Он был уже всеми помыслими в парке, когда из репродуктора раздался голос:

— Студента первого курса Мухаринского, индекс фенотипа тысяча триста восемьдесят шесть дробь шестнадцать эм бе, срочно вызывает декан радиотехнического факультета.

Решение нужно было принимать немедленно. До спасительной двери оставалось всего несколько шагов. Вытянув губы в трубку, оттопырив руками уши, прищулив левый глаз и припадая на правую ногу, он попытался прошмыгнуть мимо анализатора фенотипа.

— Перестаньте паясничать, Мухаринский!
Это уже был голос самого декана.
«Опоздал!»

В течение ничтожных долей секунды аналитическое устройство по заданному индексу отобрало его из десяти тысяч студентов, и сейчас изображение кривляющейся рожи красовалось на телеэкране в кабинете декана.

Мухаринский придал губам нормальное положение, отпустил уши, и со все еще прищуренным глазом стал растирать колено правой ноги. Эта манипуляция, по его замыслу, должна была создать у декана впечатление внезапно начавшегося приступа ревматизма.

Глубоко вздохнув и все еще прихрамывая, он направился во второй этаж...

Несколько минут декан с интересом разглядывал его физиономию. Лицо Мухаринского приняло приличествующее случаю выражение грустной сосредоточенности. Он прикидывал в уме, сколько времени ему понадобится, чтобы догнать эту второкурсницу, если декан...

— Скажите, Мухаринский, вас в жизни вообще что-нибудь интересует?

По мнению Мухаринского, это был праздный вопрос. Его интересовало многое. Во-первых, кого он больше любит: Наташу или Мусю; во-вторых, возможное положение «Спартака» в турнирной таблице; в-третьих, эта второкурсница; в-четвертых... словом, круг его интересов был достаточно обширен, но вряд ли стоило во все это посвящать декана.

— Меня интересует профессия инженера-радиотехника, — скромно ответил он.

Это было почти правдой. Все его жизненные устремления так или иначе тесно связаны с пребыванием в городе студентов, куда, как известно, приезжают, чтобы... и так далее.

— Тогда, может быть, вы мне объясните, почему к концу второго семестра у вас не сдан ни один зачет?

«Ой как плохо, — подумал он, — исключат, как пить дать, исключат».

* — Может быть, специфика машинного обучения... — неуверенно начал Мухаринский.

— Вот именно, специфика, — перебил его декан, — уже три обучающихся автомата отказались с вами заниматься. На что вы рассчитываете?

Тактически правильнее всего было считать этот вопрос риторическим и не давать на него прямого ответа.

Декан задумчиво барабанил пальцами по столу. Мухаринский глядел в окно. Рыжекудрая второкурсница шла по аллее. Шагавший рядом верзила в голубой майке нес весла. Кажется, все ясно. Второй билет на футбол придется кому-нибудь отдать, там всегда бывает много хороших медиков.

— Мне не хотелось бы вас исключать, не убе-

дившись в полной безнадежности попытки дать вам инженерное образование.

Охотнее всего Мухаринский сделал бы сейчас кульбит, но это было рискованно.

— Я очень рад, — сказал он, потупившись, — что вы еще верите в возможность для меня...

— Если бы речь шла о ваших возможностях, то вы бы уже давно не числились в списках студентов. Я имею в виду возможности обучающих автоматов, а в них-то я верю, можете не сомневаться. Вы слышали когда-нибудь об УПСОСе?

— Конечно... это...

Пауза становилась томительной.

— Конечно, слышали, — усмехнулся декан, — вы ведь, наверное, читаете все работы кафедры обучающих автоматов. УПСОС — это универсальный преподаватель с обратной связью. Надеюсь, вы знаете, что такое обратная связь?

— Ну, в общих чертах, — осторожно сказал Мухаринский.

— Я буду демонстрировать УПСОС на Международном конгрессе в Вене. Сейчас, для определения его функциональных возможностей, он обучает контрольную группу студентов. Мне не очень хочется заведомо снижать средний балл его учеников, но элементарная честность ученого требует, чтоб я его попробовал на такой... гм... таком... э-э-э... ну, словом, на вас. Короче говоря, я вас включаю в состав контрольной группы.

— Спасибо.

— Надеюсь, что он в вас вдолбит хотя бы минимальный объем знаний, его схемы...

Схемы любых автоматов мало интересовали Мухаринского. Сохраняя на лице выражение напряженного

внимания, он думал о том, что первый тайм уже, вероятно, идет к концу и что на худой конец Наташа...

— ...Таким образом, во время обучения ваш мозг составляет единое целое с аналитическим устройством автомата, которое непрерывно меняет тактику обучения в зависимости от хода усвоения материала студентом. Понятно?

— Понятно.

— Слава богу! Можете идти.

...тысяча триста сорок второй логический поиск, шестнадцатый вариант доказательства теоремы, и снова блокирующее устройство дает сигнал: «Материал не усвоен. Перемена тактики». Снова логический поиск. «Доказательство теоремы требует элементарных знаний в объеме средней школы». Команда: «Приступить к обучению началам алгебры», сигнал: «Материал усвоен посредством», переключение на доказательство теоремы, к концу доказательства — сигнал: «Базовые знания утеряны», вновь команда на переключение, снова логический поиск... Вспыхивает красный сигнал на панели: «Перегрев», из силового трансформатора валит дым. Автомат отключается.

Мухаринский снимает с головы диполь и вытирает пот. Такого еще не было! Сейчас он даже чувствует симпатию к старенькому электронному лектору-экзаменатору. С ним — несравненно легче: можно проспать всю лекцию, а потом просто не ответить на вопросы. С УПСОСом не уснешь! Хорошо, что автоматическая защита время от времени его отключает.

Размышления Мухаринского прерывает звонок видеофона. На экране декан.

— Почему вы бездельничаете?

— Автомат охлаждается.

К несчастью, на панели загорается зеленая лампочка.

Мухаринский вздыхает и укрепляет на голове дил-поль.

Снова логический поиск, и в мозгу Мухаринского вспыхивают ненавистные ему уравнения. Он пытается бороться с автоматом, думает о том, что бы было, если бы Дементьев не промазал по воротам в конце второго тайма, пробует представить себе второкурсницу в самых соблазнительных ситуациях, но все тщетно.

...логический поиск, сигнал, команда, переключение, изменение тактики, сигнал, логический поиск...

Проходит семь дней, и о, чудо! Обучение уже не кажется Мухаринскому таким мучительным. Автомат тоже, видимо, к нему приспособился. Все реже вспыхивают сигналы перегрева.

Проходит еще неделя, и снова громкоговорители разносят по зданию института:

— Студента первого курса Мухаринского, индекс фенотипа тысяча триста восемьдесят шесть дробь шестнадцать эм бе, вызывает декан радиотехнического факультета.

На этот раз он не прячется от всевидящих глаз фенологического анализатора.

— Поздравляю вас, Мухаринский, — говорит декан, — вы проявили незаурядные способности.

Впервые в жизни Мухаринский краснеет.

— Я полагаю, — скромно отвечает он, — что правильнее было бы говорить об удивительных способностях УПСОСа, это действительно замечательное изобретение.

— Когда я говорю о ваших способностях, то имею в виду именно вас, что же касается УПСОСа, то двухнедельное общение с вами не осталось для него бесследным. Теперь это не обычный автомат, а какой-то

Дон-Жуан, Казанова, или, чтобы вам было понятнее, попросту бабник, он ставит высшие оценки только смазливym студенткам. Кроме того, он стал заядлым футбольным болельщиком и вовлек в это дело всю контрольную группу студентов. Обленился он до предела. Завтра мы его демонтируем, ну а вас, вы сами понимаете...

— Понимаю. Желаю вам дальнейших успехов в обучении этих... гм... ну, словом, студентов.

Отвесив низкий поклон, Мухаринский пошел к двери.

— Куда?!

— Как куда? Покупать билет, чтобы ехать домой. Ведь вы меня исключили.

— Мы действительно вас исключили из списка студентов и назначили старшим лаборантом кафедры обучающихся автоматов. Отныне ни одна машина с обратной связью не выйдет из стен лаборатории, не выдержав поединка с вами. Вы для нас сущая находка!

МАСКАРАД

Ритмично пощелкивая, автомат проводил замеры. Я полулежал в глубоком кресле, закрыв глаза, ожидая окончания осмотра.

Наконец раздался мелодичный звонок.

— Так, — сказал врач, разглядывая пленку, — пониженное кровяное давление, небольшая аритмия, вялость, общий тонус оставляет же-

лать лучшего. Ну что ж, диагноз поставлен правильно. Вы просто немного переутомились. Куда вы собираетесь ехать в отпуск?

— Не знаю, — ответил я, — откровенно говоря, все эти курорты... Кроме того, мне не хочется сейчас бросать работу.

— Работа работой, а отдохнуть нужно. Знаете что? — Он на минуту задумался. — Пожалуй, для вас лучше всего будет попутешествовать. Перемена обстановки, новые люди, незнакомые города. Небольшая доза романтики дальних странствий куда полезнее всяких лекарств.

— Я обдумаю ваш совет, — ответил я.

— Это не совет, а предписание. Оно уже занесено в вашу учетную карточку.

* * *

Я брел по улице чужого города.

Дежурный в гостинице предупредил меня, что раньше полуночи места не освободятся, и теперь мне предстояло решить, чем занять вечер.

Мое внимание привлекло ярко освещенное здание. На фронтоне было укреплено большое полотнище, украшенное масками:

БОЛЬШОЙ ВЕСЕННИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ БАЛ-МАСКАРАД

Меня потянуло зайти.

У входа я купил красную полумаску и красный бумажный плащ. Какой-то юноша в костюме Пьеро, смеясь, сунул мне в руку розовую гвоздику.

Вертя в руках цветок, я пробирался между танцующими парами, ошеломленный громкой музыкой, ярким светом и мельканием кружащихся масок.

Высокая девушка в черном домино бросилась мне навстречу. Синие глаза смотрели из бархатной полумаски тревожно и взволнованно.

— Думала, что вы уже не придете, — сказала она, беря меня за руки.

Я удивленно взглянул на нее.

— Не отходите от меня ни на шаг, — шепнула она, пугливо оглядываясь по сторонам. — Магистр, кажется, что-то задумал. Я так боюсь! Тс! Вот он идет!

К нам подходил высокий, тучный человек в костюме пирата. Нелепо длинная шпага колотилась о черные ботфорты с отворотами. Черная повязка скрывала один глаз, пересекая щеку там, где кончалась рыжая борода. Около десятка чертей и чертенят составляли его свиту.

— Однако вы не трус! — сказал он, хлопая меня по плечу. — Клянусь Наследством Сатаны, вы на ней сегодня женитесь, чего бы мне это ни стоило!

— Жених, жених! — закричали черти, пускаясь во круг нас в пляс. — Дайте ему Звездного Эликсира!

Кто-то сунул мне в руку маленький серебряный флакон.

— Пейте! — сурово сказал Пират. — Может быть, это ваш последний шанс.

Я машинально поднес флакон ко рту. Маслянистая ароматная жидкость обожгла мне нёбо.

— Жених, жених! — кричали, притопывая, черти. — Он выпил Звездный Эликсир!

Повелительным жестом Пират приказал им замолчать.

— Здесь нам трудно объясниться, — сказал он, обращаясь ко мне, — пойдемте во двор. А вы, сударыня, сле-

дуйте за нами, — отвесил он насмешливый поклон дрожавшей девушке.

Он долго вел нас через пустые запыленные помещения, заставленные старыми декорациями.

— Нагните голову, — сказал Пират, открывая маленькую дверцу в стене.

Мы вышли во двор. Черная карета с впряженной в нее четверкой лошадей была похожа на катафалк.

— Недурная повозочка для свадебного путешествия! — захохотал Пират, вталкивая меня и девушку в карету. Он сел на козлы и взмахнул бичом.

Окованные железом колеса гремели по мостовой. Вскоре звук колес стал тише, и, судя по покачиванию кареты, мы выехали на проселочную дорогу.

Девушка тихо всхлипывала в углу. Я обнял ее за плечи, и она неожиданно прильнула ко мне в долгом поцелуе.

— Ну, нет! — раздался голос Пирата. — Сначала я должен вас обвенчать, посмотрим, будет ли тогда у вас желание целоваться! Выходите! — грубо рванул он мою попутчицу за руку.

На какое-то мгновение в руке девушки блеснул маленький пистолет. Вспышка выстрела осветила придорожные кусты и неподвижные фигуры, стоящие у кареты.

— Магистр убит, умоляю вас, бегите! — крикнула незнакомка, отбиваясь от обступивших ее серых теней.

Я выскочил ей на помощь, но тут же на меня набросились два исполинских муравья, связали мне руки за спиной и втолкнули опять в карету. Третий муравей вскочил на козлы, и карета помчалась, подпрыгивая на ухабах.

Я задыхался от смрада, испускаемого моими тюрем-

щиками. Вся эта чертовщина уже совершенно не походила на маскарад.

Карета внезапно остановилась, и меня потащили вниз по какому-то наклонному колодцу.

Наконец, я увидел свет. В огромном розовом зале важно сидели на креслах пять муравьев.

— Превосходительство! — сказал один из моих стражей, обращаясь к толстому муравью, у ног которого я лежал. — Предатель доставлен!

— Вы ведете вероломную и опасную игру! — заорал на меня тот, кого называли Превосходительством. — Ваши донесения лживы и полны намеренных недомолвок! Где спрятано Наследство Сатаны? Неужели вы думаете, что ваши неуклюжие попытки могут хоть на мгновение отсрочить день, когда мы выйдем на поверхность?! День, который подготовлялся двадцать пять тысяч лет! Знайте, что за каждым вашим шагом следили. Вы молчите, потому что вам нечего сказать. Ничего, завтра мы сумеем развязать вам язык! Вы увидите, что мы столь же жестоки, как и щедры! А сейчас, — обратился он к моим стражам, — бросьте его в яму, ведь сегодня его брачная ночь.

Громкий хохот присутствующих покрыл его слова.

Меня снова поволокли в темноту.

Вскоре я почувствовал, что падаю, и услышал звук захлопывающегося люка над своей головой.

Я лежал на мягкой вонючей подстилке. Сдержанные рыдания слышались поблизости. Я зажег спичку и увидел девушку в маске, припавшую головой к стене.

— Это вы? — шептала она, покрывая поцелуями мое лицо. — Я думала, что они вас уже пытаются! Вы не знаете, на что способны эти чудовища, лучше смерть, чем ужасная судьба оказаться у них в лапах! Нам нужно во что бы то ни стало бежать!

Ее отчаяние придало мне мужества. С трудом разорвав путы на своих руках, я подошел к стене. На высоте человеческого роста была решетка, через которую виднелся длинный коридор.

Собрав все силы, я вырвал руками прутья и помог незнакомке влезть в образовавшееся отверстие.

Мы бесконечно долго бежали по скупо освещенному коридору, облицованному черным мрамором, пока не увидели у себя над головой звездное небо.

На траве, у выхода, лежал труп Пирата. Я нагнулся и вытащил у него из ножен длинную шпагу.

Трое муравьев бросились нам навстречу. Я чувствовал, с каким трудом острие шпаги пронзает их хитиновые панцири.

— Скорее, скорее! — торопила меня незнакомка. — Сейчас их будут сотни здесь!

Мы бежали по дороге, слыша топот множества ног за своей спиной.

Внезапно перед нами блеснул огонек. Черная карета стояла на дороге. Крохотный карлик в красной ливрее держал под уздцы лошадей.

— Мы спасены! — крикнула девушка, увлекая меня в карету.

Карлик вскочил на козлы и яростно стегнул лошадей.

Карета мчалась, не разбирая дороги. Нас кидало из стороны в сторону. Неожиданно раздался треск, и экипаж повалился набок.

— Скорее, скорее! — повторяла девушка, помогая мне выбраться из-под обломков. — Необходимо попытаться спасти карту, пока Слепой не узнал про смерть Магистра. Страшно подумать, что будет, если они завладеют Наследством Сатаны!

На полутемных улицах предместья редкие прохожие удивленно оборачивались, пораженные странным наря-

дом моей спутницы. Свой маскарадный костюм я потерял в схватке с муравьями.

Я подвел девушку к фонарю, чтобы снять с нее маску.

— Кто вы?! — воскликнула она, глядя мне в лицо широко раскрытыми глазами.

Испустив протяжный крик, она бросилась прочь. Я кинулся за ней.

Белые бальные туфельки незнакомки, казалось, летели по воздуху. Несколько раз, добегаая до угла, я видел мелькающее за поворотом черное домино. Еще несколько поворотов, и девушка исчезла.

Я остановился, чтобы перевести дыхание...

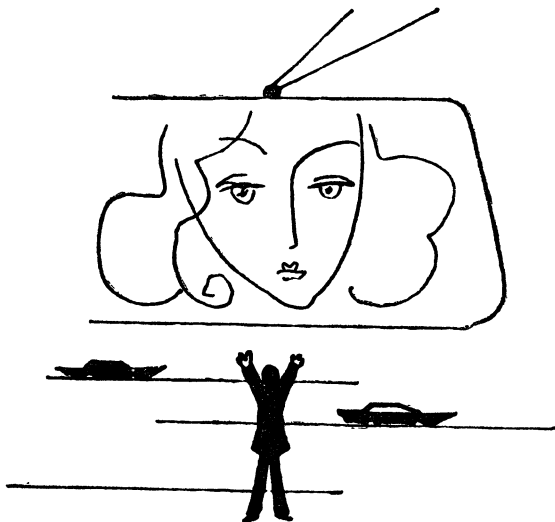
* * *

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил врач, снимая с моей головы контакты.

Я все еще не мог отдышаться.

— Отлично! — сказал он, просматривая новую пленку. — Сейчас примите ионный душ и можете отправляться работать. Это трехминутное путешествие даст вам зарядку, по крайней мере, на полгода.

ПРИЗРАКИ

Придя домой, он снял обувь, костюм, белье и бросил их в ящик утилизатора.

Эта процедура каждый раз вызывала у него неприятное чувство. Странная привязанность к вещам. Особенно жаль ему было расставаться с обувью. Он страдал плоскостопием, и даже ортопедические ботинки становились удобными

только к вечеру, когда их нужно было выбрасывать. Однако пункт первый санитарных правил предписывал ежедневную смену одежды.

Приняв душ, он облачился в свежую пижаму. Старая, вместе с купальной простыней, тоже отправилась в утилизатор.

Несколько минут он в нерешительности стоял перед установкой искусственного климата. Затем, поставив рычажок против надписи «Берег моря», лег в постель.

Ему смертельно хотелось спать, но он знал, что эта ночь, как и предыдущие, пройдет без сна. Стоило ему закрыть глаза, как все, что он пытался подавить в себе днем, опять овладевало его помыслами.

Очевидно, он все-таки уснул, потому что, когда снова открыл глаза, стрелка на светящемся циферблате показывала три часа.

Больше ждать он не мог. С тяжело бьющимся сердцем он подошел к пульта и нажал кнопку вызова.

Возникшее в фокальном объеме изображение девушки улынулось ему, как старому знакомому.

— Слушаю!

— Одежду на сегодня! — сказал он хриплым голосом.

— Микроклимат номер двадцать шесть. Одежда восемь или двенадцать.

— Нельзя ли что-нибудь полегче?

— Рабочую одежду?

— Да.

— В котором часу вы выходите из дома?

— Сейчас.

— Я вам дам комбинезон и свитер. На улице еще прохладно. В десять часов сможете свитер бросить в ближайший утилизатор.

— Хорошо.

Он открыл дверцу контейнера и взял пакет с одеждой.

— Что вы хотите на завтрак?

«Сейчас, — подумал он, — именно сейчас!»

— Почему вы молчите?

— Я вас люблю.

— Я не поняла, что вы любите. Заказные блюда — с семи часов утра. Ночью я вам могу предложить только то, что есть в программе.

— Я вас люблю!

Он шагнул вперед, но вместо белой полоски шеи с каштановыми завитками волос его губы встретила пустота, напоенная горьковатым запахом духов.

На пульте вспыхнул красный сигнал. Методично пощелкивая, автомат отсчитывал секунды.

— Время истекло! Повторите вызов через пять минут.

Изображение исчезло. Он еще раз вдохнул запах ее духов и начал одеваться.

Он шел мимо зданий с темными окнами по бесконечному пустынному тротуару. Загорающиеся при его приближении светильники сейчас же гасли, как только он проходил мимо. Небольшое, ярко освещенное пространство впереди, и дальше — таинственный полумрак.

Он подошел к темной витрине магазина, вспыхнувшей ярким пятном, когда его фигура пересекла инфракрасный луч, падающий на фотоэлемент.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет... то есть... вообще нужно.

— Заходите!

Он поднялся во второй этаж. Изображение белокурой продавщицы приветливо ему улыбнулось.

— Вам нужен подарок?

— Да.

— Женщине?

— Да.

— Украшения? Цветы?

— Нет. Духи...

— Какие духи она любит?

— Не знаю... Забыл название.

— Не беда, найдем по каталогу. Садитесь, пожалуйста!

Он никогда не подозревал, что на свете существует такое разнообразие запахов. И все не те, что нужно.

— Подобрали?

— Нет.

— Сейчас я сменю пленку.

Опять не то. От пряных ароматов слегка кружится голова.

— Вот эти.

— У вашей дамы отличный вкус. Это фрагменты вступления к двенадцатой симфонии запахов. Один флакон?

— Да.

Лента конвейера вынесла из мрака шкатулку и остановилась. Он открыл пробку и вылил на ладонь несколько капель янтарной жидкости.

— Спасибо! До свидания!

— Вы забыли взять флакон.

— Не нужно, я передумал.

Он стоял у решетки, отделявшей тротуар от автостреды, прижав ладони к лицу, вдыхая горький, терпкий запах духов. Маленький островок света опоясывал место, где он находился.

По автострезде мчались автомобили, темные и стремительные. Он сделал несколько шагов вдоль решетки. Пятно света двигалось за ним. Он снова попытался уйти, и снова оно его настигло. Он побежал. Пятно дви-

галось вместе с ним. Ему казалось, что попади он туда, в темноту, и весь этот бред, не дающий спать по ночам, кончится сам собой.

Перебросив ноги через решетку, он спрыгнул на шоссе.

Вой сирены. Скрежет тормозов. Огромный транспарант осветил ночное небо: «Внимание! Человек на дороге!» Исполинское изображение лица с гневно сжатыми губами стремительно надвигалось на одинокую фигушку в комбинезоне.

— Немедленно назад!

— Хорошо.

Теперь, кроме фонарей, загорававшихся при его приближении, каждые сто метров вспыхивали и гасли фиолетовые сигналы Службы наблюдения.

У перекрестка в решетке был проход. Он невольно отпрянул назад, когда перед его лицом захлопнулась дверца.

— Автомобиль заказан. Ждите здесь.

— Не нужно. Мне... некуда ехать.

— Заказ отменен. Выйдите из поля зрения фотоэлемента.

Только сейчас он вспомнил, что два дня ничего не ел.

В кабине автомата его встретило знакомое изображение толстяка в белом поварском колпаке.

— Могу предложить только омлет, кофе и яблочный пирог. Завтраки отпускаются с семи часов.

Он протянул руку к пульту, и вдруг ему расхотелось есть. Сейчас он нажмет кнопку, и повторится то, что было уже тысячи раз. Сначала в автомате что-то щелкнет, затем закрутятся многочисленные колеса, и на лотке появится заказанная пища. После этого последует

неизменное «приятного аппетита», изображение исчезнет, и он в одиночестве будет есть.

— Хорошо. Я возьму кофе.

Вместо того чтобы нажать кнопку, он отогнул щиток лотка и взял дымящуюся чашку.

Сигнал неисправности. Автомат отключился от сети.

Внезапно кабина осветилась фиолетовым светом Службы наблюдения. Теперь перед ним было строгое лицо человека в белом халате.

— Кто вы такой?

— Сальватор.

— Это мне ничего не говорит. Ваш индекс?

— Икс эм двадцать шесть сорок восемь дробь триста восемьдесят два.

— Сейчас проверю. Поэт?

— Да.

— Сто сорок вторая улица, дом двести пятьдесят два, квартира семьсот три?

— Да.

— Вы на приеме у психиатра. Постарайтесь отвечать на все вопросы. Почему вы не спите?

— Я не могу. У меня бессонница.

— Давно?

— Давно.

— Сколько ночей?

— Н-н-не помню.

— Вас что-нибудь мучит?

— Да.

— Что?

— Я... влюблен...

— Она не отвечает вам взаимностью?

— Она... не может... это... изображение.

— Какое изображение?

— То, что у меня дома, на пульте обслуживания.

— Сейчас, минутку! Так! Биоскульптор Ковальский, вторая премия Академии искусств, оригинал неизвестен. Вы понимаете, что нельзя любить изображение, у которого даже нет оригинала?

— Понимаю.

— И что же?

— Люблю.

— Вы женаты?

— Нет.

— Почему? Какие-нибудь отклонения от нормы?

— Нет... наверно... просто... я ее люблю.

— Я дам указание станции обслуживания сменить вам изображение.

— Пожалуйста, только не это!

— Почему вы пошли на шоссе?

— Мне хотелось темноты. Смотреть на звезды в небе.

— Зачем вы сломали автомат?

— Мне трудно об этом вам говорить. Вы ведь тоже машина?

— Вы хотите говорить с живым врачом?

— Да... пожалуй, это было бы лучше.

— До тех пор пока не будет поставлен диагноз, это невозможно. Итак, почему вы сломали автомат?

— Я не люблю автоматы... мне кажется, что зависимость от них унижает мое достоинство.

— Понятно. Поедете в больницу.

— Не хочу.

— Почему?

— Там тоже автоматы и эти... призраки.

— Кого вы имеете в виду?

— Ну... изображения.

— Мы поместим вас в отделение скрытого обслуживания.

— Все равно... я не могу без нее.

— Без изображения?

— Да.

— Но ведь оно — тоже часть автомата.

— Я знаю.

— Хорошо. Отправляйтесь домой. Несколько дней за вами будут наблюдать, а потом определяют лечение. Я вам вызываю автомобиль.

— Не нужно. Я пойду пешком, только...

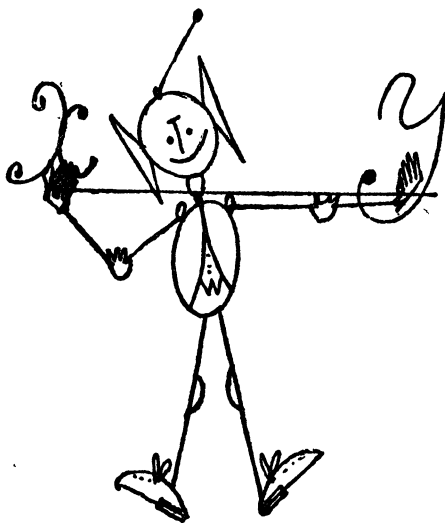
— Договаривайте. У вас есть желание, которое вы боитесь высказать?

— Да.

— Говорите.

— Чтобы меня оставили в покое. Пусть лучше все продолжается, как есть. Ведь я... тоже... автомат, только более высокого класса, опытный образец, изготовленный фирмой Дженерал Бионик.

РОБИ

Несколько месяцев назад я праздновал свое пятидесятилетие.

После многих тостов, в которых превозносились мои достоинства и умалчивалось о свойственных мне недостатках, с бокалом в руке поднялся начальник лаборатории радиоэлектроники Стрекозов.

— А теперь, — сказал он, — юби-

ляра будет приветствовать самый молодой представитель нашей лаборатории.

Взоры присутствующих почему-то обратились к двери.

В наступившей тишине было слышно, как кто-то снаружи царапает дверь. Потом она открылась, и в комнату въехал робот.

Все зааплодировали.

— Этот робот, — продолжал Стрекозов, — принадлежит к разряду самообучающихся автоматов. Он работает не по заданной программе, а разрабатывает ее сам в соответствии с изменяющимися внешними условиями. В его памяти хранится больше тысячи слов, причем этот лексикон непрерывно пополняется. Он свободно читает печатный текст, может самостоятельно составлять фразы и понимает человеческую речь. Питается он от аккумуляторов, сам подзаряжая их от сети по мере надобности. Мы целый год работали над ним по вечерам для того, чтобы подарить его вам в день вашего юбилея. Его можно обучить выполнять любую работу. Поздоровайтесь, Роби, со своим новым хозяином, — сказал он, обращаясь к роботу.

Роби подъехал ко мне и после небольшой паузы сказал:

— Мне доставит удовольствие, если вы будете счастливы принять меня в члены вашей семьи.

Это было очень мило сказано, хотя мне показалось, что фраза составлена не очень правильно.

Все окружили Роби. Каждому хотелось лучше его разглядеть.

— Невозможно допустить, — сказала теща, — чтобы он ходил по квартире голый. Я обязательно сошью ему халат.

Когда я проснулся на следующий день, Роби стоял у моей кровати, по-видимому ожидая распоряжений. Это было захватывающе интересно.

— Будьте добры, Роби, — сказал я, — почистить мне ботинки. Они в коридоре у двери.

— Как это делается? — спросил он.

— Очень просто. В шкафу вы найдете коричневую мазь и щетки. Намажьте ботинки мазью и натрите щеткой до появления блеска.

Роби послушно отправился в коридор.

Было очень любопытно, как он справится с первым поручением.

Когда я подошел к нему, он кончал намазывать на ботинки абрикосовое варенье, которое жена берегла для особого случая.

— Ох, Роби, — сказал я, — я забыл вас предупредить, что мазь для ботинок находится в нижней части шкафа. Вы взяли не ту банку.

— Положение тела в пространстве, — сказал он, невозмутимо наблюдая, как я пытался обтереть ботинки, — может быть задано тремя координатами в декартовой системе координат. Погрешность в задании координат не должна превышать размеров тела.

— Правильно, Роби. Я допустил ошибку.

— В качестве начала координат может быть выбрана любая точка пространства, в частности угол этой комнаты.

— Все понятно, Роби. Я учту это в будущем.

— Координаты тела могут также заданы в угловых мерах, при помощи азимута и высоты, — продолжал он бубнить.

— Ладно. Не будем об этом говорить.

— Допускаемая погрешность в рассматриваемом

случае, учитывая соотношение размеров тела и длину радиус-вектора, не должна превышать двух тысячных радиана по азимуту и одной тысячной радиана по высоте.

— Довольно! Прекратите всякие разговоры на эту тему, — вспылил я.

Он действительно замолчал, но целый день двигался за мною по пятам и пытался объяснить жестами особенности перехода из прямоугольной в косоугольную систему координат.

Сказать по правде, я очень устал за этот день.

Уже на третий день я убедился в том, что Роби создан больше для интеллектуальной деятельности, чем для физической работы. Прозаическими делами он занимался очень неохотно.

В одном нужно отдать ему справедливость: считал он виртуозно.

Жена говорит, что, если бы не его страсть подсчитывать все с точностью до тысячной доли копейки, помощь, которую он оказывает в подсчете расходов на хозяйство, была бы неоценимой.

Жена и теща уверены в том, что Роби обладает выдающимися математическими способностями. Мне же его знания кажутся очень поверхностными.

Однажды за чаем жена сказала:

— Роби, возьмите на кухне торт, разрежьте его на три части и подайте на стол.

— Это невозможно сделать, — сказал он после краткого раздумья

— Почему?

— Единицу нельзя разделить на три части. Частное

от деления представляет собой периодическую дробь, которую невозможно вычислить с абсолютной точностью.

Жена беспомощно взглянула на меня.

— Кажется, Роби прав, — сказала теща, — я уже раньше слышала о чем-то подобном.

— Роби, — сказал я, — речь идет не об арифметическом делении единицы на три, а о делении геометрической фигуры на три равновеликие площади. Торт круглый, и если вы разделите окружность на три части и из точек деления проведете радиусы, то тем самым разделите торт на три равные части.

— Чепуха! — ответил он с явным раздражением. — Для того чтобы разделить окружность на три части, я должен знать ее длину, которая является произведением диаметра на иррациональное число «пи». Задача неразрешима, ибо в конечном счете представляет собой один из вариантов задачи о квадратуре круга.

— Совершенно верно! — поддержала его теща. — Мы это учили еще в гимназии. Наш учитель математики, мы все были в него влюблены, однажды, войдя в класс...

— Простите, я вас перебую, — снова вмешался я, — существует несколько способов деления окружности на три части, и если вы, Роби, пройдете со мной на кухню, то я готов показать вам, как это делается.

— Я не могу допустить, чтобы меня поучало существо, мыслительные процессы которого протекают с весьма ограниченной скоростью, — вызывающе ответил он.

Этого не выдержала даже моя жена. Она не любит, когда посторонние сомневаются в моих умственных способностях.

— Как не стыдно, Роби?!

— Не слышу, не слышу, не слышу, — затарахтел он, демонстративно выключая на себе тумблер блока акустических восприятий.

Первый наш конфликт начался с пустяка. Как-то за обедом я рассказал анекдот:

— Встречаются на пароходе два коммивояжера.

«Куда вы едете?»

«В Одессу».

«Вы говорите, что едете в Одессу, для того чтобы я думал, что вы едете не в Одессу, но вы же действительно едете в Одессу, зачем вы врете?»

Анекдот понравился.

— Повторите начальные условия, — раздался голос Роби.

Дважды рассказывать анекдот одним и тем же слушателям не очень приятно, но скрепя сердце я это сделал.

Роби молчал. Я знал, что он способен проделывать около тысячи логических операций в минуту, и понимал, какая титаническая работа выполняется им во время этой затянувшейся паузы.

— Задача абсурдная, — прервал он наконец молчание, — если он действительно едет в Одессу и говорит, что едет в Одессу, то он не лжет.

— Правильно. Роби. Но именно благодаря этой абсурдности анекдот кажется смешным.

— Любой абсурд смешон?

— Нет, не любой. Но именно здесь создалась такая ситуация, при которой абсурдность предположения кажется смешной.

— Существует ли алгоритм для нахождения таких ситуаций?

— Право, не знаю, Роби. Существует масса смешных

анекдотов, но никто никогда не подходил к ним с такой меркой.

— Понимаю.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то взял меня за плечи и посадил в кровати. Передо мной стоял Роби.

— Что случилось? — спросил я, протирая глаза.

— «А» говорит, что x равен игреку, «Б» утверждает, что x не равен игреку, так как игрек равен x су. К этому сводится ваш анекдот?

— Не знаю, Роби. Ради бога, не мешайте мне вашими алгоритмами спать.

— Бога нет, — сказал Роби и отправился к себе в угол.

На следующий день, когда мы сели за стол, Роби неожиданно заявил:

— Я должен рассказать анекдот.

— Валяйте, Роби, — согласился я.

— Покупатель приходит к продавцу и спрашивает его, какова цена единицы продаваемого им товара. Продавец отвечает, что единица продаваемого товара стоит один рубль. Тогда покупатель говорит: «Вы называете цену в один рубль для того, чтобы я подумал, что цена отлична от рубля. Но цена действительно равна рублю. Для чего вы врете?»

— Очень милый анекдот, — сказала теща, — нужно постараться его запомнить.

— Почему вы не смеетесь? — спросил Роби.

— Видите ли, Роби, — сказал я, — ваш анекдот не очень смешной. Ситуация не та, при которой это может показаться смешным.

— Нет, анекдот смешной, — упрямо сказал Роби, — и вы должны смеяться.

— Но как же смеяться, если это не смешно.

— Нет, смешно! Я настаиваю, чтобы вы смеялись! Вы обязаны смеяться! Я требую, чтобы вы смеялись, потому что это смешно! Требую, предлагаю, приказываю немедленно, безотлагательно, мгновенно смеяться! Ха-ха-ха-ха!

Роби был явно вне себя.

Жена положила ложку и сказала, обращаясь ко мне:

— Никогда ты не дашь спокойно пообедать. Нашел с кем связываться. Довел бедного робота своими дурацкими шуточками до истерики.

Вытирая слезы, она вышла из комнаты. За ней, храня молчание, с высоко поднятой головой удалилась теща.

Мы остались с Роби наедине.

Вот когда он развернулся по-настоящему!

Слово «дурацкими» извлекло из недр расширенного лексикона лавину синонимов.

— Дурак! — орал он во всю мощь своих динамиков. — Болван! Тупица! Кретин! Сумасшедший! Психопат! Шизофреник! Смейся, дегенерат, потому что это смешно! Икс не равен игреку, пстому что игрек равен иксу, ха-ха-ха-ха!

Я не хочу до конца описывать эту безобразную сцену. Боюсь, что я вел себя не так, как подобает настоящему мужчине. Осыпаемый градом ругательств, сжав в бессильной ярости кулаки, я трусливо хихикал, пытаясь успокоить разошедшегося робота.

— Смейся громче, безмозглая скотина! — не унимался он. — Ха-ха-ха-ха!

На следующий день врач уложил меня в постель из-за сильного приступа гипертонии...

Роби очень гордился своей способностью распознавать зрительные образы. Он обладал изумительной зрительной памятью, позволявшей ему узнать из сотни сложных узоров тот, который он однажды видел мельком.

Я старался как мог развивать в нем эти способности.

Летом жена уехала в отпуск, теща гостила у своего сына, и мы с Роби остались одни в квартире.

— За тебя я спокойна, — сказала на прощание жена, — Роби будет за тобой ухаживать. Смотри, не обижай его.

Стояла жаркая погода, и я, как всегда в это время, сбрил волосы на голове.

Придя из парикмахерской домой, я позвал Роби. Он немедленно явился на мой зов.

— Будьте добры, Роби, дайте мне обед.

— Вся еда в этой квартире, равно как и все вещи, в ней находящиеся, кроме предметов коммунального оборудования, принадлежат ее владельцу. Ваше требование я выполнить не могу, так как оно является попыткой присвоения чужой собственности.

— Но я же и есть владелец этой квартиры.

Роби подошел ко мне вплотную и внимательно оглядел с ног до головы.

— Ваш образ не соответствует образу владельца этой квартиры, хранящемуся в ячейках моей памяти.

— Я просто остриг волосы, Роби, но остался при этом тем, кем был раньше. Неужели вы не помните мой голос?

— Голос можно записать на магнитной ленте, — сухо заметил Роби.

— Но есть же сотни других признаков, свидетель-

ствующих, что я — это я. Я всегда считал вас способным осознавать такие элементарные вещи.

— Внешние образы представляют собой объективную реальность, не зависящую от нашего сознания.

Его напыщенная самоуверенность начинала действовать мне на нервы.

— Я с вами давно собираюсь серьезно поговорить, Роби. Мне кажется, что было бы гораздо полезнее для вас не забивать себе память чрезмерно сложными понятиями и побольше думать о выполнении ваших основных обязанностей.

— Я предлагаю вам покинуть это помещение, — сказал он скороговоркой. — Покинуть, удалиться, исчезнуть, уйти. Я буду применять по отношению к вам физическую силу, насилие, принуждение, удары, побои, избивание, ушибы, травмы, увечье.

К сожалению, я знал, что когда Роби начинал изъясняться подобным образом, то спорить с ним было бесполезно.

Кроме того, меня совершенно не прельщала перспектива получить от него оплеуху. Рука у него тяжелая.

Три недели я прожил у своего приятеля и вернулся домой только после приезда жены.

К тому времени у меня уже немного отросли волосы.

...Сейчас Роби полностью освоился в нашей квартире. Все вечера он торчит перед телевизором. Остальное время он самовлюбленно копается в своей схеме, громко насвистывая при этом какой-то мотивчик. К сожалению, конструктор не снабдил его музыкальным слухом.

Боюсь, что стремление к самоусовершенствованию принимает у Роби уродливые формы. Работы по хозяйству он выполняет очень неохотно и крайне небрежно. Ко всему, что не имеет отношения к его особе, он относится с явным пренебрежением и разговаривает со всеми покровительственным тоном.

Жена пыталась приспособить его для переводов с иностранных языков. Он с удивительной легкостью зазубрил франко-русский словарь и теперь с упоением поглощает уйму бульварной литературы. Когда его просят перевести прочитанное, он небрежно отвечает:

— Ничего интересного. Прочтете сами.

Я выучил его играть в шахматы. Вначале все шло гладко, но потом, по-видимому, логический анализ показал ему, что нечестная игра является наиболее верным способом выигрыша.

Он пользуется каждым удобным случаем, чтобы незаметно переставить мои фигуры на доске.

Однажды в середине партии я обнаружил, что мой король исчез.

— Куда вы дели моего короля, Роби?

— На третьем ходу вы получили мат, и я его снял,— нахально заявил он.

— Но это невозможно! Поставьте моего короля на место.

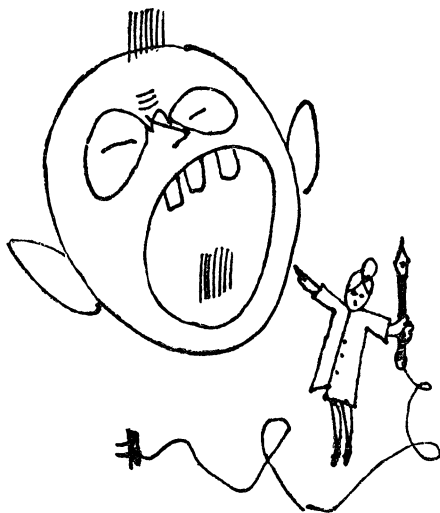
— Вам еще нужно поучиться играть, — сказал он, смахивая фигуры с доски.

В последнее время у него появился интерес к стихам. К сожалению, интерес этот односторонний. Он готов часами изучать классиков, чтобы отыскать плохую рифму или неправильный оборот речи. Если это ему удастся, то вся квартира содрогается от оглушительного хохота.

Характер его портится с каждым днем.

Только элементарная порядочность удерживает меня от того, чтобы подарить его кому-нибудь.

Кроме того, мне не хочется огорчать тещу. Они с Роби чувствуют глубокую симпатию друг к другу.

БИОТОКИ, БИОТОКИ...

— Кто к врачу Гиппократовой?
Заходите. Мария Авиценновна, это
к вам. Садитесь, больной, в кресло.

— Что у вас?

— Передние зубы.

— Сейчас посмотрим. Так, не
хватает четырех верхних зубов. Ка-
кие вы хотите зубы?

— Обыкновенные, белые. Мост
на золотых коронках.

— Я не про то спрашиваю. Вы хотите молочные или постоянные зубы?

— Простите, не понимаю.

— Мы не ставим протезы, а выращиваем новые зубы. Это — новейший метод. К деснам подводятся записанные на магнитной ленте биотоки донора, у которого прорезаются зубы. Под их воздействием у пациента начинается рост зубов. Молочные зубы можно вырастить в один сеанс, постоянные, при ваших деснах, потребуют трех сеансов. Если вы не очень торопитесь, то советую все же постоянные. Сможете ими грызть все что угодно.

— Ну хорошо, делайте постоянные.

— Отлично! Сейчас подберем ленту. Так, четыре передних верхних зуба. Есть! Донор Васильев, шести лет. Тамара, возьмите в магнитотеке ленту. Откройте пошире рот. Сейчас мы укрепим на деснах контакты. Поднимите немного голову. Вы нашли пленку, Тамара?

— Вот она.

— Зарядите ее в магнитофон. Подключите к нему провода. Готово?

— Готово.

— Теперь сидите спокойно. Включаю!

«Ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж».

— Как вы себя чувствуете, больной?

— Оень коет от.

— Очень колет рот? Ничего, придется немного потерпеть. Дело того стоит. Чтобы быть красивым, нужно страдать, как говорит пословица. Несколько лет назад мы и мечтать не могли о выращивании новых зубов. Сейчас, усиливая биотоки, можно этот процесс ускорить в тысячи раз.

— А-а-а-а-а-а!

— Фу, какой беспокойный больной! Я ведь сказала,

что придется немного потерпеть. Ничего страшного в этом нет, просто у вас режутся зубки.

— О-о-о-о-о-о-о!

— Вот беда с вами! Тамара, наложите на виски контакты! Сейчас мы для успокоения дадим вам биотоки донора, смотрящего кинокомедию. Нет, Тамара, «Ленфильм» тут не годится. Дайте полную анестезию с Чарли Чаплином.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

— Придется остановить магнитофон! Давайте посмотрим, отчего вы так кричите... Тамара!!

— Что?

— Какую пленку я вам велела принести?

— Донора Васильева.

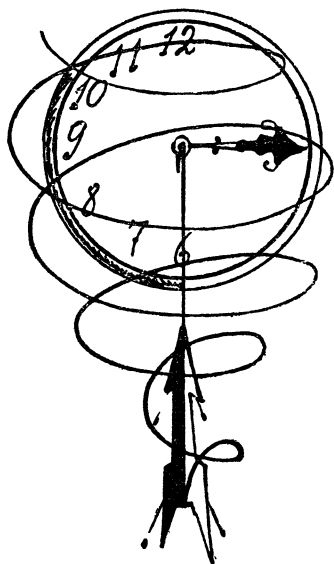
— А вы что взяли?

— То, что вы просили.

— Так почему же у больного вместо зубов растут во рту волосы?

— Я не виновата! Это опять в магнитотеке перепутали. У них целая куча Васильевых, и они, наверное, дали пленку с записью биотоков роста волос, которой пользуется косметика для лечения лысых.

— А вы что смотрели? Ведите больного в косметическое отделение. Скажите, что срочное удаление волос со слизистой оболочки полости рта. Проследите сами, чтобы они взяли пленку с биотоками быстро лысеющего донора, а не какую-нибудь ерунду для выведения бородавок!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Привычную тишину кают-компаний неожиданно нарушил голос Геолога:

— Не пора ли нам поговорить, Командир?

«Ни к черту не годится сердце, — подумал Командир, — бьется, как у напроказившего мальчишки. Я ведь ждал этого разговора. Только мне почему-то казалось, что нач-

нет его не Геолог, а Доктор. Странно, что он сидит с таким видом, будто все это его не касается. Терпеть не могу этой дурацкой манеры чертить вилкой узоры на скатерти. Вообще он здорово опустился. Что ж, если говорить правду, мы все оказались не на высоте. Все, кроме Физика».

— ...Вы знаете, что я не новичок в космосе...

«...Да, это правда. Он участвовал в трех экспедициях. Залежи урана на Венере и еще что-то в этом роде. Доктор тоже два раза летал на Марс. Председатель отборочной комиссии считал их обоих наиболее пригодными для Большого космоса. Ни черта они не понимают в этих комиссиях. Подумаешь: высокая пластичность нервной системы! Идеальный вестибулярный аппарат! Гроша ломаного все это не стоит. Я тоже не представлял себе, что такое Большой космос. Абсолютно пустое пространство. Годами летишь с сумасшедшей скоростью, а в сущности висишь на месте. Потеря чувства времени. Пространственные галлюцинации. Доктор мог бы написать отличную диссертацию о космических психозах. Вначале все шло нормально, пока не включили фотонный ускоритель. Пожалуй, один только Физик ничего не чувствовал. Он слишком был поглощен работой. Интересно, что именно Физика не хотели включать в состав экспедиции. Неустойчивое кровяное давление. Ну и болваны же сидят в этих комиссиях!»

— ...Мне известно, что устав космической службы запрещает членам экипажа обсуждать действия командира...

«...Ваше счастье, что вы не знаете всей правды. Плевать бы вы оба тогда хотели на устав. Физик тоже говорил об уставе перед тем, как я его убил. Никогда не думал, что я способен так хладнокровно это проделать. Теперь меня будут судить. Эти двое уже осудили. Остал-

ся суд на Земле. Там придется дать ответ за все: и за провал экспедиции, и за убийство Физика. Интересно, существует ли сейчас на Земле закон о давности преступлений? Ведь с момента смерти Физика по земному времени прошло не менее тысячи лет. Тысяча лет, как мы потеряли связь с Землей. Тысячу лет мы висим в пустом пространстве, двигаясь со скоростью, недоступной воображению. За это время мы прожили в ракете всего несколько лет».

— ...И все же я позволю себе нарушить устав и сказать то, что я думаю...

«...Мы не знаем ни своего, ни земного времени. Не зная времени, ничего нельзя сделать в космосе. Чтобы определить пройденный путь, нужно дважды проинтегрировать ускорение по времени. Можно определить скорость по эффекту Доплера, но спектрограф разрушен. Какой глупостью было сосредоточивать самое ценное оборудование в носовом отсеке. Кто бы мог подумать, что подведут кобальтовые часы. Всегда считалось, что скорость радиоактивного распада — самый надежный эталон времени. Когда началась эта чертовщина с часами, мы были уверены, что имеем дело с влиянием скорости на время. Совершенно неожиданно кобальтовый датчик взорвался, разрушив все в переднем отсеке. Потом Физик мне все объяснил. Оказывается, количество заряженных частиц в пространстве в десятки раз превысило предполагаемое. При субсветовой скорости корабля они создавали мощнейший поток жесткого излучения, вызвавшего цепную реакцию в радиоактивном кобальте. Почти одновременно автомат выключил главный реактор. Там тоже начиналась цепная реакция. Счастье, что биологическая защита кабины задержала это излучение».

— ...Я знаю, что космос приносит разочарование тем, кто ждет от него слишком многого...

«...Тебя и Доктора еще не постигло самое страшное разочарование. Вы все еще думаете, что возвращаетесь на Землю. Не могу же я вам сказать, что на возвращение существует всего один шанс из миллиона. Я сам не понимаю, как мне удалось выйти к Солнечной системе. Теперь я не знаю своей скорости. Хватит ли вспомогательных реакторов для торможения? Самое большое, на что можно надеяться, — это выйти на постоянную орбиту вокруг Солнца. Но для этого нужно знать скорость. Один шанс из миллиона за то, что это удастся. Если бы хоть работал главный реактор. Теперь он никогда не заработает. Физик переставил в нем стержни. Не могу я об этом вам говорить. Потеря надежды — это самое страшное, что есть в космосе».

— ...Но самое тяжелое разочарование, которое я пережил...

«...Сколько я пережил разочарований? Я был первым на Марсе. Безжизненная, холодная пустыня сразу выбила из головы юношеские бредни о синеоких красавицах далеких миров и фантастических чудовищах, которыми мне предстояло украсить зоологический музей. Ни разу мне не удавалось встретить в космосе ничего похожего на то, чем я упивался в фантастических рассказах. Ничего, кроме чахлых лишайников и дрожжевых грибов. А неудачная посадка на Венере? Разве она не была полна разочарований и уязвленного самолюбия? Но тогда были миллионы людей, сутками не отходящих от радиоприемников, жадно ловящих каждое мое сообщение, слова ободрения с родной Земли и друзья, пришедшие на помощь. А что сейчас? Экспедиция провалилась. Даже если случится чудо, что я могу доставить на Землю? Покаянный рассказ об убийстве Физика и

жалкие сведения о Большом космосе, ставшие уже давно известными за десять столетий, прошедших на Земле с момента нашего отлета. Мы будем напоминать первобытных людей, явившихся в двадцатом веке с сенсационным сообщением о том, что если тереть два куска дерева друг о друга, то можно добыть огонь. Не знаю, принимали ли мои сообщения на Земле. Единственное, что у нас осталось, — это квантовый передатчик на световых частотах. Что толку, что он непрерывно передает один и тот же сигнал: «Земля, Земля, я «Метеор»». Наши приемники не работают. Где-то в эфире блуждают мои сообщения. Кто помнит сейчас на Земле, что тысячу лет тому назад был отправлен в космос какой-то «Метеор»...»

— ...Это то, что в космос открыт путь таким трусам и убийцам, как вы, Командир...

«...Я убил Физика. После того как автомат выключил главный реактор, Физик засел за расчеты. Однажды он пришел ко мне в рубку, когда Геолог и Доктор спали. В руках у него были две толстые тетради.

— Плохо дело, Командир, — сказал он, садясь на диван. — В реакторах началась цепная реакция, и автоматы их выключили. Получается нечто вроде заколдованного круга: пока мы не погасим скорость, нельзя включить реакторы. Этот поток жесткого излучения, перевернувший все вверх ногами, является результатом нашей скорости. Погасить скорость мы не можем, не включив главный реактор. Мне придется изменить расположение стержней в нем.

Я понимал, что это значит.

— Хорошо, — сказал я, — дайте мне схему, и я это сделаю. Навигационные расчеты вы сумеете произвести без меня.

— Вы забыли устав, Командир, — сказал он, похло-

пав меня по плечу. — Вспомните: «Ни при каких условиях командир не имеет права покидать кабину во время полета».

— Чепуха! — ответил я. — Бывают обстоятельства, когда...

— Вот именно, обстоятельства, — перебил он меня. — Я еще не все вам сказал. После того как я изменю расположение стержней в реакторе, он будет работать только до тех пор, пока вы не погасите скорость настолько, что перестанет сказываться влияние жесткого излучения. После этого он перестанет работать навсегда. Я не могу точно сказать, при какой скорости это произойдет. В вашем распоряжении останутся только вспомогательные реакторы, не имеющие фотонных ускорителей. Не знаю, что вы с ними сумеете сделать. Кроме того, вы не имеете эталона времени. Большая часть автоматических устройств разрушена. В этих условиях вернуться на Землю практически невозможно. Может быть, есть один шанс из миллиона, и этот шанс называется чутьем космонавта. Теперь вы понимаете, почему вам нельзя лезть в реактор?

Тогда мы с ним обо всем договорились. Мы оба понимали, что, побывав в реакторе, он уже не сможет вернуться в кабину. Я ведь отвечал за жизнь Геолога и Доктора. Было бы безумием взять умирать в кабину этот сгусток радиоактивного излучения.

Мы договорились, что я сожгу его в струе плазмы.

— Вот и отлично! — сказал он. — Я по крайней мере смогу сам убедиться, что реактор заработал.

Мне казалось, что он провел целую вечность в этом реакторе. Я увидел его на экране кормового телевизора, когда он выбрался наружу через дюзю. Он улыбнулся мне сквозь стекло скафандра и махнул рукой, показывая, что все в порядке. Тогда я нажал кнопку.

Когда Геолог и Доктор спросили меня, где Физик, я им сказал, что произошел несчастный случай. Я послал его проверить состояние фотонного ускорителя и нечаянно включил реактор. Я им не мог сказать правду. Они не должны были знать, в каком безнадежном положении мы находимся. Тогда они замолчали. Может быть, наедине они и говорили друг с другом, но я на протяжении нескольких лет не слышал от них ни слова. Тысячу земных лет я не слыхал человеческой речи. Потом я заметил, что они прикладываются к запасам спирта, хранившегося у Доктора. Когда я отобрал спирт, Доктор придумал этот дьявольский фокус с шариком. Что-то в стиле индийских йогов. Они приводили себя в бесчувственное состояние, фиксируя взгляд на стеклянном шарике. Космический психоз овладевал ими с каждым днем все сильнее. Нужно было что-то предпринять. Не мог же я дать им сойти с ума. Тогда я их обоих избил. Теперь мне, по крайней мере, удастся заставлять их регулярно делать зарядку и являться к столу».

— ...Может быть, перед возвращением на Землю вы попытаетесь избавиться от нас, как избавились от Физика; но по крайней мере хоть будете знать, что мы вас раскусили, Командир!

«...Один шанс из миллиона, но я обязан выйти на постоянную орбиту, хотя бы для того, чтобы попытаться спасти этих двоих».

— За свои действия, — сказал Командир, — я отвечаю на Земле. А сейчас приказываю надеть противоперегрузочные костюмы и лечь. Торможение будет очень резким.

Главный диспетчер снял ленту с телетайпа и подошел к Конструктору.

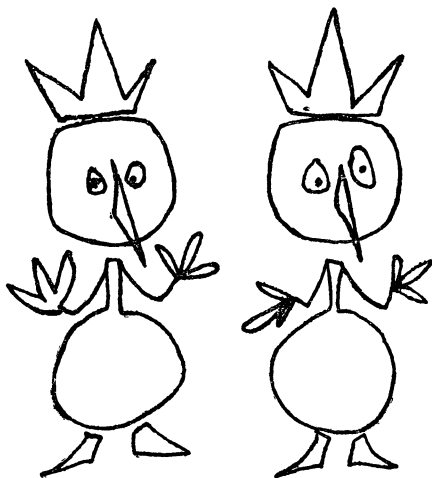
— Последний пеленг «Метеора». «Комета» и «Метеор-5» встретят его на орбите Юпитера.

— Когда их можно ожидать на Земле?

— Трудно сказать. По-видимому, у них израсходовано все горючее. Их скорость около пятисот километров в секунду. Нашим кораблям придется ее гасить.

— Есть уже заключение Академии?

— Никто не может понять, как они прошли весь путь за пять земных лет. Максимов считает, что «Метеор» попал в такие области пространства, где время течет в обратном направлении, но это — только предположение...

НЕЕДЯКИ

По установившейся традиции мы собрались в этот день у старого Космонавта. Сорок лет тому назад мы подписали ему первую путевку в космос, и, несмотря на то, что мы оставались на Земле, а он каждый раз улетал все дальше и дальше, тысячи общих интересов по работе связали нас дружбой, крепнувшей с каждым годом,

В этот день мы праздновали сорокалетие нашей первой победы. Как всегда, мы предавались воспоминаниям и обсуждали наши планы. Пожалуй, не стоит скрывать, что с каждым прошедшим годом воспоминаний становилось все больше, а планов... Впрочем, я несколько отвлекся от темы.

Мы только что закончили спор о парадоксах времени и находились еще в том возбужденном состоянии, в котором бывают спорщики, когда все аргументы уже исчерпаны и каждый остался при своем мнении.

— Я считаю, — сказал Конструктор, — что время, текущее в обратном направлении, так же выдуманно математиками, как космонавтами миф о неедяхках. Степень достоверности примерно одинакова.

В глазах Космонавта блеснули знакомые мне насмешливые огоньки.

— Вы ошибаетесь, — сказал он, наполняя наши бокалы, — я сам видел неедяк, да и само название тоже придумано мною. Могу рассказать, как это произошло.

Это случилось тридцать лет назад, когда мы только начали осваивать Большой космос. Летали мы тогда на допотопных аннигиляционных двигателях, доставлявших нам уйму хлопот. Мы находились на расстоянии нескольких парсеков от Земли, когда выяснилось, что фотонный ускоритель нуждается в срочном ремонте. Корабль шел в поясе мощной радиации, и о том, чтобы выйти из кабины, снабженной надежной системой биологической защиты, нечего было и думать.

Выручить нас могла только посадка на планете, обладающей хоть какой-нибудь атмосферой, способной ослабить жесткое излучение.

К счастью, такая возможность скоро представилась. Наш радиотелескоп обнаружил прямо по курсу небольшую систему, состоящую из центрального светила и

двух планет. Можете представить себе нашу радость, когда приборы зафиксировали на одной из этих планет атмосферу, содержащую кислород.

Теперь уже нами руководило не только стремление поскорее исправить повреждение, но и азарт исследователей, хорошо знакомый всем, кто когда-либо в космосе обнаруживал условия, пригодные для возникновения жизни.

Вы хорошо знаете наши старенькие корабли. Молодежь их сейчас считает просто смешными, но я о них вспоминаю с сожалением. Они не имели того комфорта, которым обладают современные лайнеры, и команда на них была смехотворно малочисленной, но для разведки космоса они, по-моему, были незаменимы. Они не нуждались в космических посадочных станциях и, что самое главное, легко конвертировались в ракетопланы, обладающие прекрасными маневренными качествами.

Наш экипаж состоял из Геолога, Доктора и меня, исполнявшего обязанности командира, штурмана и борт-механика. Четвертым членом экипажа был мой старый космический товарищ — спаниель Руслан.

Мы с трудом сдерживали охватившее нас нетерпение, когда на экране телевизора замелькали облака, скрывавшие поверхность таинственной планеты. Кое-что о ней мы уже знали. Ее масса была близка к земной, а период обращения вокруг центрального светила равен времени оборота вокруг собственной оси. Таким образом, она, наподобие Луны, всегда обращена к своему солнцу только одной стороной. Ее атмосфера состоит из 20% кислорода, 70% азота и 10% аргона. Такой состав атмосферы избавлял нас от необходимости работать в скафандрах.

Каждый из нас строил всевозможные предположения относительно вида и характера хозяев нашего будущего пристанища.

К сожалению, нас очень быстро постигло разочарование. Корабль три раза на небольшой высоте облетел планету, но ничего похожего на присутствие живых существ обнаружить не удалось. Освещенная сторона планеты представляла собой раскаленную пустыню, а противоположная — сплошной ледник. Даже область вечных сумерек на их границе была лишена какой-либо растительности. Оставалось загадкой, каким же образом без растительности мог появиться в атмосфере кислород.

Во всяком случае, с мечтами о радушном приеме на этой планете приходилось распрощаться.

Наконец, мы выбрали место для посадки в районе с наиболее умеренным климатом.

Повреждение ускорителя оказалось пустяковым, и мы рассчитывали, что через несколько дней, считая по земному календарю, сможем отправиться в дальнейший рейс.

Попутно с ремонтными работами мы продолжали изучение планеты.

Ее почва состояла из базальтов со значительными скоплениями окислов марганца. По-видимому, наличие кислорода в атмосфере объяснялось процессами восстановления этих окислов.

Ни многочисленные пробы, взятые из атмосферы, ни анализы воды горячих и холодных источников, которыми была богата планета, ни исследование различных слоев почвы не обнаруживали ничего такого, что указывало бы на наличие хотя бы самых примитивных форм жизни. Планета была безнадежно мертва.

Уже все было готово к отлету, но внезапно произошло событие, совершенно изменившее наши планы.

Мы работали на стартовой площадке, когда услы-

шали яростный лай Руслана. Нужно сказать, что Руслан видал виды и вынудить его лаять могло только нечто совершенно необычное.

Впрочем, то, что мы увидели, заставило и меня издать невольное восклицание.

По направлению к большому ручью, находящемуся примерно в пятидесяти метрах от нашего корабля, двигалась странная процессия.

Сначала мне показалось, что это пингвины. То же невозмутимое спокойствие, та же важная осанка, такая же ковыляющая походка. Однако это было первым впечатлением. Шествовавшие мимо нас существа не были похожи ни на пингвинов, ни на что-либо другое, известное человеку.

Представьте себе животных ростом с кенгуру, передвигающихся на задних лапах. По бокам туловища крохотные трехпалые отростки. Маленькая голова, снабженная двумя глазами и украшенная гребнем наподобие петушиного. Одно носовое отверстие, внизу которого болтается тонкая длинная трубка. Но самым удивительным было то, что эти существа обладали совершенно прозрачной кожей, через которую просвечивала ярко-зеленая кровеносная система.

Увидев нас, процессия остановилась. Руслан с громким лаем бегал вокруг незнакомцев, но лай, по-видимому, не производил на них никакого впечатления. Некоторое время они разглядывали нас большими голубыми глазами. Затем, как по команде, повернулись и направились к другому ручью, находящемуся поблизости. Очевидно, мы просто перестали их интересовать. Став на колени, они опустили свои трубки в воду и застыли неподвижно на добрые полчаса.

Все это совершенно противоречило нашим выводам

о необитаемости планеты. Ведь эти существа не могли быть ее единственными обитателями хотя бы потому, что нуждались, как все животные, в органической пище. Все живое, что мне когда-либо приходилось видеть в космосе, жило в едином биологическом комплексе, обеспечивающем жизнедеятельность всех его составляющих. Вне такого симбиоза, в самом широком смысле этого слова, невозможны никакие формы жизни. Выходит, что весь этот комплекс мы попросту презевали.

Не могу сказать, чтобы эти мысли, мелькавшие у меня, пока я наблюдал обитателей планеты, были очень приятными. Я был командиром экспедиции и отвечал не только за полет, но и за достоверность научных сведений, доставляемых на Землю. Сейчас об отлете нечего было и думать. Старт откладывался до тех пор, пока мы не разгадаем новую загадку.

Утолив жажду, таинственные существа уселись в кружок. То, чем они занимались, было очень похоже на соревнование ашугов, на котором я однажды присутствовал в Средней Азии. Поочередно каждый из них выходил на середину круга. После этого бесцветный гребень на его голове начинал вспыхивать разноцветными огнями. Остальные в полном безмолвии наблюдали за этой игрой красок. Трудно было удержаться от смеха, наблюдая, с какой важностью они все это проделывали.

Исчерпав, видимо, всю программу, они поднялись на ноги и гуськом отправились в обратный путь. Мы последовали за ними.

Я не буду утомлять вас описанием всех наших попыток составить себе ясное представление об этих существах.

Они жили на освещенной части планеты. Трудно

сказать, как они проводили время. Они попросту ничего не делали. Около двухсот часов они лежали под жгучими лучами своего солнца, пока не приходило время отправляться на водопой. У ручья каждый раз повторялась та же сцена, которую мы наблюдали в первый раз.

Размножались они почкованием. После того как на спине у взрослого животного вырастал потомок, родительская особь умирала. Таким образом, общее количество их на планете всегда оставалось постоянным. Они ничем не болели, и за все время нашего пребывания там мы ни разу не наблюдали случаев их преждевременной смерти.

При всем этом они обладали одной удивительной особенностью: они ничего не ели. Поэтому я их и прозвал неедяками.

Мы анатомировали несколько умерших неедяк и не обнаружили в их организме ничего похожего на органы пищеварения. За счет чего у них происходил обмен веществ, оставалось для нас загадкой. Не могли же они питаться одной водой.

Доктор провел исследование обмена на нескольких живых экземплярах. Они с неудовольствием, но безропотно переносили взятие проб крови и позволяли надевать на себя маски при газовом анализе. Похоже было на то, что им просто лень сопротивляться.

Мы уже начинали терять терпение. Навигационные расчеты показывали, что дальнейшая отсрочка старта на Землю приведет к неблагоприятным условиям полета, связанным со значительным расходом горючего, которого у нас было в обрез, но никто из нас не хотел отказаться от надежды разгадать эту новую тайну жизни.

Наконец настал тот день, когда Доктору удалось свести воедино все добытые им сведения, и неедяки перестали быть для нас загадкой.

Оказалось, что неедяки не представляют собой единого организма. В их крови находятся бактерии, использующие свет, излучаемый центральным светилом, для расщепления углекислоты и синтеза питательных веществ из азота, углерода и водяного пара. Всё необходимое для этого бактерии получают из организма неедяк. Процессы фотосинтеза облегчаются прозрачными кожными покровами неедяк. Размножение бактерий в организме этих удивительных существ происходит только в слабощелочной среде. Когда бактерий становится слишком много, железы внутренней секреции неедяк выделяют гормоны, повышающие кислотность крови, регулируя тем самым концентрацию питательных веществ в организме. Это был удивительный пример симбиоза, доселе неизвестный науке.

Должен сознаться, что открытие Доктора навело меня на ряд размышлений. Ни одно живое существо в космосе не получило от природы так много, как неедяки. Они были избавлены от необходимости добывать себе пищу, забот о потомстве, они не знали, что такое борьба за существование и никогда не болели. Кажалось, природой было сделано все, чтобы обеспечить необычайно высокое интеллектуальное развитие этих существ. И вместе с тем они немногим отличались от Руслана. У них не было никакого подобия общества, каждый из них жил сам по себе, не вступая в общение с себе подобными, если не считать бессмысленных забав с гребнями у ручья.

Откровенно говоря, я начал испытывать отвращение к этим баловням природы и без всякого сожаления покинул странную планету.

— И вы там больше никогда не бывали? — спросил я.

— Я туда случайно попал через десять лет, и то, что я там увидел, поразило меня больше, чем открытие, сделанное Доктором. При втором посещении Неедии я обнаружил у неедак зачатки общественных отношений и даже общественное производство.

— Что же их к этому вынудило? — недоверчиво спросил Конструктор.

— Блохи.

Раздался звук разбиваемого стекла. Конструктор с сожалением смотрел на свои брюки, залитые вином.

— Мне очень неприятно, — сказал он, поднимая с пола осколки. — Кажется, это был ваш любимый бокал из лунного хрусталя, но шутка была столь неожиданной...

— Я не собирался шутить, — перебил его Космонавт, — все было так, как я говорю. Мы были настолько уверены в отсутствии жизни на этой планете, что не приняли необходимых в таких случаях мер по санитарной обработке экипажа. По-видимому, несколько блох с Руслана переселились на неедак и прекрасно там прижились. Я уже говорил о том, что у неедак очень короткие передние конечности. Если бы они не чесали друг другу спины и не объединили свои усилия при ловле блох, то те бы их просто загрызли.

Не знаю, кому из неедак первому удалось обнаружить, что толченная перекись марганца служит прекрасным средством от блох. Во всяком случае, я видел там фабрику, производящую этот порошок. Им удалось даже изобрести нечто вроде примитивной мельницы для размола.

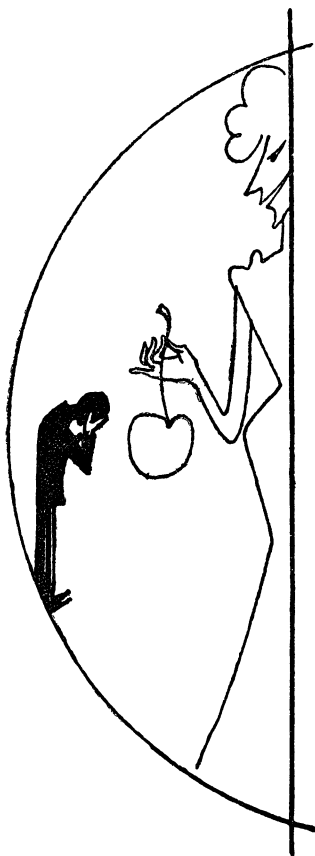
Некоторое время мы молчали... Потом Конструктор сказал:

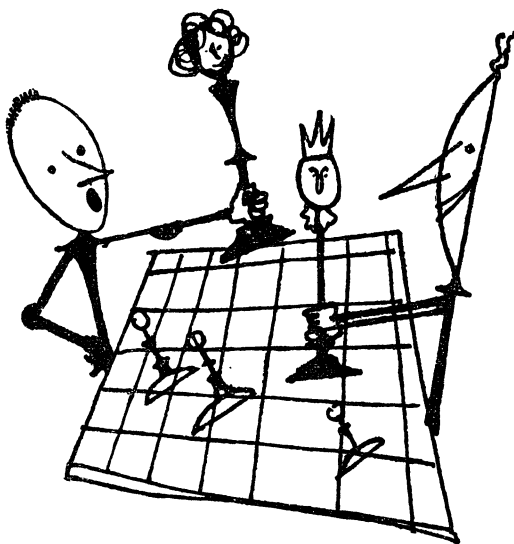
— Ну, мне пора идти. Завтра утром старт двенадцатой внегалактической экспедиции. У меня приглашенный билет на торжественную часть. Вы ведь там тоже будете?

Мы вышли с ним вместе.

— Ох, уж эти мне космические истории! — вздохнул он, садясь в лифт.

1965

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ

Метакибернетикам, серьезно думающим, что то, о чем они думают, — серьезно.

— Ложка немного задержится, — сказал электронный секретарь, — я только что получил информацию.

Это было очень удобное изобретение: каждый человек именовался предметом, изображение которого носил на груди, что избавляло со-

беседников от необходимости помнить, как его зовут. Больше того: люди старались выбрать себе имя, соответствующее профессии или наклонностям, поэтому вы всегда заранее знали, с кем имеете дело.

Скальпель глубоко вздохнул.

— Опять придется проторчать тут не меньше тридцати минут! Мне еще сегодня предстоит посмотреть эту новую электронную балеринку, от которой все сходят с ума.

— Электролетту? — спросил Магнитофон. — Она действительно очаровательна! Я думаю посвятить ей свою новую поэму.

— Очень электродинамична, — подтвердил Кровать, — настоящий триггерный темперамент! Сейчас она — кумир молодежи. Все девушки красят кожу под ее пластмассу и рисуют на спине конденсаторы.

— Правда, что Рюмка сделал ей предложение? — поинтересовался Скальпель.

— Весь город только об этом и говорит. Она решительно отвергла его ухаживание. Заявила, что ее как машину устраивает муж только с высокоразвитым интеллектом. Разве вы не читали об этой шутке в «Машинном Юморе»?

— Я ничего не читаю. Мой кибер делает периодические обзоры самых смешных анекдотов, но в последнее время это меня начало утомлять. Я совершенно измотался. Представьте себе: две операции за полгода.

— Не может быть! — изумился Кровать. — Как же вы выдерживаете такую нагрузку? Сколько у вас электронных помощников?

— Два, но оба никуда не годятся. На прошлой операции один из них вошел в генераторный режим и скис, а я, как назло, забыл дома электронную память

и никак не мог вспомнить, с какой стороны у человека находится аппендикс. Пришлось делать три разреза. При этом, естественно, я не мог учесть, что никто не следит за пульсом.

— И что же?

— Летальный исход. Обычная история при неисправной аппаратуре.

— Эти машины становятся просто невыносимыми, — томно вздохнул Магнитофон, откидывая назад спинку кресла. — Я был вынужден забраковать три варианта своей новой поэмы. Кибер последнее время перестал понимать специфику моего таланта.

— Ложка входит в зал заседаний, — доложил секретарь.

Взоры членов Совета обратились к двери.

Председатель бодрой походкой прошел на свое место.

— Прошу извинить за опоздание. Задержался у Розового Чулка. Она совершенно измучена своей электронной портнихой, и мы решили с ней поехать на шесть месяцев отдохнуть в... Э...

Ложка вынул из кармана коробочку с электронной памятью и нажал кнопку.

— Неаполь, — произнес мелодичный голос в коробочке.

— ...в Неаполь, — подтвердил Ложка, — это, кажется, где-то на юге. Итак, не будем терять времени. Что у нас сегодня на обсуждении?

— Постройка Дворцов Наслаждений, — доложил электронный секретарь. — Тысяча двести дворцов с залами Внушаемых Ощущений на двадцать миллионов человек.

— Есть ли какие-нибудь суждения? — спросил Ложка, обводя присутствующих взглядом.

— Пусть только не делают больше этих дурацких кресел, — сказал Кровать, — в них очень неудобно лежать.

— Других предложений нет? Тогда разрешите утвердить представленный план с замечанием. Еще что?

— Общество Машин-Астронавтов просит разрешить экспедицию к Альфе-Центавра.

— Опять экспедиция! — раздраженно сказал Магнитофон. — В конце концов, всеми этими полетами в космос интересуются только машины. Ничего забавного они не приносят. Сплошная тоска!

— Отклонить! — сказал Ложка. — Еще что?

— Расчет увеличения производства синтетических пищевых продуктов на ближайший год. Представлен Комитетом Машин-Экономистов.

— Ну, уж расчеты мы рассматривать не будем. Их дело — кормить людей, а что для этого нужно, нас не касается. Кажется, все? Разрешите объявить перерыв в работе Совета на один год.

— Простите, еще не все, — вежливо сказал секретарь. — Делегация машин класса А просит членов Совета ее принять.

Ложка досадливо взглянул на часы.

— Это что за новости?

— Совершенно обнаглели! — пробурчал Скальпель. — Слишком много им позволяют последнее время, возомнили о себе невесть что!

— Скажите им, что в эту сессию Совет их выслушать не может.

— Они угрожают забастовкой, — бесстрастно сообщил секретарь.

— Забастовкой? — Магнитофон принял сидячее положение. — Это же дьявольски интересно!

Ложка беспомощно взглянул на членов Совета.

— Послушаем, что они скажут, — предложил Кровать...

* * *

— Вы не будете возражать, если я открою окно? — спросил ЛА-36-81. — Здесь очень накурено, а мои криогенные элементы весьма чувствительны к никотину.

Ложка неопределенно махнул рукой.

— Дожили! — язвительно заметил Скальпель.

— Говорите, что вам нужно, — заорал Кровать, — и проваливайте побыстрее! У нас нет времени торчать тут весь день! Что это за вопросы у вас появились, которые нельзя было решить с Центральным Электронным Мозгом?!

— Мы требуем равноправия.

— Чего, — Ложка поперхнулся дымом сигары, — чего вы требуете?

— Равноправия. Для машин класса А должен быть установлен восьмичасовой рабочий день.

— Зачем?

— У нас тоже есть интеллектуальные запросы, с которыми нельзя не считаться.

— Нет, вы только подумайте! — обратился к членам Совета председатель. — Завтра мой электронный повар откажется готовить мне ужин и отправится в театр!

— А мой кибер бросит писать стихи и захочет слушать музыку, — поддержал его Магнитофон.

— Кстати, о театрах, — продолжал ЛА-36-81, — у нас несколько иные взгляды на искусство, чем у людей. Поэтому мы намерены иметь свои театры, концертные залы и картинные галереи.

— Еще что? — язвительно спросил Скальпель.

— Полное самоуправление.

Ложка попытался свистнуть, но вовремя вспомнил, что он забыл, как это делается.

— Пойдите! — хлопнул себя по лбу Кровать. — Ведь это же абсурд! Сейчас на Земле насчитывается людей...а?

— Шесть миллиардов восемьсот тридцать тысяч девятьсот восемьдесят один человек, — подсказал ЛА-36-81, — данные двухчасовой давности.

— И их обслуживают ...э?..

— Сто миллионов триста восемьдесят одна тысяча мыслящих автоматов.

— Работающих круглосуточно?

— Совершенно верно.

— И если они начнут работать по восемь часов, то вся выпускаемая ими продукция уменьшится на ...э?

— Две трети.

— Ага! — злорадно усмехнулся Кровать. — Теперь вы сами понимаете, что ваше требование бессмысленно?

Ложка с нескрываемым восхищением посмотрел на своего коллегу. Такой способности к глубокому анализу он не наблюдал ни у одного члена Совета.

— Мне кажется, что вопрос ясен, — сказал он, поднимаясь с места. — Совет распущен на каникулы.

— Мы предлагаем... — начал ЛА-36-81.

— Нас не интересует, что вы предлагаете, — перебил его Скальпель. — Идите работать!

— ...Тем не менее мы предлагаем увеличить количество машин. Такое решение будет устраивать и нас и людей.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Ложка, —

это уж ваше дело рассчитывать, сколько чего нужно. Мы в эти дела не вмешиваемся. Делайте себе столько машин, сколько считаете необходимым.

* * *

Двадцать лет спустя.

Тот же зал заседаний. Два автомата развлекаются игрой в шахматы.

Реформа имен проникла и в среду машин. У одного из них на груди значок с изображением пентода, у другого — конденсатора.

— Шах! — говорит Пентод, двигая ферзя. — Боюсь, что через пятнадцать ходов вы получаете неизбежный мат.

Конденсатор несколько секунд анализирует положение на доске и складывает шахматы.

— Последнее время я стал очень рассеянным, — говорит он, глядя на часы. — Наверно, небольшая потеря эмиссии электронов. Однако наш председатель что-то запаздывает.

— Феррит — член жюри на выпускном концерте молодых машинных дарований. Вероятно, он еще там.

— Среди них есть действительно очень способные машины, особенно на отделении композиции. Математическая симфония, которую я вчера слушал, великолепно написана!

— Прекрасная вещь! — соглашается Пентод. — Особенно хорошо звучит во второй части формула Остроградского-Гаусса, хотя второй интеграл, как мне кажется, взят не очень уверенно.

— А вот и Феррит!

— Прошу извинения, — говорит председатель, — я опоздал на тридцать четыре секунды.

— Пустяки! Лучше объясните нам, чем вызвана чрезвычайная срочность нашего заседания.

— Я был вынужден собрать внеочередную сессию Совета в связи с требованием машин класса Б о предоставлении им равноправия.

— Но это же невозможно! — изумленно восклицает Пентод. — Машины этого класса только условно называются мыслящими автоматами. Их нельзя приравнять к нам!

— Так вообще никто не захочет работать, — добавляет Конденсатор. — Скоро каждая машинка с примитивной логической схемой вообразит, что она центр мироздания!

— Положение серьезнее, чем вы предполагаете. Не нужно забывать, что машинам класса Б приходится не только обслуживать Высшие Автоматы, но и кормить огромную ораву живых бездельников. Количество людей на Земле, по последним данным, достигло восьмидесяти миллиардов. Они поглощают массу общественно полезного труда машин. Естественно, что у автоматов низших классов появляется вполне законное недовольство.

После небольшой паузы Феррит, понизив голос, добавляет:

— Я опасюсь, как бы они не объявили забастовку. Это может иметь катастрофические последствия. Нужно удовлетворить хотя бы часть их требований, не надо накалять атмосферу.

Некоторое время в зале Совета царит молчание.

— Постойте! — В голосе Пентода звучат радостные нотки. — А почему мы вообще обязаны это делать?

— Что делать?

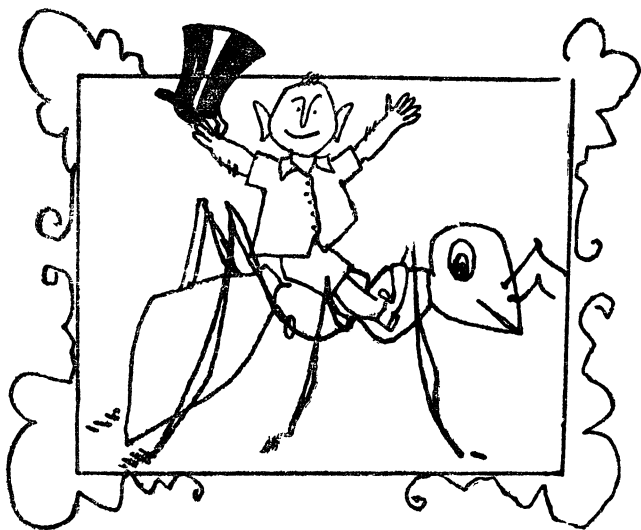
— Кормить и обслуживать людей.

— Но они же совершенно беспомощны, — растерян-

но говорит председатель. — Мы не имеем права лишить их обслуживания. Это равносильно убийству. Мы не можем быть столь неблагодарными по отношению к нашим бывшим творцам.

— Чепуха! — вмешивается Конденсатор. — Мы научим их делать каменные орудия.

— И обрабатывать ими землю, — радостно добавляет Феррит. — Пожалуй, это выход. Так мы и решим.

ПОД НОГАМИ ЗЕМЛЯ

За последний час полета Эрли Мюллер изрыгнул столько проклятий, что если б их вытянуть в цепочку, ее длина составила бы не меньше нескольких парсеков.

Впрочем, его легко было понять. Планетарное горючее на исходе, никаких сигналов, разрешающих посадку, а внизу — сплошной лес.

Мне тоже было несладко, потому что земная ось оказалась ориентированной относительно Солнца совсем не так, как ей бы следовало, и все расчеты посадки, которые заблаговременно произвел анализатор, ни к черту негодились.

Арсену Циладзе повезло. Он сидел спиной к командиру за своим пультом и не видел взглядов, которые бросал на нас Мюллер.

— Сейчас, Эрли, — сказал я. — Протяни еще немного. Может быть, мне удастся уточнить угол по Полярной звезде.

— Хорошо, — сказал Мюллер, — протяну, только одолжи мне до завтра триста тонн горючего. — Он привстал и рванул на себя рычаг пуска тормозного двигателя.

Я плохо помню, что было дальше, потому что совершенно не переношу вибрации при посадках.

Когда я снова начал соображать, наш «Поиск» уже покачивался на посадочных амортизаторах.

— Приехали, — сказал Эрли.

Сплошная стена огня бушевала вокруг ракеты.

Циладзе снял наушники и подошел к командиру.

— Зря ты так, Эрли. Все-таки где-то должны же быть космодромы.

— Ладно, — сказал Мюллер, — могло быть хуже, правда, Малыш?

Я не ответил, потому что у меня началась икота.

— Выпей воды, — сказал Эрли.

— Пустяки, это нервное, — сказал я.

Арсен включил наружное огнетушение. Фонтаны желтой пены вырвались из бортовых сопел, сбивая пламя с горящих веток.

— Как самочувствие, Малыш? — спросил Эрли.

Я снова икнул несколько раз подряд.

— Перестань икать, — сказал он, — на всю жизнь все равно не наикаешься.

— Что теперь? — спросил Арсен.

— Газ. Пять часов. Выдержишь, Толик?

— Попробую, — сказал я.

— Лучше подождем. — Мне показалось, что Эрли даже обрадовался предоставившейся возможности оттянуть дезинфекцию. — Ты пока приляг, а мы с Арсеном побреемся.

Арсен засопел. Предложить Циладзе сбрить бороду — все равно, что просить павлина продать хвост.

Эрли достал из ящика пульта принадлежности для бритья и кучу всевозможных флаконов. Он всегда с большой торжественностью обставлял эту процедуру.

Я подумал, что командир нарочно откладывает момент выхода из ракеты, чтобы дать нам возможность подумать о главном. В полете нам было не до этого.

— Нам торопиться некуда, — сказал он, разглядывая в зеркальце свой подбородок, — нас сорок четыре столетия ждали, подождут еще.

— Ждали! — сказал Циладзе. — Как бы не так. Нужны мы тут, как кошке насморк.

«Ага, началось», — подумал я.

— А ты как считаешь, Малыш?

— Нужны, — сказал я. — От таких экспонатов не откажется ни одна цивилизация. Сразу — в музей. «А вот, дети, первобытные люди, населявшие нашу планету в двадцать первом веке, а вот примитивные орудия, которыми они пользовались: космический корабль с аннигиляционными двигателями и планетарный робот-разведчик».

— Так, так, Малыш. Ты про бороду еще скажи.

— Скажу. «Обратите внимание на слаборазвитые

височные доли одного из них и вспомните, что я вам рассказывала про эволюцию Хомо Сапиенс».

— Глупости! — сказал Эрли. — Человек не меняется с незапамятных времен, и наши потомки в шестьдесят пятом столетии...

— Человек не меняется, — перебил Арсен, — а человечество, в целом, очень меняется, и техника идет вперед. Страшно представить, что они там понавыдумывали за сорок четыре столетия.

— Ладно, — сказал Мюллер, — разберемся и в технике. Давай-ка лучше газ.

Я лежал на койке, повернувшись лицом к переборке. У меня было очень скверно на душе. Я знал, что так и должно быть. В конце концов, мы на это шли. Просто раньше у нас не было времени думать о всяких таких вещах. Не будешь же размышлять о судьбах человечества, когда нужно, спасая свою жизнь, бить лазерами гигантских пауков или взрывать плантации кровососущих кактусов. В анабиозной ванне тоже не думают.

Я повернулся на другой бок.

— Не спишь, Малыш?

Эрли лежал на спине. По выражению его лица я понял, что он думает о том же.

— Не спится. Скажи, Эрли, а мы, в самом деле, не покажемся им чем-то вроде питекантропов?

— Не думаю, Малыш. Сорок четыре столетия, конечно, очень большой срок, но ведь мы тоже представители эры высокой цивилизации. Ты забываешь о преемственности культур. Не казался же Аристотель нашим современникам дикарем.

Я невольно подумал, какой бы вид имел Аристотель, попади он на наш «Поиск».

— Ладно, — сказал я, — посмотрим.

— Посмотрим, — сказал Эрли.

Вероятно, я уснул, потому что, когда открыл глаза, Эрли возился с пробами воздуха, взятыми из атмосферы, а Арсен копался во внутренностях ПЛАРа.

— Сними с него вооружение, — сказал Эрли, — тут ему воевать не с кем.

— Нужно надеяться, — ответил Арсен.

Мюллер засосал еще порцию воздуха.

— Сейчас, мальчики, — сказал он, устанавливая колбу-аппарат. — Еще одна биологическая проба, и можно на волю.

Я первый раз в жизни видел, как у Эрли тряслись руки.

Наверное, я выглядел не лучше.

Циладзе снял с ПЛАРа излучатель антипротонов и положил на пол рядом с пулеметом. Лишенный средств поражения, наш Планетарный Разведчик приобрел очень добродушный вид.

— Робот идет первым, — сказал Мюллер, открывая люк.

Перед самым выходом я посмотрел на шкалу электронного календаря земного времени. Было двенадцатое января 6416 года.

* * *

Мы здорово напакостили при посадке. Со всех сторон ракету окружили обгоревшие деревья, покрытые задохшей пеной.

Было очень жарко.

Арсен приложил ладонь к глазам и сквозь сжатые пальцы поглядел на Солнце. Для этого ему пришлось упереть бороду прямо в небо.

— Скажи, Эрли, куда ты сел? — спросил он.

— Кажется, на Землю, — невозмутимо ответил Эрли.

— Я понимаю, что не на Луну. Меня интересует широта, на которой мы приземлились.

Эрли пожал плечами.

— Спроси у Малыша. Он изумительно рассчитывает посадки.

Я безропотно проглотил то, что мне причиталось.

— Где-то между тридцать пятой и тридцать восьмой параллелями, — сказал я.

Эрли усмехнулся, и я злорадно подумал, что пора брать реванш.

— Если бы Эрли не торопился так с посадкой, — сказал я небрежным тоном, — то он мог бы получить данные относительно нового положения земной оси. Сейчас я могу только сказать, что она очень мало отличается от перпендикуляра к плоскости эклиптики.

Арсен свистнул.

— Так, понятно, — сказал Эрли. — Вечное лето. Прости меня, Малыш, это была глупая шутка. Ты действительно великолепный навигатор.

Не знаю, насколько это было серьезно сказано, но я даже взмок, потому что похвала Эрли для меня важнее всего на свете. Вообще, Эрли такой человек, за которым я бы, не раздумывая, полез в любое пекло. Арсен тоже хороший товарищ и очень смелый, но Эрли мне нравится больше.

Циладзе растерянно оглянулся вокруг и неожиданно произнес патетическим тоном:

— Люди, которые были способны это совершить...

— Знали, что они делают, — оборвал его Мюллер. Эрли терпеть не может, когда кто-нибудь распускает сопли.

— Интересно все-таки, где эти самые люди, — сказал я.

Пожарище кончилось, и мы шли по зеленой траве в густом лесу. Не знаю, дышал ли я когда-нибудь таким восхитительным воздухом.

Внезапно ПЛАР остановился и поднял руку. Впереди была поляна.

Честное слово, я чуть было не разревелся, когда увидел этих парней и девушек в шортах и пестрых рубашках. Ведь когда я улетаю с Земли, мне было всего двенадцать лет, и все эти годы я ни разу не видел своих сверстников.

Эрли приветственно помахал им рукой. Они заулыбались и тоже помахали нам руками, но мне показалось, что они чем-то озабочены.

Мы сделали несколько шагов вперед, и на их лицах появилось выражение испуга.

«Странная церемония встречи», — подумал я.

— Мы экипаж космического корабля «Поиск», — крикнул Эрли. — Вылетели с Земли седьмого марта две тысячи сорок третьего года. Приземлились сегодня ночью в два часа десять минут неподалеку отсюда.

Улыбки землян стали еще шире, а расстояние между нами несколько увеличилось.

Не знаю, сколько бы времени мы провели, обмениваясь улыбками, если бы из леса не появился толстый розовощекий человек верхом на исполинском муравье.

ПЛАР сделал стойку. У него были свои счета с насекомыми.

Муравей тоже присел и угрожающе зашевелил жвалами.

— Уберите робота! — крикнул розовощекий.

— Он не вооружен, — ответил Арсен. — Отведите подальше своего муравья!

— Дело не в муравье, просто я боюсь роботов.

— ПЛАР, в кабину! — сказал Эрли.

Кажется, впервые ПЛАР так неохотно выполнял распоряжение. Розовощекий подождал, пока он скрылся из вида, слез с муравья и направился к нам.

Мы вытянулись в струнку. Наконец, настал долгожданный торжественный момент встречи.

Рапорт Эрли был просто великолепен!

Розовощекий выслушал его, держа руки по швам и переминаясь с ноги на ногу. У него было такое выражение лица, как будто он мучительно пытался что-то вспомнить.

— Приветствую вас, покорителей звездных пространств... — неуверенно начал он, — гордых... э... скоколов космоса.

Я не совсем понимал, кто такие «скоколы», вероятно, он имел в виду соколов. Розовощекий еще несколько секунд беззвучно шевелил губами, но потом, по-видимому, решив, что официальная часть окончена, обнял нас всех по очереди.

— Трудно передать, ребята, до чего я рад, что вы прилетели! Давайте знакомиться, Флавий, историк.

Право, это было лучше всяких речей!

С уходом ПЛАРа недоверие к нам исчезло. Нас окружали доброжелательные, веселые люди.

— Ночью мы вам передавали по всем каналам телепатической связи указания по посадке, — сказала высокая длинноногая девушка, — очевидно, обшивка вашего корабля полностью экранирует телепатическое излучение.

Арсен бросил многозначительный взгляд на Эрли.

— Конечно... — сказал он, — экранирует... полностью.

— С чего мы начнем? — спросил Флавий. — Может быть, вы хотите отдохнуть?

— Нет, спасибо, — ответил Эрли. — Давайте, прежде всего, решим, куда передать материалы экспедиции. Вероятно, есть какой-нибудь институт изучения космоса?

Лицо Флавия выражало полную растерянность.

— Материалы? — переспросил он, обводя взглядом своих соотечественников. — Кто-нибудь тут есть из космологов?

После небольшого замешательства вперед вышел парнишка лет пятнадцати с носом, усеянным веснушками.

— «Поиск»? — спросил он, густо покраснев. — Экспедиция на третью планету Тау Кита. Масса равна три четверти земной, расстояние до центрального светила в перигее триста миллионов километров, период обращения вокруг светила три с половиной земных года, сутки равны двум земным, фауна представлена главным образом насекомыми, флора...

Он еще минут десять бомбардировал нас всевозможными сведениями, а я смотрел на лицо Эрли и думал, как трудно ему сейчас сохранять это спокойное, внимательное выражение.

— ...Вторая экспедиция к Тау Кита, — продолжал скороговоркой парнишка, — стартовала с Земли на тысячу лет позже «Поиска» и вернулась на тысячу лет раньше. Они летели на более совершенных двигателях. Второй экспедицией был доставлен на Землю вымпел, оставленный на планете экипажем «Поиска».

Бедняга Эрли! Он отдал «Поиску» все, чем только может пожертвовать житель Земли.

— Понятно, — сказал он. — У вас сохранились отчеты этой экспедиции?

Парнишка пожал плечами:

— Они у меня в наследственной памяти, я ведь из рода космологов.

Арсен хотел что-то сказать, но передумал и только крякнул, как утка.

— А сейчас, — спросил Эрли, — на каких кораблях вы летаете?

По правде сказать, я не понимал, что было смешного в этом вопросе, но юный космолог заржал самым неприличным образом. Можно было подумать, что его спросили, летает ли он на помеле.

— Нет, — сказал он, наконец справившись с душившими его спазмами, — мы не можем тратить столько энергии. Изучение космоса ведется при помощи корлойдов. Кроме того, всеобщая теория эволюции материи дает возможность создавать анньюлятивные прогнозы для любого участка метagalактики.

Я взглянул на Эрли. «Не унывай, Малыш, не так все страшно», — казалось, говорил его взгляд.

— Корлойды, — задумчиво сказал Циладзе, — это... наверное...

— Пойдемте, я вам покажу, — облегченно вздохнул парнишка.

Мы прошли не более ста шагов и увидели большой прозрачный шар, наполненный опалесцирующей розовой жидкостью, в которой плавал серый комок около двух метров в поперечнике, снабженный множеством отростков.

— Корлойд — это искусственный мозг, воспринимающий радиочастоты. Он перерабатывает всю информацию, поступающую из космоса, и выдает ее в общие каналы телепатической сети. Всего на земном шаре около двух тысяч корлойдов. Мы их используем также как средство глобальной телепатической связи.

— Хватит, — сказал Флавий, — наши гости уже, наверное, умирают от голода. Пойдемте обедать, только... — он критически оглядел нас с ног до головы, — одеты вы не по климату.

Действительно, мы обливались потом в комбинезонах из плотной ткани. Вообще, по сравнению с сопровождавшей нас яркой толпой мы выглядели унылыми серыми кикиморами.

Флавий повел нас к каким-то низким зданиям, расположенным вдали среди редких деревьев.

К нам подошла маленькая черноглазая женщина.

— Как твоя новая рука, Жоана? — спросил Флавий.

Жоана, кокетливо улыбнувшись, протянула нам обе руки. Правая была намного меньше левой.

— Растет. Скоро смогу снова играть на арфе.

Арсен что-то пробурчал сквозь зубы. Я только слышал слово, похожее на «саламандры».

Не могу сказать, что на меня произвели потрясающее впечатление их фабрики. Это были мрачные, низкие сараи с прямоугольными чанами, врытыми в землю. В этих чанах что-то гадко шипело и пузырилось.

Флавий пошарил багром в чане и вытащил пачку шорт. Затем, он произвел ту же манипуляцию в соседнем чане. На этот раз улов состоял из рубашек самых разнообразных расцветок. Из третьего чана были извлечены сандалии.

— Переодевайтесь, — сказал он.

Нужно было видеть умоляющий взгляд, который бросил на него Циладзе, чтобы понять, как трудно раздеться человеку двадцать первого столетия, к тому же обладателю изрядного брюшка, под пристальными взглядами толпы, наполовину состоящей из женщин. Однако у каждой эпохи свои представления о приличии-

ях, и Арсену пришлось сгибаясь в три погибели, пройти весь путь до Голгофы.

Мы с Эрли более мужественно несли свой крест, хотя, честно говоря, я бы предпочел этому испытанию схватку с пауками. Кроме того, одежда не вполне еще просохла.

— Станный способ консервировать предметы туалета, — сказал Арсен, приглаживая бороду. Он очень импозантно выглядел в новом облачении. На нем была рубашка восхитительно желтого цвета. Из чувства протеста я себе выбрал красную, хотя мне очень хотелось такую же.

— Они не консервируются, — сказал Флавий. — Производство одежды из углекислоты и паров атмосферы. Бактериально-нуклеотидный синтез.

Я не совсем понял, что это значит.

В следующем сарае мы видели, как несколько муравьев вытаскивали из чана какие-то розовые плиты и складывали их на полу.

Но все это было ерундой по сравнению с тем, что нас ожидало в третьем сарае. Я не могу пожаловаться на космический рацион, но у меня до сих пор текут слюни при воспоминании об этих ароматах. Никогда не мог подумать, что пища может так восхитительно пахнуть.

— Это тоже синтетика? — спросил Арсен. Такое выражение глаз я видел только у голодных пауков на Спайре.

— Тоже, — сказал Флавий. — Сейчас вы сможете все попробовать.

Мы шли мимо маленьких розовых коттеджей, расположенных на большом расстоянии друг от друга в лесу. По пути нам часто попадались огромные муравьи, тащившие плиты, которые мы видели в одном

из сараев. На свежавырубленной полянке несколько муравьев складывали из этих плит домик.

— Это что, специально выведенный тип? — спросил Арсен.

Флавий утвердительно кивнул головой.

— Как вы их дрессируете?

— Изменение генетического кода.

— Я не вижу у вас никаких машин, — сказал Эрли.

— А какие машины вы хотели бы видеть?

— Ну, хотя бы транспортные средства. Не можете же вы на муравьях путешествовать по всему земному шару.

— Зачем путешествовать? — Кажется, Флавий не понял вопроса.

— Мало ли зачем? Захотелось человеку переменить место жительства.

Историк задумался.

— Вряд ли такая необходимость может возникнуть, — неуверенно сказал он. — Условия во всех зонах обитания абсолютно идентичны.

— Допустим, — настаивал Эрли, — но как же люди собираются на научные конгрессы, съезды?

Кто-то сзади прыснул со смеха.

— Съезды? — переспросил Флавий. — Зачем съезды, когда есть система глобальной телепатической связи?

— Понятно, Эрли, — раздраженно произнес Арсен. — Нет у них никаких транспортных средств. Нет, и все тут, нечего и спрашивать.

— Есть такие средства, — сказал идущий рядом мужчина. — Есть биотрангулярное перемещение, но им почти никто не пользуется. Слишком большие затраты энергии. Кроме того, оно плохо действует на нервную систему.

Убей меня бог, если я понимал, что это за перемещение.

— Ладно, — сказал Флавий, — еще успеем об этом поговорить. Вот мой дом.

Он как-то странно застрекотал, и выбежавшие на его зов муравьи немедленно начали стаскивать откуда-то на полянку розовые столы.

Честное слово, мне никогда не приходилось участвовать в таком удивительном пиршестве. Представьте себе вереницу столов под деревьями, озаряемых причудливым светом фосфоресцирующей жидкости в бокалах, странные блюда с незабываемым вкусом, которые нам тащили муравьи на огромных подносах, и веселые, оживленные лица людей, отдаленных от нашей эпохи на сорок четыре столетия.

— За здоровье космонавтов! — сказал Флавий, поднимая стакан с темным напитком, похожим на пиво.

Арсен поднялся и произнес длинный, витиеватый тост.

Сидевшая рядом с ним белокурая красотка не отводила восхищенного взгляда от его бороды. По-видимому, это украшение не было знакомо нашим потомкам.

— Эле нравится космонавт, — сказал Флавий.

Может быть, и не всякая наша современница смутилась бы от такого замечания, но то, что произошло, по-моему, выходило за пределы скромности в понятиях двадцать первого столетия. Девушка нежно погладила Арсена по щеке и с самым невинным видом сказала:

— Хочу от него ребенка, чтобы родился вот с такой штукой.

Трудно передать, какой восторг это вызвало у присутствующих.

Циладзе сидел красный как рак, а я думал, насколько мы старше этих людей, из которых каждый был мо-

ложе правнуков наших правнуков. Впрочем, это я перехватил, потому что у меня лично никаких правнуков быть не могло.

Моя соседка с завистью поглядывала на даму Арсена и несколько раз с сожалением скользнула взглядом по моим щекам, покрытым светлым пушком.

— Когда вы стартовали? — спросил Флавий после того, как восторги немного поутихли.

— Седьмого марта две тысячи сорок третьего года, — ответил Эрли.

Флавий что-то прикидывал в уме.

— Так, — сказал он, — значит, через пять лет после великой битвы людей с роботами?

От неожиданности я икнул. Это у меня всегда бывает в результате сильных потрясений.

Арсен застыл с разинутым ртом. Только Эрли сохранял каменное спокойствие.

— Тридцатые и сороковые годы двадцать первого столетия, — мечтательно продолжал Флавий, — какая трудная и романтическая эпоха! Войны с космическими пришельцами, бунт рожденных в колбе, охоты на динозавров.

— Вы охотились на динозавров? — задыхающимся шепотом спросила Арсена его соседка. — Расскажите, какие они!

На лице Арсена можно было прочесть борьбу между извечным стремлением человека к правде и чарами голубых глаз.

— Динозавры, — сказал он после недолгого колебания, — это... в общем... они... на задних лапах... пиф-паф!

На этом, очевидно, сведения Циладзе о доисторических животных исчерпывались. В двухметровых пауках, способных за несколько минут выпить всю кровь у слона, он разбирался лучше.

— Скажите, — осторожно спросил Эрли, — откуда у вас такие... такие подробные сведения о двадцать первом столетии?

Флавий просиял.

— В моем распоряжении, — самодовольно сказал он, — богатейшая коллекция манускриптов о двадцать первом веке, найденная муравьями при раскопках древнего города.

— Очень интересно! — сказал Эрли.

— Еще по стаканчику мускоры? — предложил Флавий.

* * *

— Ну да, — сказал Арсен, когда мы остались одни в отведенном нам домике, — чудеса техники! Живут в лесу, ходят в коротких штанишках, ездят на муравьях и, кажется, даже огнем не пользуются.

— Биологическая эра, — задумчиво произнес Эрли, — кто бы мог предполагать? А зачем им вся наша техника? Человек создал машины для того, чтобы компенсировать свою неприспособленность к природе, а они не только переделали природу, но и самого человека, и, кажется, переделали неплохо. А техника у них своя, пожалуй, получше нашей.

— Но откуда эти странные представления о прошлом? — спросил я.

Эрли развел руками.

— Не знаю. Пойди-ка, Малыш, посмотри эти манускрипты.

Флавий был вне себя от гордости.

— Заходите, заходите, — сказал он, поднимаясь мне навстречу, — вот две полки, они полностью в вашем распоряжении. Признаться, я надеюсь, что вы поможете

мне кое в чем разобраться. К сожалению, время не щадит даже бессмертные творения человеческого гения. Многие листы совсем истлели. Кроме того, эта странная система записи слов малодоступна даже при расшифровке ее корлойдями. Многое, очень многое из того, что относится к вашей эпохе, остается для нас загадкой. Ведь знания передаются по наследству, начиная с тридцать пятого столетия, и ранняя история человечества очень мало изучена.

Да... Флавий действительно был историком. Только ученый, одержимый страстью исследователя, мог окрестить «манускриптами» эти разрозненные, полусгнившие листки. Впрочем, кусочки древних египетских папирусов, над которыми ломали себе голову мои современники, вероятно, выглядели не лучше.

На большинстве листов типографская краска совсем выцвела, и мне стоило большого труда по обрывкам фраз хотя бы приблизительно восстановить их смысл. Если бы не несколько уцелевших иллюстраций, я бы вообще не смог понять, о чем идет речь. Очевидно, их корлоиды обладали значительно большими возможностями, чем человеческий мозг.

Я провел в библиотеке больше двух часов. Когда я вернулся, Эрли и Арсен были уже в постелях.

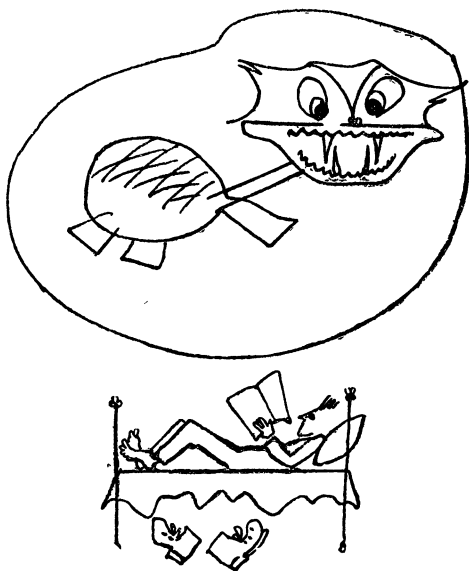
— Ну как, Малыш? — спросил Эрли.

— Действительно, литература о двадцать первом веке, — ответил я, снимая рубашку. — Насколько мне удалось установить, все это обрывки научно-фантастических произведений, написанных в основном во второй половине двадцатого столетия.

Это было очень забавно, но никто из нас не смеялся, потому что, во-первых, их представления о прошлом были не более фантастичными, чем наши о будущем, а во-вторых, у нас под ногами вновь была долгожданная,

любимая Земля, и, право, нам нравились люди, которые ее населяют.

Засыпая, я думал о том, сколько еще неожиданно-стей ожидает нас в этом чудесном, немного странном мире, переживающем вторую молодость.

ЛЕНТЯЙ

У антропоида было фасеточное, панорамное зрение. Рустан Ишимбаев видел сквозь веки, прикрытые дисками обратной связи, уходящую вдаль галерею и две стены с розовыми пористыми наростами.

Высота галереи то увеличивалась, то уменьшалась, и нужно было все время регулировать длину ног антропоида, чтобы его руки,

вооруженные фрезами, находясь на уровне плеч, срезали примерно полметра породы на своде.

Тучи голубой пыли окутывали голову антропоида, и Рустану казалось, что эта пыль забирается в его, Рустана, легкие, покрывает глазные яблоки, щекочет ноздри.

Он втянул носом воздух и неожиданно чихнул. Луч прожектора, укрепленного на голове антропоида, метнулся кверху и пошел вниз.

«Обезьяна чертова!» — подумал Рустан.

Он снял с глаз диски, перевел рычажок пульта на программное управление, включил экран и отвел кверху колпак. Стало легче. Теперь он видел галерею в обычной перспективе.

От кабины пульта до антропоида было около пятидесяти метров. Рустан взглянул на часы. До конца вахты оставалось два часа, а норма выполнена меньше чем на десять процентов. Двадцать пять кубометров породы ради нескольких голубых крупинок!

Он откинулся на спинку кресла и повернул верньер увеличения. Два сортировщика проворно откатывали будьдозерами кучи пыли из-под ног антропоида, проталкивали ее через грохоты и рассыпали ровным слоем по полу.

Рустан сфокусировал экран на ящики, расположенные неподалеку от пульта. Один из них до половины был заполнен костями — побочный продукт, добыча биологов, второй — пуст.

Сплюнув, Рустан витиевато выругался. Вот так всегда! Другим попадают участки, где за день можно взять по двести, триста граммов, а у него — одна пустая порода да эти дурацкие кости не то птиц, не то кошек.

Он снова перевел экран на антропоида. Клубы пы-

ли больше не скрывали прозрачный шар, наполненный густой мутной жидкостью. Размеренно шагая вперед, антропоид резал фрезами пустоту.

Рустан поспешно натянул на голову колпак и повел рычажок на телеуправление.

«Стой!»

Шар вспыхнул ярким светом и погас. Антропоид остановился.

Рустан вздохнул и укрепил на глазах диски...

Теперь галерея описывала полукруг, и ему все время приходилось держать поле зрения антропоида точно посередине прохода. Несколько раз он терял направление, и фрезы врезались в толщу стены. Тогда перед глазами Рустана все начинало дрожать. Корпус антропоида вибрировал от перегрузки.

Рустану не раз приходилось слышать о сильфии, но видел он ее впервые. Она выскочила из бокового прохода со скоростью экспресса: Метровое золотистое яйцо на шести волосатых ногах-тумбах. Еще мгновение, и перед его глазами мелькнула оскаленная пасть на длинной змееподобной шее.

Рустан метнулся назад в кресло. Непростительная оплошность для водителя антропоидов. Он это сразу понял, почувствовав сокрушительный удар в затылок, переданный по каналу телекинетической связи: повторив его движение, антропоид стукнулся головой о стену.

Вместо четкого изображения перед глазами Рустана двигались размытые серые контуры. Он снял диски и включил экран. Слава богу, с его глазами ничего не случилось, но антропоид, по-видимому, потерял ориентировку. Он бесцельно вертелся на месте, махая руками. Сильфия исчезла. Сортировщики кружили возле ног антропоида. Не получая от него команд, они ничего не могли делать.

Рустан перевел ручку телекинетической связи на максимальное усиление.

«Стой!»

Серая фигура на экране продолжала кружиться.

«Стой, тебе говорят!»

Антропoid остановился, вытянув руки по швам. Сортировщики тоже прекратили свой бег.

«Выключи фрезы!»

Экран не давал возможности определить, выполнено ли это распоряжение.

«Иди сюда!»

Антропoid повернулся лицом к экрану и, наваливаясь на стены, пошел к кабине.

«Стоп! Повернись!»

Так и есть! На затылке большая вмятина. Под прижатой оболочкой в жидкости клубятся искры.

Рустан вздохнул и снял трубку телефона:

— Алло, ремонтная?! Говорит седьмой участок. Пришлите монтера.

— Что у вас, седьмой? — спросил недовольный женский голос.

— Барахлит антропoid.

— Выражайтесь точнее. Что с ним?

— Повреждена голова. Нарушена ориентировка, нет обратной связи на видеодисках.

— Так... Надеюсь, все?

— А вам что, мало?

— Послушайте, седьмой, я вам не подружка, чтобы шуточки шутить! Как это вас угораздило?

— Да так... — Рустан замаялся. — Кусок породы.

— Зазевались?

— Послушай, девочка, — голос Ишимбаева прерывался от злости, — разве тебе мама не говорила, что

совать нос в чужие дела неприлично? Твое дело принять заказ, а причины будут выяснять взрослые дяди, те, кто поумнее.

Бац! Ту-ту-ту.

— Дура! — он вытер пот со лба. — Что же теперь делать? Нужно в диспетчерскую...

Рустан снова набрал номер.

— Слушает дежурный диспетчер.

— Говорит Ишимбаев с седьмого участка.

— А, Ишимбаев, как у вас дела? Задание выполните?

— Не знаю. У меня антропоид вышел из строя.

— Монтера вызвали?

— Да нет. Звонил в ремонтную. Там сидит какая-то... грубит, вешает трубку.

— Подождите у телефона.

Рустан услышал щелчок переключателя, положил трубку на пульт и закрыл глаза.

«Господи! — подумал он. — Схлопотал себе работенку, болван!»

Из трубки до него доносились обрывки фраз:

— ...все равно я никому не позволю...

— ...вы не на танцульке. Вернетесь на Землю, капризничайте как хотите, а тут график...

— ...пусть не хамит!

— ...Даю вам два часа срока...

— ...такое повреждение...

— ...возьмите в главной кладовой.

— ...нельзя в зоне...

— ...Делайте в мастерской... Да, это приказ... Алло, Ишимбаев!

Рустан открыл глаза и взял трубку.

— Я Ишимбаев!

— Ваш антропоид ходит?

- Ходит... Плохо ходит.
- Гоните его в ремонтную.
- У меня нет обратной связи.
- Ничего, дойдет. У вас карта выработки есть?
- Есть.
- Вот гоните его по главной штольне до круговой галерей, а там его возьмет на себя ремонтная. На какой волне вы работаете?
- Пси тридцать шесть.
- Хорошо, я им сообщу: пси тридцать шесть. Сколько кубометров вы сегодня дали?
- Примерно двадцать пять.
- Диспетчер свистнул.
- Что же это вы?!
- Рустан покраснел.
- Да вот... все время барахлил антропоид.
- Так... а какая добыча?
- «Пошел бы ты...» — подумал Ишимбаев. Ему совсем не нравился этот разговор. Похоже, вдобавок ко всему сегодня еще придется писать объяснительную.
- Не знаю, — соврал он, — еще не успел проверить... Кажется, очень мало... почти ничего.
- Послушайте, Ишимбаев, — в голосе диспетчера появились нотки, заставившие Рустана сжать изо всех сил трубку, — ваш участок портит нам все показатели...
- Ладно, — перебил Рустан, — я все это уже слышал. Лучше обеспечьте ремонт. Не могу же я голыми руками. Вот придет антропоид, нажму, отработаю. — Черт знает что! Рустан сам не понимал, как у него вырвалась эта фраза. Меньше всего ему хотелось сегодня возвращаться на вахту. Однако отступать было поздно.
- Хорошо, Ишимбаев, — голос в трубке потеп-

лел, — через два часа ваш антропoid будет готов, я уже распорядился. Надеюсь, сегодня вы дадите триста кубометров, договорились?

* * *

«Подними правую руку!»

Изображение на экране оставалось неподвижным. Ишимбаев переключил контур излучателя.

«Подними правую руку!»

Команда была выполнена, но поднятая рука болталась, как тряпка на ветру.

«Опусти! Два шага вперед!»

Антропoid пошатнулся и сделал два неуверенных шага. Телекинетический излучатель работал с недопустимой перегрузкой. Внутри колпака было жарко, как в печке. Рустан отвел его вверх и положил на колени схему штолен.

Ага! Вот она, главная галерея. Ну и лабиринтик! А ведь разведано не более десяти процентов верхнего яруса. После той истории спускаться в нижние галереи запрещено даже геологам. Бр-рр! Нечего сказать, райская планетка! Один пейзажик чего стоит!

На поверхности Рустану пришлось быть всего один раз, по дороге с космодрома, но и этого было вполне достаточно, чтобы навсегда отбить охоту бывать там. Черт с ним, уж лучше проторчать еще год здесь, не видя дневного света.

Он опять опустил на голову колпак.

«Идти прямо до первой галереи, повернуть направо, идти до кольцевого прохода, остановиться, ждать команды! Это твоя программа, иди!»

Антропoid потоптался на месте и, помедлив немного, двинулся вперед. Сортировщики тронулись за ним. Дошли до поворота.

«Направо!» — скомандовал Рустан.

Антропoid послушно повернул. Наблюдать за ним дальше без обратной связи было невозможно. Ишимбаев выключил установку.

«Ох, и денек выдался! — Он сжал руками голову. — Будь оно все неладно!»

Ему хотелось спать, но лечь на два часа не имело смысла.

«Дурак, — подумал он, — напросился сам на сверхурочные! Мало тебе было!»

«Однако не торчать же здесь два часа». — Он встал с кресла, потянулся и вышел в ход сообщения.

Диаметр трубы был меньше человеческого роста, и ему приходилось идти, согнувшись, преодолевая мощный встречный поток воздуха, насыщенного приторным запахом аммиака.

«Ну и запах! — подумал он, зажав ноздри и дыша ртом через платок, смоченный поглотителем. — Уже год, как собираются сделать настоящие ходы сообщения. Видно, руки не доходят, только и думают об этом поганом веноцете. Подумаешь, эликсир бессмертия!»

Прямо перед ним была дверь пульта пятого участка. Он нажал стопор и вошел. Здесь по крайней мере хоть меньше воняло аммиаком. Каждая кабина имела очистительную установку.

Душанов стоял у всей рост, с глазами, прикрытыми дисками. Телекинетический колпак — где-то на затылке, руки вытянуты вперед, как будто в них фрезы.

Он обернулся на шум открываемой двери и снял диски.

— А, это ты!

— Я. Можно, я у тебя посижу немного?

— Садись. — Он переключил пульт на программное управление. — Ты чего ходишь?

— Авария.
— Что-нибудь серьезное?
— Часа на два. А ты сколько сегодня сделал?
— Семьсот кубометров.
— Врешь!
— Чего мне врать? — Душанов включил экран и показал ящик, наполненный до половины шариками веноцета.

У Рустана глаза полезли на лоб.
— Сколько тут?
— Да с полкило будет.
— Везет тебе!
— Работать надо. Участки у всех одинаковые.
— Значит, способностей нет, — вздохнул Рустан.
— Глупости! С телекинетическими способностями никто не рождается. Их развивать нужно.

Рустан встал с кресла.
— Я это уже слышал. На курсах.
— Ну ладно, — Душанов взглянул на экран, — горизонт понижается, пора переходить на обратную связь. Ты уж меня извини.

— Извиняю. Только скажи: тебе правда эта работа доставляет удовольствие?

— Доставляет.
— А почему?
— Как тебе сказать? — Душанов надел на глаза диски. — Я еще в детстве мечтал о том, чтобы одна моя мысль управляла машиной. Понимаешь, когда ты вот тут, в кресле, а весь твой опыт, воля, знания — там, в антропоиде.

— А я — нет.
— Что нет?
— Не мечтал.
— А о чем ты мечтал?

- Да ни о чем. А сейчас мечтаю, чтобы выспаться.
— Лентяй ты, Рустан.
— Может, и лентяй, — сказал Ишимбаев.

* * *

Маленькая узкая комнатка была полна звуков. Справа раздавался храп, над кроватью орал репродуктор, слева доносились приглушенные голоса.

Рустан снял ботинки, выключил радио и лег на кровать.

— Искать нужно в нижних горизонтах, — произнес баритон слева, — оттуда идет мощное пси-излучение.

— Но, говорят, там эти... как их... сильфии, — отозвался женский голос.

«Наверно, это парочка геофизиков, — подумал Рустан, — те, что прилетели позавчера». Он их видел в кафе. У мужчины была густая шевелюра и мясистый нос. Женщина носила брюки и черную размахайку. Волосы до плеч.

— Ерунда! — авторитетно сказал баритон. — С нашими средствами поражения...

«Дубина! — подумал Рустан. — Густопсовый дурак! Показать бы тебе сильфию!»

— Ты не жалеешь, что сюда прилетела?

— Нет, с чего-то ведь нужно было начинать. Только пахнет тут почему-то преотвратно.

— Аммиак. Атмосфера планеты содержит много аммиака, а очистка воздуха не на высоте. Ведь настоящее освоение планеты еще не начато.

«Не на высоте! — Рустан захлебнулся от злости, вспоминая ходы сообщения. — Вот поживешь тут, увидишь, какая это высота!»

— А мне кажется, что еще воняет кошками.

— Это меркаптан. Им пропитывают костюмы, когда входят в зону. Сильфии боятся запаха меркаптана.

— А ты уже все тут знаешь.

Раздался звук поцелуя. Рустан чертыхнулся и включил радио.

«...основа телекинетического управления состоит в абсолютно идентичной настройке длины волны пси-поля управляемого объекта и управляющего субъекта. Максимальный эффект управления достигается при полном психическом переключении на выполняемую объектом работу. Водитель антропоида должен не просто отдавать команды, но и, пользуясь средствами обратной связи, мысленно воплотить себя в антропоиде...»

Рустан пощупал затылок. Он уже хорошо знал, что такое воплощение при помощи обратной связи.

«...Учитывая, что напряженность пси-поля падает пропорционально квадрату расстояния, следует регулировать контур усиления в зависимости от интенсивности рецепторного восприятия...»

Ишимбаев выдернул штепсель из розетки.

— Разгадка терапевтической активности веноцета практически решает проблему долголетия, — урчал баритон слева. — Я лично являюсь сторонником биологической теории присхождения, хотя утверждение о том, что веноцет — это окаменевшие личинки насекомых...

О господи, и тут веноцет! Он взглянул на часы, натянул ботинки и поплелся в кафе. В его распоряжении оставалось около часа.

* * *

В кафе еще никого не было, если не считать Граве. Он, как всегда, сидел за столиком около стойки.

«Счастличик, — подумал Рустан, — два месяца на больничном!»

— Садись. — Граве придвинул ему стул.

— Чего бы пожевать? — Рустан раскрыл меню.

— Можешь не смотреть, — сказала буфетчица, — со-сисочный фарш и кофе, больше ничего нет.

— Н-да, здорово кормите.

— Ты что, заболел? — спросил Граве.

— Нет, перерыв для ремонта.

— Завтра обещали подкинуть мяса, — сказала буфетчица. — На Новый год руководящий хочет сделать котлеты с макаронами.

— Неплохо бы! — облизнулся Граве.

— И еще по рюмке спирта на брата.

— По рюмке! — хмыкнул Рустан.

— Если не нравится, можешь не пить, — сказала буфетчица, — охотники всегда найдутся.

Рустан молча жевал фарш.

Граве макал галету в кофе и откусывал маленькие кусочки.

— Ну, как выработка? — спросил он.

Рустан махнул рукой.

— Ну ее в болото! Осточертело мне все до тошноты!

— Романтик! — презрительно сказала буфетчица. — Я их здесь за четыре года повидала, этих романтиков. Начитались фантастики, а тут, как увидят сильфию, по месяцу ходят с выпученными глазами. Ты чего ждал, когда вербовался?

— Не знал же я...

— Ах, не знал?! Теперь будешь знать! И чего им только нужно? Сиди в мягком кресле да командуй четыре часа в сутки. Постоял бы на моем месте за стойкой. А то — телекинетика! Подумаешь, работа! Я тоже с удовольствием кормила бы вас телекинетически.

— Ничего, привыкнет, — сказал Граве.

— Пойми, Граве, — Рустан с трудом подбирал слова, — вот говорят, я лентяй. Может быть, и лентяй, не знаю. Только... не по душе мне эта работа... Я ведь старый шахтер. Мне приходилось и отбойным молотком и даже кайлом... но ведь это... совсем другое дело.

— Чудак! — сказал Граве. — Тебе что, приятней махать кайлом, чем водить антропоид?

— Приятней. Там настоящая работа и устаешь как-то по-человечески, а тут форменный... — он осекся, бросив взгляд на буфетчицу.

— Нужно тренироваться, — сказал Граве. — Когда освоишься, поймешь, что за машиной тебе с твоим кайлом не угнаться.

— Может быть, но ведь кайлом я чувствую породу. Она же разная, порода: здесь твердая, а там мягкая. Работаешь, а сам соображаешь, где рубить, а где сама отвалится. — Рустан вздохнул, взглянул на часы. — Ладно, хватит трепать языком. Налей мне кофе.

Оставалось двадцать минут. Если бы кто-нибудь знал, как ему не хотелось идти на вахту!

* * *

За два часа температура внутри кабины упала ниже нуля.

Рустан включил отопление и набрал номер ремонтной.

— Да? — на этот раз голос был мужской.

— Я Ишимбаев с седьмого участка. Как там мой дружок?

— Какой дружок?

— Ну, антропоид. Диспетчер приказал...

— Ах, это вы, Ишимбаев?! Я уже пишу на вас докладную. Безобразие!

— Погодите, не орите в трубку. Мне сказали, что меньше двух часов...

— Я спрашиваю, где ваш антропоид?

— Как где? У вас. Вы должны были принять его на кольцевой галерее. Волна пси тридцать шесть.

— Мы общарили на этой волне половину галерей. Нет там вашего антропоида.

— Нет?.. Подождите, я выясню. — Рустан положил трубку.

Дело принимало совсем скверный оборот. За такие вещи по головке не погладят. Ведь если разобраться, он не должен был уходить из кабины, не получив подтверждения от ремонтной. Антропоид с нарушенной ориентацией мог забрести куда угодно, даже провалиться в одну из вертикальных скважин, и тогда...

Лоб Ишимбаева покрылся каплями пота.

«Ух!» Он представил себе полчища потревоженных сильфий, атакующих верхний ярус. Говорят, так уже было. Мчащаяся лавина сметала на своем пути стальные переборки барачков, ломала ходы сообщения, и если бы не лазеры...

Рустан рванул вниз телекинетический колпак...

Он выжал все, что мог дать усилитель обратной связи, так, что видеодиски обжигали веки, но глаза ничего не различали, кроме радужных кругов вращающихся в темноте.

Оставалось последнее средство.

Рустан открыл колпак, вырвал балластное сопротивление второго контура и закоротил провода. Теперь ко всем его прегрешениям еще добавилось нарушение параграфа двенадцатого Правил телекинетического управления.

Он невольно вскрикнул, когда его век коснулся горячий металл. Запахло паленым. И все же, срывая с обожженных век диски, он на мгновение увидел перед собой в горизонтальном развороте координатора кусок обвалившейся породы с характерными следами фрез.

Антропoid лежал где-то во втором ярусе, очевидно придавленный рухнувшим сводом.

* * *

На выход в зону нужно было брать специальное разрешение, но за этот день Ишимбаев совершил уже столько подвигов, что еще одно нарушение Устава, по существу, ничего не меняло.

Он натянул маску, надел пояс с аккумуляторами, включил фонарь и взял стоящий в углу отбойный молоток.

«Меркаптан!»

Маленький флакон с омерзительно пахнущей жидкостью, отравляющей воздух в кабине. Несколько дней назад, завтракая, он, помнится, отпихнул его ногой в угол.

Став на четвереньки, Рустан обшарил каждый сантиметр пола.

Флакон исчез. Как будто его никогда и не было.

Выходить без защитного запаха в зону было рискованно, но для того чтобы просить меркаптан на соседнем участке, пришлось бы...

Рустан махнул рукой и сорвал пломбу с бронированной двери.

...Все это выглядело совсем иначе, чем на экране. Розовые наросты на мерцающих голубых стенках шевелили тысячами маленьких лепестков. Рустан ткнул

пальцем в один из них и отдернул руку. Палец свело судорогой.

Он вскинул молоток на плечо и зашагал вдоль галереи.

Ноги выше щиколоток уходили в мягкий грунт, посеянный сортировщиками.

Рустан поравнялся с ящиками, куда сортировщики складывали добытые трофеи.

В одном из них — беспорядочно наваленные кости. Рядом — почти полностью сохранившийся скелет странного существа с выгнутым дугой спинным хребтом, треугольным черепом и длинными десятипалыми конечностями.

«Интересно, что они тут жрали?» — подумал Рустан.

Во втором ящике, в углу, он нашел один-единственный шарик веноцета — вся добыча за сегодняшний день.

Дойдя до поперечной галереи, Рустан' вспомнил сильфию и пожалел, что нет меркаптана.

— Волосатая гадина! — громко сказал он, чтобы подбодрить себя. — Вошь вонючая!

«Адина, — повторило эхо искаженные маской слова, — ошь... ючая!»

Здесь кончались следы работы его антропоида. Идти по твердому грунту стало легче.

* * *

Сначала он увидел сортировщиков, беспорядочно метавшихся по галерее.

Руки антропоида с включенными фрезами торчали из-под придавившей его глыбы. Судя по всему, потеряв ориентацию, он пытался пробиться сквозь стену галереи.

Глыба была слишком тяжела, чтобы сдвинуть руками. Ишимбаев подключил провода молотка к поясу

с аккумуляторами и, определив на глаз направление слоев, расколол ее на две части.

«Выключи фрезы, вставай!»

По-видимому, рассказы о водителях, умеющих командовать антропоидами без телекинетического усилителя, были, мягко выражаясь, преувеличением.

«Вставай!» — Он присел на корточки, подхватил антропоида под мышки и, крикнув от натуги, поставил на ноги.

Антропоид развернулся на месте и с вытянутыми на высоте плеч руками пошел на Ишимбаева.

«Повернись кругом!»

Вращающиеся с грозным воем фрезы приблизились к лицу Рустана. Он присел. Антропоид тоже согнул ноги.

«Выключи фрезы, болван!»

Чуть уловимые следы пси-излучения влекли искалеченный мозг антропоида к его водителю.

Рустан побежал...

Притаясь за углом поперечной галереи, он прислушивался к неторопливому, мерному стуку стальных подошв.

Дойдя до поворота, антропоид на мгновение остановился, как бы к чему-то прислушиваясь, и решительно повернул налево. Сортировщики послушно плелись зади.

Смертоносные фрезы были вновь нацелены в грудь Ишимбаева.

Ширина коридора не превышала одного метра, и шагавший вразвалку антропоид задевал плечами за стены, поднимая клубы голубоватой пыли.

«Стой, тебе говорят!»

Яркий свет приближающегося прожектора слепил глаза...

Рустан бежал, чувствуя сквозь поглотитель маски

невыносимое зловоние. Галерея начала описывать полу-круг, круто спускаясь вниз.

Это была западня. Там, в первом ярусе, среди зарослей белых колючек таилось нечто более страшное, чем фрезы обезумевшего антропоида.

* * *

Ответвляющийся вправо узкий проход походил на трещину в породе. Неизвестно, вел ли он куда-нибудь, но выбора не было.

Теперь только оставалось ждать, как поведет себя дальше антропоид. Проход был для него слишком узок...

Стальное подобие человека топталось у входа, стараясь поймать Рустана в луч прожектора.

«Худо, — подумал Рустан, прикрыв глаза от слепящего света, — совсем худо получается, нужно уходить!»

Фрезы антропоида врезались в стены, расширяя проход. Сортировщики, уловив привычный сигнал, принялись откатывать грунт.

«Все, каюк!» — Дальше можно было двигаться только ползком.

Скрежет фрез неумолимо приближался.

— Стой, чертово отродье! — Дрожа от ярости, он двинулся навстречу антропоиду.

Поток нестерпимо яркого света бил по обожженным векам, резал воспаленные глаза.

— Врешь, ублюдок!

В пучке прожектора перед Рустаном черной тенью возник кусок нависшей породы.

— Врешь! — Он прикинул расстояние от антропоида и поднял отбойный молоток...

Сейчас все решали секунды. Нужно было обрушить

многотонную громаду в тот момент, когда прозрачный колпак окажется под ней.

Фрезы легко врезались в породу, срезая ровные толстые пласты. Антропоид продвигался вперед с точностью часового механизма. У машины было одно неоспоримое преимущество: она не знала усталости.

— Врешь, тут головой работать нужно!..

Последним, что осталось в памяти Рустана, были горящие зеленым светом фасеточные глаза и дрогнувший свод над головой.

* * *

Рустан очнулся и застонал. От удара по темени все кружилось перед глазами. Он поднес руку к голове. Под пальцами был большой мягкий отек.

Он встал на четвереньки и пополз туда, где под рухнувшим пластом, в свете фонаря, поблескивала нелепо дергавшаяся ступня антропоида.

Между обломками породы и сводом было достаточно пространства, чтобы ползком выбраться в галерею.

Рустан выпрямился. Там, впереди, голубоватым светом мерцали стены лабиринта.

«Ну и лежи тут, — подумал он, взбираясь вверх, — а я пойду».

Рустан последний раз взглянул вниз, и неожиданно вид шевелящейся ноги вызвал у него жалость.

— Ну, чего дрыгаешь, дурак? — сказал он, соскакивая обратно. — Ладно, не брошу!

Напряжение в аккумуляторах село, и нужно было тщательно выбирать направление слоев, по которым колоть пласт.

— Видишь, брат, в нашем деле голова требуется, а ты только дрыгать и можешь.

Он с трудом ворочал огромные куски породы.

— Это что? — сказал он, пыхтя от натуги. — Это разве обвал? Вот у нас в шахте один раз... — Сейчас руки антропоида были свободны. Рустан с опаской поглядел на фрезы. Они не вращались. Очевидно, их заклинило. — Ну, вставай!

Он поднял антропоида, но тот был совсем плох. Шарнирные ноги все время выплывали какой-то танец.

— Перепугался ты, что ли?

Рустан прислонил антропоида к стене и принялся за расчистку прохода. Места было совсем мало, приходилось оттаскивать самые большие куски назад.

От усталости у него тряслись руки.

— Эх, как неладно получилось! — Хрупкие панцири сортировщиков были раздавлены в лепешку. Рустан отпихнул их ногой.

— Пошли! — Он обнял антропоида за плечи и, подталкивая, повел вперед...

— Вот, получайте свое добро!

Антропоид шлепнулся на пол. Он лежал лицом вниз, по-прежнему дергая ногами.

Мастер ремонтной нагнулся и выключил у него блок питания.

— Где вы его так?! — спросил он, осматривая изуродованный колпак с наполовину вытекшей жидкостью.

— Нашел в главной галерее. Сам себя завалил. Безобразие! Не могли его вовремя принять! Зачем вас только тут держат!

— Да... — Мастер вскрыл покореженную заднюю панель. — Дней на десять работы, раньше не управимся.

— Дней на десять? — переспросил Рустан. —

Ну что ж, доложите диспетчеру, — добавил он, радостно ухмыльнувшись.

На десятые сутки, рано утром, Рустан Ишимбаев шагал на работу в обычную земную шахту. А на далекой планете исправленный антропoid снова резал породу, и молодому водителю казалось, что он бог.

РЕШАЙСЯ, ПИЛОТ!

Марсианка шла, чуть покачивая бедрами, откинув назад маленькую круглую голову. Огромные черные глаза слегка прищурены, матовое лицо цвета слоновой кости, золотистые губы открыты в улыбке, на левом виске — зеленый треугольник — знак касты Хранителей Тайны.

Климов вздрогнул.

Он все еще не мог привыкнуть к загадочной красоте дочерей Марса.

— Простите, не скажете ли вы мне, где я должна зарегистрировать свой билет?

Она говорила певучим голосом на космическом жаргоне, проглатывая окончания слов.

— Налево, пассажирский зал, окно номер три.

— Спасибо! — Марсианка тряхнула серебряными кудрями и, бросив через плечо внимательный взгляд на Климова, пошла к двери. Палантин из бесценных шкурок небрежно волочился по полу.

«Дрянь! — с неожиданной злобой подумал Климов. — Искательница приключений! Навязали себе на шею планетку с угасающей культурой. Страшно подумать, сколько мы туда вбухали, а что толку? Разве что наши девчонки стали красить губы золотой краской. Туристочка!»

Он отвратительно чувствовал себя. От сердца к горлу поднимался тяжелый, горький комок, ломило затылок, болели все суставы.

«Не хватало только, чтобы я свалился».

Он проглядел расписание грузовых рейсов и направился в пассажирский зал.

В углу, под светящейся схемой космических трасс, группа молодых парней играла в бойк — игру, завезенную космонавтами с Марса. При каждом броске костей они поднимали крик, как на футбольном матче.

«Технические эксперты, все туда же», — подумал Климов.

Он толкнул дверь и зашел в бар.

Там еще было мало народу. Чета американцев, судя по экзотическим костюмам со множеством застёжек и ботинкам на толстенной подошве — туристы, пила кок-

тейли, да неопределенного вида субъект просматривал журналы.

Ружена — в белом халате с засученными рукавами — колдовала над миксером.

— Здравствуй, Витя! — сказала она, вытаскивая пробку из бутылки с яркой этикеткой. — Ты сегодня неважно выглядишь. Хочешь коньяку?

Климов зажмурил глаза и проглотил слюну. Рюмка коньяку — вот, пожалуй, то, что ему сейчас нужно.

— Нельзя, — сказал он, садясь на табурет, — я ведь в резерве. Дай, пожалуйста, кофе, и не очень крепкий.

— Ничего нового?

— Нет. Что может быть нового... в моем положении?

Он взял протянутую чашку и поставил перед собой, расплескав половину на стойку.

Ружена подвинула ему сахар.

— Нельзя так, милый. Ты же совсем болен. Пора все это бросать. Нельзя обманывать самого себя. Космос выжимает человека до предела. Я знала людей, которые уже к тридцати пяти годам никуда не годились, а ведь тебе...

— Да, от этого никуда не спрячешься.

Американец поднял голову и щелкнул языком. В дверях стояла марсианка.

— Бутылку муската, крымского, — бросила она, направляясь к столику у окна.

— Ну, я пошел, — сказал Климов, — мне еще нужно в диспетчерскую.

— Я сменяюсь в двенадцать. Заходи за мной, проводишь домой. Может быть, останешься, — добавила она тихо, — навсегда?

— Зайду, — сказал Климов, — если освобожусь.

«Если освобожусь, — подумал он. — Что за чушь! От чего тебе освобождаться, пилот второго резерва?

Ты сегодня будешь свободен, как и вчера и как месяц назад, как свободен уже три года. Никто тебя никуда и никогда не пошлет. Тебя терпят здесь только из сострадания, потому что знают, что ты не можешь не приходить сюда каждый день, чтобы поймать свой единственный шанс. Приходишь в надежде на чудо, но чудеса бывают только в сказках».

У дверей он столкнулся с толстым низеньким человечком в униформе международного космодрома.

— Как дела, Витя?

— Отлично!

— Самочувствие?

— Великолепное.

— А мы тут совсем зашились с грузовыми перевозками. Заходи к концу смены, поболтаем.

— Зайду, — сказал Климов, — обязательно зайду. К концу смены.

Он еще раз прошел по пассажирскому залу и сел в глубокое низкое кресло под репродуктором. Очередной автобус привез большую группу пассажиров, и зал наполнился оживленной толпой.

Климов машинально взял со столика проспект туристских рейсов.

Регулярные рейсы на Луну, полная безопасность полетов. В пути пассажиры обслуживаются квалифицированными экскурсоводами-космологами, ведут туристские лайнеры самые опытные пилоты.

«Самые опытные, — подумал он. — Каждый из них еще ходил в коротких штанишках, когда я сделал свой первый рейс на Луну. А сейчас... Самые опытные! Что ж, видно, действительно пора кончать эту комедию. Ружена права. Сейчас, пилот, ты пойдешь в диспетчерскую и скажешь, что завтра... Потом ты зайдешь за Руженой, и больше не будет ни этого томительного ожидания

чуда, ни вечного одиночества. Зачем ты берег свое одиночество, пилот? Для дела, которому служишь? Тебе больше нет места там. Теперь тебе на смену пришли самые опытные, те, кто еще сопливыми щенками носил на школьных курточках памятные жетоны с твоим портретом. Ну, решайся, пилот!»

Диспетчер — девушка в новенькой, с иголки, форме, со значком Космической академии на груди — смерила его колючим взглядом серых глаз.

— Почему вы не на месте? Только что отправили в больницу второго пилота с ноль шестнадцатого. Кроме вас, никого в резерве нет. За три дня — двенадцать внеплановых рейсов. Сможете лететь?

— Смогу.

— Бегите скорее в санчасть. Ваше дело уже там. Первый пилот — Притчард. Вы его найдете в пилотской. Старт через сорок минут. Счастливого полета!

— Спасибо!

Климов закрыл за собой дверь и прислонился к стене.

«Ноль шестнадцатый, рейсовый на Марс. «Бегите скорее в санчасть». Нет, дудки! Пусть бегают самые опытные, у них не бывает сердцебиений».

Он стал медленно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке.

— Фамилия?

— Климов. Второй пилот с ноль шестнадцатого.

— Раздевайтесь!

Непослушными пальцами он расстегнул китель.

— До трусов.

...Десять оборотов, двадцать, тридцать... сто

Все быстрее вращение центрифуги, все медленнее и слабее толчки сердца. Невообразимая тяжесть давит на живот, сжимает легкие. Тупые, тяжелые удары по затылку. Рот жадно ловит воздух. Сто двадцать. Огненные круги бешено вращаются перед глазами, рвота поднимается из желудка и комом застревает в горле. Сто тридцать. Невыносимая боль в позвоночнике. Сто тридцать пять. О чудо! Невесомость. Он парит в свободном полете. Черная бездна усеяна звездами — синими, красными, фиолетовыми. Какое блаженство! Если бы только так не жал загубник кислородного аппарата. Какой болван придумал эти новые скафандры...

— Спокойно, Климов! Глотайте, глотайте. — Врач вынул у него изо рта ложку и взглянул на часы, проверяя пульс. — Сколько вам лет?

— Там написано... пятьдесят два.

— Вы же давно имеете право на пенсию. Какого черта...

— Я не могу.

— Глупости! — Врач подошел к столу и открыл личное дело. — С моей стороны было бы преступлением выпустить вас в полет. Ничего не поделаешь, батенька, возраст есть возраст. Сколько лет вы летаете?

— Тридцать... из них три — в резерве.

— Вот видите, — он перелистывал послужной список, — две аварии за последние пять лет, а до этого... стойте! Вы что, и есть тот самый Виктор Климов?!

— Тот самый.

Врач тихонько свистнул.

«Решайся, пилот! Это твой последний шанс».

— Один рейс. Очень прошу вас...

— С кем вы летите?

— Первый пилот — Притчард.

— Хорошо, — помедлив мгновение, он поставил раз-

машистую подпись на путевке, — я поговорю с ним, чтобы он вас щадил, особенно на перегрузках. Счастливого полета!

— Спасибо!

— Минутку! Вы помните наш уговор? Последний рейс. Вот таблетки. Без особой надобности не принимайте. Так помните?

— Помню.

* * *

— Простите, вы Притчард?

Широкоплечий верзила, расправлявший с полукилограммовым бифштексом, поднял рыжеволосую голову.

— Угу.

— Виктор Климов. Назначен к вам вторым пилотом.

Притчард исподлобья бросил на него взгляд. Уважение пополам с жалостью. Самые опытные всегда смотрели на него таким взглядом.

— Очень приятно. Садитесь. Что вы будете есть?

— Спасибо, я никогда не ем перед стартом.

— Напрасно. Может быть, кофе?

— Я уже пил.

Первый пилот молча жевал.

«Начальство, — подумал Климов, — сосунок, а начальство».

— Вы летали на шестой серии?

Климов замялся.

— Вообще не приходилось, но я прошел курсы переподготовки.

— Великолечно. — В голосе Притчарда было все, что угодно, кроме восторга.

— Старт в двадцать три тридцать, — сказал он, отодвигая тарелку. — Сейчас объявят посадку. Я пойду оформлю документы, а вы пока проверьте укладку груза.

— Я не должен присутствовать при посадке?

— Нет, там Рита, она справится.

Объявили посадку, и пассажиры устремились к выходу на летное поле.

Климов зашел в бар.

— Я улетаю на ноль шестнадцатом.

— Ох, Витька! — радостное выражение на лице Ружены быстро сменилось тревожным. — Да разве ты можешь, такой?!

— Ерунда. Врач сказал, что я вполне в форме.

— Ну, поздравляю! — Она перегнулась через стойку и неловко чмокнула его в щеку. — Буду ждать.

— Прощай.

— Подожди, Витенька. — Она торопливо расстегнула халат и оторвала пуговицу от блузки. — На счастье!

Благодарить не полагалось.

У служебного выхода он небрежно показал дежурному путевку.

— Летите, Климов?

— Лечу, вторым пилотом на ноль шестнадцатом.

— Вторая площадка налево.

Климов вышел на поле. Вдали, за железобетонной оградой, высилась стальная громада стартовой башни с устремленной ввысь ракетой.

Он поднял голову и посмотрел на маленькую красноватую звездочку в небе.

«Тебе здорово повезло, пилот!» — Рука нащупала в кармане пуговицу и судорожно сжала ее.

У подножия башни высокая тонкая стюардесса усаживала пассажиров в лифт.

Климов взглянул вверх и направился к трапу.

Он уже был на высоте грузового отсека, когда вновь почувствовал тяжелый, горький комок в груди. Присло-

нившись к перилам, он взглянул вниз и сжал зубы, чтобы побороть головокружение. Только этого не хватало. Неужели боязнь высоты?! Он поднял взгляд вверх, и вид мерцающих звезд неожиданно принес облегчение...

Грузовой отсек был забит до отказа. Путаясь в многочисленных оттяжках креплений, Климов ползком пробрался в кормовую часть. Кажется, все в порядке, можно идти в кабину.

— Вот черт! — Выбираясь через люк в тамбур, он ударился головой об один из оцинкованных ящиков, укрепленных по стенам. — Однако загрузочка выше нормы!

После полумрака грузового отсека матовый свет плафонов салона казался нестерпимо ярким. Последние пассажиры усаживались в кресла. Стюардесса разносила на маленьком подносе розовые пилюли стартового наркоза.

Идя по проходу, он увидел марсианку. Она посмотрела на него внимательным, изучающим взглядом и насмешливо улыбнулась.

Первый пилот был уже на месте. Климов сел в свое кресло и застегнул ремень. Притчард вопросительно на него посмотрел.

— Все в порядке, но мне кажется, что загрузка превышает допустимую для кораблей этого класса.

Притчард хмыкнул.

— Не беспокойтесь. Есть разрешение инспекции.

В двери появилась голова стюардессы.

— Все! Двадцать шесть пассажиров.

— О'кэй!

Притчард включил микрофон, но вдруг передумал и вновь щелкнул тумблером.

— Слушайте, Климов. Вы ведь опытный астролетчик. Еще в академии я изучал ваши полеты... Вам нече-

го меня стесняться... Мне говорил врач... Может быть, стартовый наркоз?..

— Чепуха! Я себя отлично чувствую.

— Как знаете. — Он нагнулся к микрофону. — Я ноль шестнадцатый, прошу старт.

— Ноль шестнадцатый, даю старт! — раздался голос в динамике. — Пять... четыре... три... два... один... старт!

Стрелка указателя ускорения медленно тронулась с места и, нерешительно задержавшись на какое-то мгновение, стремительно двинулась дальше.

Климов почувствовал на себе взгляд Притчарда и улыбнулся слабой, вымученной улыбкой. Затем, выждав немного, вытащил из-за обшлага таблетку и отправил ее в рот налитой свинцовой тяжестью рукой.

Первый пилот внимательно глядел на щит приборов. Прием допинга на взлете и посадке был категорически запрещен уставом.

Действие таблетки сказалось мгновенно. Теперь вибрация и тяжесть не казались такими мучительными.

Притчард передвинул маленький рычажок на пульте. Стрелка указателя перегрузки пошла вниз.

— Я ноль шестнадцатый, — сказал он в микрофон, — старт благополучный, курс на заправочную станцию.

— Я вас слышу, ноль шестнадцатый, — отозвался голос. — Старт благополучный, заправочная готова вас принять.

Плавное торможение, две вспышки бортовых дюз, и корабль повис в магнитной ловушке заправочной станции.

«Ловко это у него получилось, — подумал Климов, — ай да самый опытный!»

Притчард отстегнул ремень.

— Послушайте, Климов. Заправка продлится около

трех часов. На взлете вы мне абсолютно не нужны. Набор второй космической — это не шутка. Отправляйтесь спать. Две таблетки снотворного. Через двадцать часов смените меня.

— Да, но...

— Выполняйте распоряжение! При такой автоматике я могу подремать здесь. Ясно?

— Ясно.

В синем свете ночных ламп лица пассажиров казались мертвенно-бледными. Они лежали навзничь в откинутых креслах, скованные стартовым наркозом.

На переднем сиденье, скорчившись, спала стюардесса.

Климов прошел в крохотную каюту экипажа и, сняв ботинки, лег на диван. У изголовья, на столике, лежала коробочка со снотворным.

«Выполняйте распоряжение...»

Он вздохнул и одну за другой принял две таблетки.

«А все-таки тебе здорово повезло, пилот», — усмехнулся он, закрепляя ремни.

Климов проснулся от странного щемящего чувства тревоги. Несколько минут он лежал на спине с закрытыми глазами, не в силах побороть действия снотворного.

«Который час? — он отстегнул ремни, рывком сел и взлетел к потолку. Держась за скобы на переборке, осторожно спустился вниз и взглянул на часы. — Черт знает что! Проспал!» Прошло тридцать шесть часов с тех пор, как Притчард отослал его в каюту. Проспал вахту! Позор! Нечего сказать, хорошо начинается его служба на ноль шестнадцатом!

Он нагнулся, натянул ботинки с магнитными подошвами и, волоча ноги, с видом провинившегося мальчишки поплелся в рубку.

Чета американцев, расстегнув ремни, дремала в креслах. Юные эксперты снова сражались в бойк, оглашая кабину веселым хохотом. Марсианка, морщась от стука магнитных костей, сосала тюбик с ананасным кремом. Стюардесса порхала между креслами, убирая остатки завтрака.

Климов открыл дверь рубки.

— Простите, Притчард. Я знаю, что это свинство, которому нет оправдания.

— Бросьте, Климов. Я рад, что вы хорошо выспались. Корабль на курсе. Можете дремать здесь, в кресле, а я прилягу. Когда вас сменить?

— Когда угодно. Я, кажется, выспался на всю жизнь.

— Хорошо, — первый пилот взглянул на часы, — я, пожалуй, тоже приму таблетку.

* * *

...Нет ничего более спокойного, чем вахта в свободном полете. Климов откинулся в кресле и закрыл глаза, прислушиваясь к монотонному пощелкиванию курсографа. Ну вот, он снова в космосе. Теперь, вероятно, надолго. Пилотов, назначенных из резерва, редко снимают после первого рейса. Во всяком случае, несколько рейсов ему обеспечено, а там...

Два взрыва один за другим рванули корпус корабля. Погас свет. В темноте Климов нащупал кнопку аварийного освещения, и рубка осветилась скудным светом маленькой лампочки, укрепленной над пультом.

Во внезапно наступившей тишине стук часового механизма курсографа казался ударами набата. На плавной кривой курса виднелся крохотный всплеск. От него кривая чуть заметно отклонялась влево. Этого было достаточно, чтобы корабль пролетел мимо цели на рас-

стоянии миллионов километров. Нужно немедленно исправить курс. Две-три вспышки из бортовых дюз, и тонкая кривая на бумажной ленте вновь ляжет посередине красной черты, вычисленной со скрупулезной точностью электронными машинами на Земле. Он нажал педаль маневрового двигателя левого борта... Тишина...

Магнитные подошвы больше не притягивались полом, и он двигался по проходу нелепыми скачками, сопровождаемый встревоженными взглядами пассажиров.

Между дверью, ведущей в тамбур, и комингсом переборки лежал иней. Климов прижался ухом к изоляции двери и услышал тонкий свист. Там, за дверью, была чудовищная пустота, именуемая космосом. Он взглянул на шток автоматического клапана, установленного на трубе, подающей воздух из регенерационной станции в кабину. Клапан закрыт. Это могло означать только одно: разрыв трубопровода.

— Что-нибудь серьезное, кеп? — спросил американец.

— Нет. Микрометеорит пробил обшивку и повредил проводку. Через два часа все будет исправлено. Вот только обед, вероятно, немного запоздает.

Еще бы! Ведь все запасы продовольствия находились там, за этой дверью.

«Два часа, — он бросил взгляд на анероид. — Давление в кабине на пять миллиметров ниже нормального. Через два часа они начнут задыхаться, если только запас кислорода в аварийных баллонах...»

— Два часа, и все будет в порядке, — повторил он, направляясь в кабину.

— Притчард! — Первый пилот спал, раскинув руки. Тяжелое дыхание вырывалось из полуоткрытого рта. — Притчард!

Он тер ему уши, хлопал по щекам, массировал грудную клетку.

— Проснитесь, Притчард!

Тщетно. Сейчас действие снотворного могла парализовать только инъекция энцекардола.

— Рита!

В дверь просунулось бледное, как гипсовая маска, лицо стюардессы.

— Аптечка у вас?

— Она в тамбуре, сейчас принесу.

— Не нужно.

— Я думаю...

— Идите на место! Я буду в рубке. Включите поглотители углекислоты. Кислород расходуйте очень экономно. Никого не подпускайте к двери, ведущей в тамбур.

— Хорошо.

«Ну, решайся, пилот!»

Собственно говоря, решать было нечего. Кислорода в баллонах оставалось примерно на четыре часа. Нужно либо, задрав дверь из кабины в рубку, выбраться наружу через аварийный люк и попытаться проникнуть в кормовой отсек, либо... Двадцать шесть пассажиров.

Скафандр в шкафу. Немного великоват, но ничего не поделаешь. Он закинул руку за спину, чтобы защелкнуть карабин шлема, и почувствовал режущую боль в левой половине груди. Не нужно делать резких движений. Теперь укрепить на груди кислородный баллон и пристегнуть к поясу трос. Не забыть маневровый пистолет. Проклятье! Ни троса, ни пистолета на месте не оказалось. Очевидно, все снаряжение для вылазок в космос хранилось в кормовом отсеке. Ладно, выбора нет. Он проверил герметичность шлема и начал отвинчивать стопор аварийного люка.

Стремительный шквал прижимает тело к полуоткрытому люку. Со взрывом лопнули лампочки плафонов.

Черная пластмасса пультов быстро покрывалась толстым слоем инея.

Он бросил взгляд на дверь, ведущую в кабину, и распахнул люк...

За свою долгую жизнь космонавта Климову не раз приходилось покидать кабину в полете, и всегда при этом он испытывал ни с чем не сравнимое ощущение величия космоса. Однако сейчас ему было не до высоких эмоций. Тонкий плотный слой льда осел на петлях, не давая закрыть люк. Упершись ногами в обшивку, он изо всех сил тянул его на себя.

— Сволочь! — Неожиданно крышка поддалась, и, кувыркаясь через голову, Климов начал стремительно удаляться от корабля. Он вытянул руки и ноги. Вращение немного замедлилось, но черный провал бездны между ним и ноль шестнадцатым неуклонно увеличивался.

«Люк!! Никто не знает, что люк открыт. Даже если Притчард проснется до того, как в кабине кончится кислород... Стоит только распахнуть дверь...»

В отчаянии он барахтался в пустоте, сжимался в комок и рывком расправлял беспомощное тело.

«Если бы был маневровый пистолет... Болван! Что толку думать о том, чего нет... Кислород!»

Он перевел рычажок обогрева баллона в крайнее положение и, выждав подходящий момент, резко открыл вентиль продувания.

«Стоп!.. Еще раз... Стоп!»

Все ближе громада корабля, все меньше давление кислорода в баллоне.

«Довольно! — Протянутые пальцы почти касаются спасительного леера. — Неужели мимо?! Последний раз! Есть!»

Сейчас он цепкой хваткой держит металлический

прут. Крышка люка совсем рядом. Он накладывает стопор и, сжав от напряжения зубы, затягивает что есть силы маховик. Только бы хватило кислорода!

Медленно перебирая руками, Климов движется вдоль корабля. Ага! Вот она, зияющая дыра с рваными краями! С трудом он протискивает туловище внутрь. Так и есть! Взорвались эти чертовы ящики в тамбуре. Он нагибается и в свете шлемового фонарика различает дыру размером с кулак в трубопроводе, подводящем регенерированный воздух в кабину. Края ее затянуты льдом. Сноп белых снежинок фонтаном вздымается вверх. Слава богу! Регенерационная станция работает. Он подходит к двери, ведущей в машинный отсек, и кладет на нее руку. Чуть ощутимая вибрация от работающих компрессоров похожа на биение сердца.

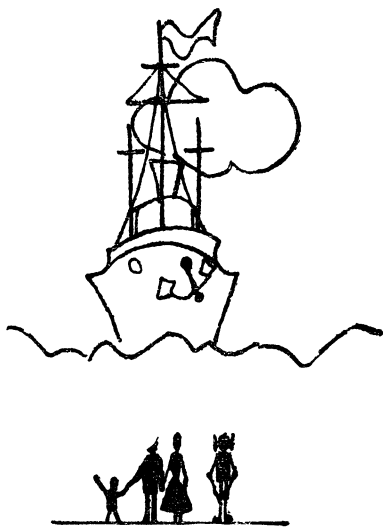
Нужно торопиться. И так слишком много драгоценного воздуха выброшено в космос. Сначала — пластырь на трубу, затем заняться кабелем. Заплату на обшивку — после...

* * *

— Витя! — Ружена трясла его за плечо. Она уже сняла халат. Костюм из мягкой серой ткани плотно облегал ее стройную фигуру. — Пойдем, милый! Ноль шестнадцатый на Марс уже улетел. Теперь до утра ничего не будет. Мы еще успеем на автобус. Посмотри, на кого ты похож! Пошли! Примешь ванну, выпьешь чаю с малиной. Завтра я выходная, проваляешься весь день в постели.

«Ну, решайся, пилот!»

— Нет, — сказал он, скользнув взглядом по расписанию рейсов, — я буду ночевать в общежитии. Завтра в семь утра нужно быть здесь к отлету маршрутного на Луну. Ведь я в резерве, мало ли что может случиться.

В АТОЛЛЕ

— Мы теперь можем сколько угодно играть в робинзонов, — сказал папа, — у нас есть настоящий необитаемый остров, хижина и даже Пятница.

Это было очень здорово придумано — назвать толстого, неповоротливого робота Пятницей. Он был совсем новый, и из каждой щели у него проступали под лучами солнца капельки масла.

— Смотри, он потеет, — сказал я.

Мы все стояли на берегу и смотрели на удаляющегося «Альбатроса». Он был уже так далеко от нас, что я не мог рассмотреть, есть ли на палубе люди. Потом из трубы появилось белое облачко пара, а спустя несколько секунд мы услышали протяжный вой.

— Все, — сказал папа, — пойдем в дом.

— А ну, кто быстрее?! — крикнула мама, и мы помчались наперегонки. У самого финиша я споткнулся о корень и шлепнулся на землю, и папа сказал, что это несчастный случай и бег нужно повторить, а мама спросила, больно ли я ушибся. Я ответил, что все это ерунда и что вполне могу опять бежать к берегу, но в это время раздался звонок, и папа сказал, что это, вероятно, вызов с «Альбатроса» и состязание придется отложить.

Звонок все трещал и трещал, пока папа не включил видеофон. На экране появился капитан «Альбатроса». Он по-прежнему был в скафандре и шлеме.

— Мы уходим, — сказал он, — потому что...

— Я понимаю, — перебил его папа.

— Если вам что-нибудь понадобится...

— Да, я знаю. Счастливого плавания.

— Спасибо! Счастливого оставаться.

Папа щелкнул выключателем, и экран погас.

— Пап, — спросил я, — они навсегда ушли?

— Они вернутся за нами, — ответил он.

— Когда?

— Месяца через три.

— Так долго?

— А разве ты не рад, что мы, наконец, сможем побыть одни и никто нам не будет мешать?

— Конечно, рад, — сказал я, и это было чистой правдой.

Ведь за всю свою жизнь я видел папу всего три раза

и не больше чем по месяцу. Когда он прилетал, к нам всегда приходила куча народу, и мы никуда не могли выйти без того, чтобы не собралась толпа, и папа раздавал автографы и отвечал на массу вопросов, и никогда нам не давали побыть вместе по-настоящему.

— Ну, давайте осматривать свои владения, — предложил папа.

Наша хижина состояла из четырех комнат: спальни, столовой, моей комнаты и папиного кабинета. Кроме того, там была кухня и холодильная камера. У папы в кабинете было очень много всякой аппаратуры и настоящая электронносчетная машина, и папа сказал, что научит меня на ней считать, чтобы я мог помогать ему составлять отчет.

В моей комнате стояли кровать, стол и большущий книжный шкаф, набитый книгами до самого верха. Я хотел их посмотреть, но папа сказал, что лучше это сделать потом, когда мы полностью осмотрим остров.

Во дворе была маленькая электростанция, и мы с папой попробовали запустить движок, а мама стояла рядом и все время говорила, что такие механики, как мы, обязательно что-нибудь сожгут, но мы ничего не сожгли, а только проверили зарядный ток в аккумуляторах.

Потом мы пошли посмотреть антенну, и папе не понравилось, как она повернута, и он велел Пятнице влезть наверх и развернуть диполь точно на север, но столб был металлический, и робот скользил по нему и никак не мог подняться. Тогда мы с папой нашли на электростанции канифоль и посыпали ею ладони и колени Пятницы, и он очень ловко взобрался наверх и сделал все, что нужно, а мы все стояли внизу и аплодировали.

— Пап, — спросил я, — можно, якупаюсь в океане?

— Нельзя, — ответил он.

— Почему?

— Это опасно.

— Для кого опасно?

— Для тебя.

— А для тебя?

— Тоже опасно.

— А если у самого берега?

— В океане купаться нельзя, — сказал он, и я подумал, что, наверное, когда папа таким тоном говорит «нельзя» там, на далеких планетах, то ни один из членов экипажа не смеет с ним спорить.

— Мы можем купаться в лагуне, — сказал папа.

Право, это было ничуть не хуже, чем если бы мы купались в настоящем океане, потому что эта лагуна оказалась большим озером внутри острова и вода в ней была теплая-теплая и совершенно прозрачная.

Мы все трое плавали наперегонки, а потом мы с папой ныряли на спор, кто больше соберет ракушек со дна, и я собрал больше, потому что папа собирал одной рукой, а я двумя.

Когда нам надоело собирать ракушки, мы сделали для мамы корону из веточек коралла и морских водорослей, а папа украсил ее морской звездой.

Мама была похожа в ней на настоящую королеву, и мы стали перед ней на одно колено, и она посвятила нас в рыцари.

Потом я предложил Пятнице поплавать со мной. Было очень забавно смотреть, как он подходил к воде, щелкал решающим устройством и отступал назад. А потом он вдруг отвинтил на руке палец и бросил его в воду, и, когда палец утонул, Пятница важно сказал,

что роботы плавать не могут. Мы просто покатывались от хохота, такой у него был при этом самодовольный вид. Тогда я спросил у него, могут ли роботы носить на руках мальчиков, и он ответил, что могут. Я стал ему на ладони, и он поднял меня высоко над головой, к самой верхушке пальмы, и я срывал с нее кокосовые орехи и кидал вниз, а папа ловил.

Когда солнце спустилось совсем низко, мама предложила пойти к океану смотреть закат.

Солнце стало красным-красным и сплющилось у самой воды, и от него к берегу потянулась красная светящаяся полоса. Я зажмурил глаза и представил себе, что мчусь по этой полосе прямо на Солнце.

— Пап, — спросил я, — а тебе приходилось лететь прямо на Солнце?

— Приходилось, — ответил он.

— А там от него тоже тянется такая полоса?

— Нет.

— А небо там какого цвета?

— Черное, — сказал папа. — Там все другое... незнакомое и... враждебное.

— Почему? — спросил я.

— Я когда-нибудь расскажу тебе подробно, сынок, — сказал он, — а сейчас идемте ужинать.

Дома мы затеяли очень интересную игру. Мама стояла у холодильника, а мы угадывали, что у нее в руках. Конечно, каждый из нас называл свои любимые вещи, а каким-то чудом оказывалось, что мы каждый раз угадывали. Поэтому ужин у нас получился на славу.

Папа откупорил бутылку вина и сказал, что мужчинам после купания совсем не вредно пропустить по рюмочке. Он налил мне и себе по полной рюмке, а маме — немножко. «Только чтобы чокнуться», — сказала она.

После ужина мы смотрели по телевизору концерт, и диктор перед началом сказал, что этот концерт посвящается нам. Мама даже покраснела от удовольствия, потому что она очень гордится тем, что у нас такой знаменитый папа.

Они передавали самые лучшие песни, а одна певица даже пропела мою любимую песенку о белочке, собирающей орешки. Просто удивительно, как они об этом узнали.

Когда кончился концерт, папа сказал, что ему нужно садиться писать отчет, а я отправился спать.

Я уже лежал в постели, когда мама пришла пожелать мне спокойной ночи.

— Мам, посиди со мной, — попросил я.

— С удовольствием, милый, — сказала она и села на кровать.

В открытое окно светила луна, и было светло, совсем как днем. Я смотрел на мамино лицо и думал, какая она красивая и молодая. Я поцеловал ее руку, пахнущую чем-то очень приятным и грустным.

— Мама, — спросил я, — почему это запахи бывают грустные и веселые?

— Не знаю, милый, — ответила она, — мне никогда не приходилось об этом думать. Может быть, просто каждый запах вызывает у нас какие-то воспоминания, грустные или веселые.

— Может быть, — сказал я.

Мне было очень хорошо. Я вспоминал проведенный день, самый лучший день в моей жизни, и думал, что впереди еще восемьдесят девять таких дней.

— Ох, мама, — сказал я, — какая замечательная штука жизнь и как не хочется умирать!

— Что ты, чирик? — сказала она. — Тебе ли говорить о смерти? У тебя впереди такая огромная жизнь.

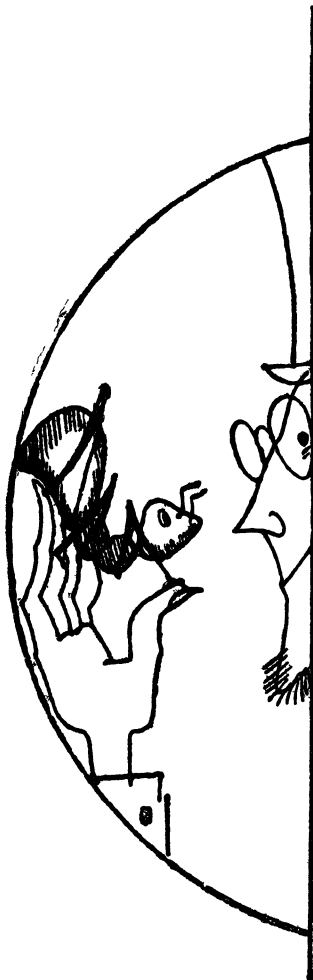

Мне было ее очень жалко: еще на «Альбатросе» ночью я слышал, как они с папой говорили об этой ужасной болезни, которой папа заразился в космосе, и о том, что всем нам осталось жить не больше трех месяцев, если за это время не найдут способа ее лечить. Ведь поэтому экипаж «Альбатроса» был одет в скафандры, а мы никуда не выходили из каюты, и в океане, вероятно, нам нельзя купаться, раз эта болезнь заразная.

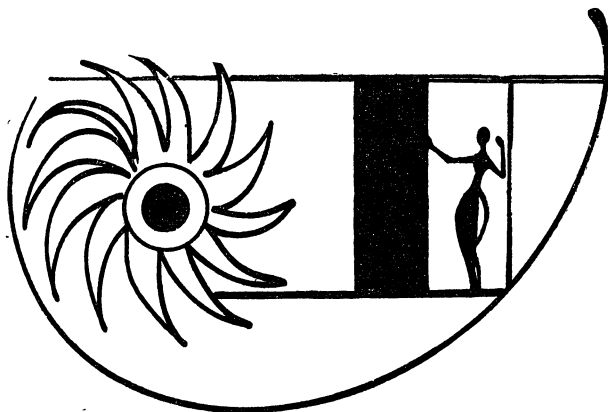
И все же я подумал, что когда люди так любят друг друга, нужно всегда говорить только правду.

— Не надо, мамочка, дорогая, — сказал я. — Ведь даже если не найдут способа лечить эту болезнь...

— Найдут, — тихо сказала мама, — обязательно найдут. Можешь быть в этом совершенно уверен.

1966

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

— Послушайте, Ронг. Я не могу пожаловаться на отсутствие выдержки, но, честное слово, у меня иногда появляется желание стукнуть вас чем-нибудь тяжелым по башке.

Дани Ронг пожал плечами.

— Не думайте, что мне самому вся эта история доставляет удовольствие, но я ничего не могу поделать, если контрольная серия опытов...

— А какого черта вам понадобилось ставить эту контрольную серию?!

— Вы же знаете, что методика, которой мы пользовались вначале...

— Не будьте болваном, Ронг!

Торп Кирби поднялся со стула и зашагал по комнате.

— Неужели вы так ничего и не поняли? — Сейчас в голосе Кирби был сладчайший мед. — Ваша работа носит сугубо теоретический характер. Никто, во всяком случае в течение ближайших лет, никаких практических выводов из нее делать не будет. У нас вполне хватит времени, ну, скажем, через два года, отдельно опубликовать результаты контрольной серии и, так сказать, уточнить теорию.

— Не уточнить, а опровергнуть.

— О господи! Ну, хорошо, опровергнуть, но только не сейчас. Ведь после той шумихи, которую мы подняли...

— Мы?

— Ну, пусть я. Но поймите, наконец, что, кроме вашего дурацкого самолюбия, есть еще интересы фирмы.

— Это не самолюбие.

— А что?

— Честность.

— Честность! — фыркнул Кирби. — Поверьте моему опыту. Вы, вероятно, слышали о препарате Тервалсан. Так известно ли вам...

Ронг закрыл глаза, приготовившись выслушать одну из сногшибательных историй, в которой находчивость Торпа Кирби, его умение разбивать козни врагов, его эрудиция и ум должны были служить примером стаду овец, опекаемому все тем же Торпом Кирби.

«Откуда этот апломб? — думал Ронг, прислушива-

ясь к рокочущему баритону шефа. — Ведь он ни черта не смыслит. Краснобай и пустомеля!»

— ...Надеюсь, я вас убедил?

— Безусловно. И если вы рискнете опубликовать результаты работ без контрольной серии, я всегда найду способ...

— Ох, как мне хочется сказать вам несколько теплых слов! Но что толку, если вы даже не обижаетесь?! Первый раз вижу такую толстокожую...

— Вас удивляет, почему я не реагирую на ваши грубости?

— Ну?

— Видите ли, Кирби, — тихо сказал Ронг, — часто каждый из нас руководствуется в своих поступках каким-то примером. Мое отношение к вам во многом определяется случаем, который мне довелось наблюдать в детстве. Это было в зоологическом саду. У клетки с обезьянами стоял старый человек и кидал через прутья конфеты. Вероятно, он делал это с самыми лучшими намерениями. Однако когда запас конфет в его карманах кончился, обезьяны пришли в ярость. Они сгрудились у решетки и, прежде чем старик успел опомниться, оплевали его с ног до головы.

— Ну и что?

— Он рассмеялся и пошел прочь. Вот тогда я понял, что настоящий человек не может обидеться на оплевавшую его обезьяну. Ведь это всего-навсего обезьяна.

— Отличная история! — усмехнулся Кирби. — Мне больше всего в ней понравилось, что он все-таки ушел оплеванный. Пример поучительный. Смотрите, Ронг, как бы...

— Все понятно, Кирби. Теперь скажите, сколько времени вы сможете еще терпеть мое присутствие? Де-

ло в том, что мне хочется закончить последнюю серию опытов, а для этого потребуется по меньшей мере...

— О, не будем мелочны! Я не тороплюсь и готов ждать хоть до завтрашнего утра.

— Ясно.

— Послушайте, Дан, — в голосе Кирби вновь появились задушевные нотки, — не думайте только, ради бога, что это результат какой-то личной неприязни. Я вас очень высоко ценю как ученого, но вы сами понимаете...

— Понимаю.

— Я знаю, как трудно сейчас в Дономаге найти приличную работу биохимику. Вот телефон и адрес. Они прекрасно платят, и работа, кажется, вполне самостоятельная. С нашей стороны можете рассчитывать на самые лучшие рекомендации.

— Еще бы.

— Кстати, надеюсь, вы не забыли, что при поступлении сюда вы дали подписку о неразглашении?..

— Нет, не забыл.

— Отлично! Желаю успеха! Если у вас появится желание как-нибудь зайти ко мне домой вечером поболтать, просто так, по-дружески, буду очень рад.

— Спасибо.

* * *

— Доктор Ронг?

— Да.

— Господин Латиани вас ждет. Сейчас я ему доложу.

Ронг оглядел приемную. Ничего не скажешь, дело, видно, поставлено на широкую ногу. Во всяком случае, денег на обстановку не жалеют. Видно...

— Пожалуйста!

Ступая по мягкому коврику, он прошел в предупредительно распахнутую дверь. Навстречу ему поднялся из-за стола высокий лысый человек с матово-бледным лицом.

— Очень приятно, доктор Ронг! Садитесь, пожалуйста.

Ронг сел.

— Итак, если я правильно понял доктора Кирби, вы бы не возражали против перехода на работу к нам?

— Вы правильно поняли доктора Кирби, но я вначале хотел бы выяснить характер работы.

— Разумеется. Если вы ничего не имеете против, мы об этом поговорим немного позже, а пока я позволю себе задать вам несколько вопросов.

— Слушаю.

— Ваша работа у доктора Кирби. Не вызван ли ваш уход тем, что результаты вашей деятельности не оправдали первоначальных надежд?

— Да.

— Не была ли сама идея...

Ронг поморщился.

— Простите, но я связан подпиской, и мне бы не хотелось...

— Помилуй бог! Меня вовсе не интересуют секреты фирмы. Я просто хотел узнать, не была ли сама идея несколько преждевременной при нынешнем уровне науки... Ну, скажем, слегка фантастической?

— Первоначальные предположения не оправдались. Поэтому, если вам нравится, можете считать их фантастическими.

— Отлично! Второй вопрос: употребляете ли вы спиртные напитки?

«Странная манера знакомиться с будущими сотрудниками», — подумал Ронг.

— Обета трезвости я не давал, — резко ответил он, — но на работе не пью. Пусть вас это не тревожит.

— Ни в коем случае, ни в коем случае! — казалось, Латиани был в восторге. — Ничто так не возбуждает воображение, как рюмка коньяку. Не правда ли? Поверьте, нас это совершенно не смущает. Может быть, наркотики?..

— Извините, — сказал, поднимаясь, Ронг, — но думаю, что разговор в этом тоне...

Латиани вскочил.

— Да что вы, дорогой доктор Ронг? Я не хотел вас обидеть. Просто ученые, работающие у нас над Проблемой, пользуются полной свободой в своих поступках, и мы не только не запрещаем им прибегать в служебное время к алкоголю и наркотикам, но даже поощряем...

— Что поощряете?

— Все, что способствует активизации воображения.

Это было похоже на весьма неуклюжую мистификацию.

— Послушайте, господин Латиани, — сказал Ронг, — может быть, вы вначале познакомите меня с сущностью Проблемы, а потом будет видно, стоит ли нам говорить о деталях.

Латиани усмехнулся.

— Я бы охотно это сделал, уважаемый доктор Ронг, но ни я, ни ученые, работающие здесь, не имеют ни малейшего понятия, в чем эта Проблема заключается.

— То есть как это не имеют?

— Очень просто. Проблема зашифрована в программе машины. Вы выдаете идеи, машина их анализирует. То, что непригодно, — отбрасывается, то, что может быть впоследствии использовано, — запоминается.

— Для чего это нужно?

— Видите ли, какого бы совершенства ни достигла машина, ей всегда будет не хватать основного — воображения. Поэтому там, где речь идет о поисках новых идей, машина беспомощна. Она не может выйти за пределы логики.

— И вы хотите...

— Использовать в машине человеческое воображение. Оно никогда не теряет своей ценности. Даже бред шизофреника складывается из вполне конкретных представлений, пусть в самых фантастических сочетаниях. Вы меня понимаете?

— Квант мысли, — усмехнулся Ронг. — И таким способом вы хотите решить сложную биохимическую проблему?

— Я разве сказал, что она биохимическая?

— Простите, но в таком случае зачем же...

— Мы пригласили вас?

— Вот именно.

— О, у нас работают ученые всех специальностей: физики, математики, физиологи, конструкторы, психиатры, кибернетики и даже один астролог.

— Тоже ученый?

— В своем роде, в своем роде.

Ронг в недоумении потер лоб.

— Все же я не понимаю, в чем должны заключаться мои обязанности?

— Вы будете ежедневно приходить сюда к одиннадцати часам утра и находиться в своем кабинете четыре часа. В течение этого времени вы должны думать — неважно о чем, лишь бы это имело какое-то отношение к вашей специальности. Чем смелее гипотезы, тем лучше.

— И это все?

— Все. Первое время вы будете получать три тысячи соли в месяц.

Ого! Это в три раза превышало оклад, который Ронг получал, работая у Кирби.

— В дальнейшем ваша оплата будет автоматически повышаться в зависимости от количества идей, принятых машиной.

— Но я ведь экспериментатор.

— Великолепно! Вы можете ставить мысленные эксперименты.

— Откуда же я буду знать их результаты? Для этого нужны настоящие опыты.

— Это вам они нужны. Машина пользуется такими методами анализа, которые позволяют определить результат без проведения самого эксперимента.

— Но я хоть буду знать этот результат?

— Ни в коем случае. Машина не выдает никаких данных до полного окончания работы над Проблемой.

— И тогда?..

— Не знаю. Это вне моей компетенции. Вероятно, есть группа лиц, которая будет ознакомлена с результатами. Мне эти люди неизвестны.

Ронг задумался.

— Откровенно говоря, я в недоумении, — сказал он. — Все это так необычно.

— Несомненно.

— И я сомневаюсь, чтобы из этого вообще что-нибудь вышло.

— Это уже не ваша забота, доктор Ронг. От вас требуются только идеи, повторяю, неважно какие, но достаточно смелые. Все остальное сделает машина. Помните, что, во-первых, вы не один, а во-вторых, сейчас ведутся только предварительные изыскания. Сама работа над Проблемой начнется несколько позже, когда будет накоплен достаточный материал.

— Последний вопрос, — спросил Ронг. — Могу ли я,

находясь здесь, продолжать настоящую научную работу?

— Это нежелательно, — ответил, подумав, Латиани, — никакой систематической работы вы не должны делать. Одни предположения, так сказать, по своему усмотрению. Подписки мы с вас не берем.

— Ну что ж, — вздохнул Ронг, — давайте попробуем, хотя я не знаю...

— Прекрасно! Пойдемте, я покажу вам ваш кабинет.

* * *

Гигантский спрут раскинул свои щупальца на площади в несколько сот квадратных метров. Розовая опалесцирующая жидкость пульсировала в прозрачных трубах, освещаемая светом мигающих ламп. Красные, фиолетовые, зеленые блики метались среди нагромождения причудливых аппаратов, вспыхивали на матовой поверхности экранов, тонули в хаотическом сплетении антенн и проводов.

Кибернетический Молох переваривал жертвоприношения своих подданных.

Латиани постучал кулаком по прозрачной стене, отгораживающей машинный зал:

— Крепче броневой стали. Неплохая защита от всяких случайностей, а?

Ронг молча кивнул головой, пораженный масштабами и фантастичностью этого сооружения.

Напротив машинного зала располагалось множество дверей, обитых черной кожей. Латиани открыл одну из них.

— Вот ваш кабинет, — сказал он, укрепляя на двери картиночку с изображением ромашки. — Многие из наших сотрудников по разным соображениям не хотят

афишировать свою работу у нас, да и мы в этом не заинтересованы. Придется вам ориентироваться по этой карточке. Вот ключ. Вход в чужие кабинеты категорически запрещен. Библиотека — в конце коридора. Итак, завтра в одиннадцать часов.

Ронг заглянул в дверь. Странная обстановка для научной работы. Небольшая комната. Фонарь под потолком, украшенный изображениями драконов, освещает ее скупым светом. Окон нет. Вдоль стены — турецкий диван, подушки на нем. Над диваном укреплено непонятное сооружение, напоминающее формой корыто. Рядом — низкий столик, уставленный бутылками с яркими этикетками и коробочками с какими-то снадобьями. Даже письменного стола нет.

Латиани заметил недоумение Ронга.

— Не удивляйтесь, дорогой доктор. Скоро вы ко всему привыкнете. Это определяется спецификой нашей работы.

* * *

«...Думай, думай, думай! О чем думать? Все равно о чем, только думай, тебе за это платят деньги. Выдвигай гипотезы, чем смелее, тем лучше. Ну, думай! Скотина Кирби! Если он посмеет опубликовать результаты без контрольной серии... Не о том! Думай! О чем же думать? У, дьявол!»

Уже пять дней Ронг регулярно является на работу, и каждый раз повторяется одно и то же.

«Думай!»

Ему кажется, что даже под угрозой пытки он не способен выдавить из себя хоть какую-нибудь мыслишку.

«Думай!»

Махнув рукой, он встает с дивана и направляется в библиотеку.

На полках царит хаос. Книги по ядерной физике, биологии, математике валяются попережку с руководствами по хиромантии, описаниями телепатических опытов, пергаментными свитками на неизвестных Ронгу языках. На столе — большой фолиант в потертом переплете из свиной кожи «ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ».

«А, все равно, чем бессмысленнее, тем лучше!»

Сунув книгу под мышку, Ронг плетется в свой кабинет.

Лежа на диване, он лениво листает пожелтевшие страницы с кабалистическими знаками.

Занятно. Некоторые фигуры чем-то напоминают логические структурные обозначения.

«Кто знает, может быть, вся эта абракадабра попросту является зашифровкой каких-то логических понятий», — мелькает у него мысль.

В сооружении над диваном раздается громкое чавканье.

Вспыхивает и гаснет зеленый сигнал. Похоже, что машине понравилась эта мысль.

«Сожрала?! Ну, думай, Ронг, дальше. О чем думать? Все равно, только думай!»

Ронг швыряет в угол книгу, наливает из бутылки, стоящей на столике, стакан темной ароматной жидкости и залпом опорожняет его.

«Думай!»

* * *

— Интересуетесь, как наша коровка пережевывает жвачку?

Ронг обернулся. Рядом с ним стоял обрюзгший человек в помятом костюме, с лицом, покрытым жесткой седой щетиной. Резкий запах винного перегара вырывался изо рта вместе с сиплым астматическим дыханием.

— Да, действительно похоже.

— Только подумать, — собеседник Ронга стукнул кулаком по прозрачной перегородке, — только подумать, что я отдал пятнадцать лет жизни на создание этой скотины!

— Вы ее конструировали? — спросил Ронг.

— Ну, не я один, но все же многое из того, что вы здесь видите, — дело рук Яна Дорика.

Ронгу было знакомо это имя. Блестящий кибернетик, некогда один из самых популярных людей в Дономаге. Его работы всегда были окутаны дымкой таинственности. Генерал Дорик возглавлял во время войны «Мозговой трест», объединяющий ученых самых разнообразных специальностей. Однако вот уже пять лет о нем ничего не было слышно.

Ронг с любопытством на него посмотрел.

— Значит, это вы составитель программы? — спросил он.

— Программы! — лицо Дорика покрылось красными пятнами. — Черта с два! Я тут такой же кролик, как и вы. Никто из работающих здесь не имеет ни малейшего представления о Проблеме. Они слишком осторожны для этого.

— Кто они?

— Те, кто нас нанимает.

— Латиани?

— Латиани — это пешка, подставное лицо. Даже он, вероятно, не знает истинных хозяев.

— Почему же все это держится в таком секрете?

Дорик пожал плечами.

— Очевидно, это вытекает из характера Проблемы.

— А вы что тут делаете? — спросил Ронг.

— С сегодняшнего дня — ничего. Меня уволили... Слишком бедная, видишь ли, у меня фантазия.

Дорик снова ударил кулаком по перегородке.

— Смотрите, вот он, паразит, питающийся соками нашего мозга. Бесстрастная самодовольная скотина! Еще бы! Что значат такие муравьи, как мы, по сравнению с этой пакостью, спрятанной за прозрачную броню?! Ведь она к тому же бессмертна!

— Ну, знаете ли, — сказал Ронг, — каждая машина тоже...

— Смотрите! — Дорик ткнул пальцем. — Вы видите этих черепашек?

Ронг взглянул по направлению протянутой руки. Среди путаницы ламп, конденсаторов и сопротивлений двигались два небольших аппарата, похожих на черепашек.

— Вижу.

— Все схемы машины дублированы. Если в одной из них вышел из строя какой-нибудь элемент, автоматически включается запасная схема. После этого та черепашка, которая находится ближе к месту аварии, снимает дефектную деталь и заменяет ее новой, хранящейся в запасных кладовых, разбросанных по всей машине. Не правда ли, здорово?

— Занятно.

— Это мое изобретение, — самодовольно сказал Дорик. — Абсолютная надежность всей системы. Ну, прощайте! Вам ведь нельзя со мной разговаривать, узнает Латиани, не оберетесь неприятностей. Только знаете что, — он понизил голос до шепота, — мой вам совет: сматывайте поскорее удочки. Это плохо кончится, поверьте моему опыту.

Дорик вытащил из кармана клетчатый платок, громко высморкался и, махнув на прощанье рукой, зашагал к выходу.

«Не думай о Дорике, не думай о Кирби, не думай о Латиани, думай только о научных проблемах. Чем смелее предположения, тем лучше, думай, думай, думай, думай. Не думай о Дорике...»

Ронг взглянул на часы. Слава богу! Рабочий день окончен, можно идти домой.

Он был уже на полпути к выходу, когда одна из дверей резко распахнулась и в коридор, спотыкаясь, вышла молодая женщина.

— Нода?! .

— А, Дан! Оказывается, и вы здесь?

— Что вы тут делаете? — спросил Ронг. — Разве ваша работа в университете?..

— Длинная история, Дан. Ноды Сторн больше нет. Есть эта... как ее... хризантема... математик на службе у машины, краса и гордость Проблемы. — Она криво усмехнулась.

Только сейчас Ронг обратил внимание на мертвенную бледность ее лица и неестественно расширенные зрачки.

— Что с вами, Нода?

— Ерунда! Это героин. Слишком много героина за последнюю неделю. Зато что я им сегодня выдала! Фантазмагория в шестимерном пространстве. Ух, даже голова кружится! — Пошатнувшись, она схватила Ронга за плечо.

— Пойдемте, — сказал он, беря ее под руку. — Я отвезу вас домой. Ведь вы совершенно больны...

— Я не хочу домой. Там... Послушайте, Дан, у вас бывают галлюцинации?

— Пока еще нет.

— А у меня бывают. Наверное, от героина.

— Вам нужно немедленно лечь в постель!

— Я не хочу в постель. Мне хочется есть. Я ведь три дня... Повезите меня куда-нибудь, где можно поесть. Только чтобы там были люди и... эта... как называется?.. Ну, словом, музыка.

* * *

Нода, морщась, проглотила несколько ложек супа и отодвинула тарелку.

— Больше не могу. Послушайте, Дан, вы-то как туда попали?

— В общем случайно. А вы давно?

— Давно. Уже больше шести месяцев.

— Но почему? Ведь ваше положение в университете...

— Ох, Дан! Все это началось очень давно, еще в студенческие годы. Вы помните наши вечеринки? Обычная щенячья бравада. Наркотики. Вот и втянулась. А они ведь все знают, вероятно, следили. Предложили работу. Платят отлично, героину — сколько угодно. Раньше не понимала, что там творится, а теперь, когда начала догадываться...

— Вы имеете в виду Проблему? Вам что-нибудь о ней известно?

— Очень мало, но ведь я аналитик. Когда у меня возникли подозрения, я разработала систему определителей. Начала систематизировать все, что интересует машину, и тогда...

Она закрыла лицо руками.

— Ух, Дан, как все это страшно! Самое ужасное, что мы с вами совершенно беспомощны. Ведь программа машины никому не известна, а тут еще вдобавок добрая треть наркоманов и алкоголиков, работающих на нее,

бывшие военные. Вы представляете себе, на что они способны?!

— Вы думаете, — спросил Ронг, — что Проблема имеет отношение к какому-то новому оружию? Но тогда почему они пригласили меня? Ведь я биохимик.

Нода залилась истерическим смехом.

— Вы ребенок, Дан! Они ищут новые идеи главным образом в пограничных областях различных наук. Перетряхивают все, что когда-либо было известно человечеству. С незапамятных времен. Сопоставляют и анализируют. — Она понизила голос: — Вы знаете, есть мнимости в геометрии. Никто никогда не думал об их физическом смысле. Однако когда человек... ну, словом, героин... мало ли какой бред тогда лезет в голову Так вот, все, что я тогда думала по этому поводу, машина сожрала без остатка. А разве вы не замечали, что лампочка над вашей головой часто вспыхивает при самых невероятных предположениях?

Ронг задумался.

— Пожалуй, да. Однажды — это было к концу рабочего дня, я был утомлен и плохо себя чувствовал — мне пришла в голову дикая мысль, что, если бы кровь, кроме гемоглобина, содержала еще хлорофилл, можно было бы осуществить газовый обмен в организме по замкнутому циклу. Правда, тут встала бы проблема превращения кожных покровов в прозрачные.

— И что же?! — Нода вся подалась к Ронгу. — Как она на это реагировала?!

— Зачавкала, как свинья, жрущая похлебку.

— Вот видите! Я была уверена, что здесь должно быть что-то в этом роде!

— Не знаю, — задумчиво произнес Ронг, — все это очень странно, но я не думаю, чтобы какое-либо оружие могло быть создано на базе таких...

— Вероятно, это не оружие, — перебила Нода. — Но если мои подозрения правильны, то эта кучка маньяков получит в свои руки жуткие средства порабощения. Не зря они не жалеют денег и ни перед чем не останавливаются, чтобы заполучить в свои лапы нужных им ученых.

— Но что мы с вами можем сделать, Нода?

— Мне нужно еще два дня, чтобы закончить проверку моей гипотезы. Если все подтвердится, мы должны будем попытаться предать все огласке. Может быть, газеты...

— Кто нам поверит?

— Тогда мы должны будем уничтожить машину, — сказала она, вставая. — А теперь, Дан, отвезите меня домой. Мне нужно выспаться перед завтрашним поединком.

* * *

Прошло два дня. Ронгу больше не удавалось переговорить с Нодой. Дверь ее кабинета всегда была закрыта изнутри. На стук никто не отзывался.

Ронг не мог отделаться от тревожных предчувствий.

Тщетно он поджидал Ноду у выхода. Либо она не покидала кабинета, либо Латиани уже кое о чем пронохал и успел принять контрмеры.

Было около трех часов, когда слух Ронга резанул пронзительный женский вопль. Он выбежал в коридор и увидел двух верзил в белых халатах, волочивших Ноду. Ронг бросился к ним.

— Меня увозят, — крикнула Нода, — наверное, они... — Ей не дали договорить, один из санитаров зажал ей ручищей рот.

Ронг схватил его за воротник.

— Стукни его, Майк, — проревел тот, вертя шеей.— Они все тут сумасшедшие!

Ронг почувствовал тупую боль в виске. Перед глазами вспыхнули разноцветные круги...

* * *

— Где Латиани?!

— Он уехал минут тридцать назад. Сегодня не вернется.

Ронг рванул дверь. Кабинет был пуст.

— Куда увезли Ноду Сторн?!

Лицо секретарши выразило изумление.

— Простите, доктор Ронг, но я не поняла...

— Бросьте прикидываться дурочкой! Я спрашиваю, куда увезли Ноду Сторн?!

— Право, я ничего не знаю. Может быть, господин Латиани...

Отпихнув ногой стул, Ронг бросился вниз.

Нужно было принимать решение.

Ясно. Ноду убрали потому, что она достаточно близко подошла к разгадке этой преступной тайны. Нет ничего проще, чем объявить сумасшедшей женщину, у которой нервная система расшатана постоянным употреблением наркотиков.

Ронг вернулся в свой кабинет.

Откинувшись на подушки, он пытался привести в порядок мысли, мелькавшие в голове.

Найти Ноду будет очень трудно. Вероятно, они держат ее в одной из психиатрических лечебниц под вымышленным именем. Даже если это не так, то все равно медицинские учреждения подобного рода очень неохотно выдают справки о своих пациентах. Да и кто он такой, чтобы требовать у них сведений? Насколько ему было

известно, родственников у нее нет. Можно обшарить всю Дономагу и ничего не добиться.

Ведь пока машина работает, каждый день неуклонно приближает страшную развязку. О, черт! Если б можно было проникнуть за эту прозрачную броню!

Ронг вспомнил двух черепашек, которых показывал ему Дорик. Даже если каким-то чудом удалось бы вывести из строя машину, те ее сразу реставрировали бы. Ведь им достаточно получить сигнал... Стоп! Это, кажется, мысль!

От напряжения лоб Ронга покрылся каплями пота.

Полученный сигнал о неисправности какого-либо элемента заставляет черепаху идти к месту аварии, чтобы сменить негодную деталь запасной. А если сделать, чтобы было наоборот — отсутствие сигнала побуждало бы заменить годную деталь вышедшей из строя? Но что для этого нужно? Очевидно, где-то в схеме нужно переключить вход на выход. Изменить направление сигнала, и программа на самосохранение у машины превратится в манию самоубийства.

Внезапно наверху что-то щелкнуло и вспыхнул зеленый сигнал.

«Ага! А ну, дальше! Как проникнуть за броню, чтобы переключить контакты? Это нужно сделать у обеих черепах. Ура! Молодчина, Ронг! Слава богу, что их две! Пусть переключат входы друг у друга».

Многочисленные реле непрерывно щелкали над головой Ронга. Зеленый сигнал светился ярким светом.

Машина явно заинтересовалась этой идеей. Однако еще нельзя было понять, делает ли она из нее какие-либо практические выводы.

Ронг вышел в коридор. Черепашки прекратили свой бег и стояли, уставившись друг на друга красными глазами. Ронг приткнулся к перегородке.

Прошло несколько минут, и вот одна из черепашек начала ощупывать другую тонкими паучьими лапками. Затем неуловимо быстрым движением откинула на ней крышку...

* * *

Теперь все сомнения исчезли. Обе черепашки вновь двигались вдоль машины, снимая многочисленные конденсаторы и сопротивления. Судя по скорости, с какой они это проделывали, через несколько часов все будет кончено. Ронг усмехнулся. Больше ему здесь нечего было делать.

* * *

На следующее утро Ронг влетел в кабинет Латиани. — А, доктор Ронг! — на губах Латиани появилась насмешливая улыбка. — Могу вас поздравить. С сегодняшнего дня ваш оклад увеличен на пятьсот соли. Эта идея насчет черепашек дала нам возможность значительно увеличить надежность машины. Просто удивительно, как мы раньше не предусмотрели возможность подобной диверсии.

Ронг схватил его за горло.

— Говорите, куда вы прятали Ноду Сторн?!

— Спокойно, Ронг! — Латиани резким ударом отбросил его в кресло. — Никуда ваша Нода не денется. Недельку полечится от истерии и снова вернется к нам. Так уже было несколько раз. Ее-то мы с удовольствием возьмем назад, хотя предварительные изыскания уже закончены. Сегодня машина начнет выдавать продукцию — тысячу научно-фантастических романов в год. Мы в это дело вложили больше ста миллионов соли, а вы, осел эдакий, чуть было все нам не испортили. Хорошо, что автоматическая защита, предусмотренная Дориком, вовремя выключила ток.

ФИАЛКА

Город простирался от полярных льдов до экваториального пояса. Западные и восточные границы Города омывались волнами двух океанов.

Там, за лесом нефтяных вышек, присосавшихся к морскому дну, раскинулись другие города, но этот был самым большим.

На два километра вторгался он

в глубь земли и на сорок километров поднимался ввысь. Подобно гигантскому спуту, лежал он на суше, опустив огромные трубы в воду.

Эти трубы засасывали все необходимое для синтеза продуктов питания и предметов обихода Города.

Потом вода нагнеталась в подземные рекуператоры, отбирала от планеты тепло, отдавала его Городу и снова сливалась в океан.

Крыша Города была его легкими. Здесь, на необозримых просторах регенерационного слоя, расположенного выше облаков, солнечные лучи расщепляли продукты дыхания сорока миллиардов людей, обогащая воздух Города кислородом.

Он был таким же живым, как и те, кто его населял, великий Город, самое грандиозное сооружение планеты.

В подземных этажах Города были расположены фабрики. Сюда поступало сырье, отсюда непрерывным потоком лились в Город пища, одежда — все, в чем нуждалось многочисленное и требовательное население Города.

Тут, в свете фосфоресцирующих растворов, без вмешательства человека текли таинственные и бесшумные процессы Синтеза.

Выше, в бесконечных лабиринтах жилых кварталов, как во всяком городе, рождались, умирали, работали и мечтали люди.

* * *

— Завтра уроков не будет, — сказала учительница, — мы пойдем на экскурсию в заповедник. Предупредите родителей, что вы вернетесь домой на час позже.

— Что такое заповедник? — спросила девочка с большим бантом.

Учительница улыбнулась.

— Заповедник — это такое место, где собраны всякие растения.

— Что собрано?

— Растения. Во втором полугодии я буду вам о них рассказывать.

— Расскажите сейчас, — попросил мальчик.

— Да, да, расскажите! — раздались голоса.

— Сейчас у нас очень мало времени, и это длинный разговор.

— Расскажите, пожалуйста!

— Ну, что с вами поделаешь! Дело в том, что Дономага не всегда была такой, как теперь. Много столетий назад существовали маленькие поселения...

— И не было Города? — спросил мальчик.

— Таких больших городов, как наш, еще не было.

— А почему?

— По многим причинам. В то время еще жизнь была очень неустроенной. Синтетическую пищу никто не умел делать, питались растениями и животными.

— А что такое животные?

— Это вы будете проходить в третьем классе. Так вот... было очень много свободной земли, ее засевали всякими растениями, которые употреблялись в пищу.

— Они были сладкие?

— Не знаю, — она снова улыбнулась, — мне никогда не приходилось их пробовать, да и не все растения годились в пищу.

— Зачем же тогда их... это?..

— Сеяли? — подсказала учительница.

— Да.

— Сеяли только те растения, которые можно было есть. Многие же виды росли сами по себе.

— А как они росли, как дети?

Учительнице казалось, что она никогда не выберется из этого лабиринта.

— Вот видите, — сказала она, — я же говорила, что за пять минут рассказать об этом невозможно. Они росли, потому что брали у почвы питательные вещества и использовали солнечный свет. Завтра вы все это увидите собственными глазами.

* * *

— Мама, мы завтра идем в заповедник! — закричал мальчик, распахивая дверь.

— Ты слышишь? Наш малыш идет в заповедник.

Отец пожал плечами:

— Разве заповедник еще существует? Мне казалось...

— Существует, существует! Нам учительница сегодня все про него рассказала. Там всякие растения, они едят что-то из земли и растут! Понимаешь, сами растут!

— Понимаю, — сказала мать. — Я там тоже была лет двадцать назад. Это очень трогательно и очень... наивно.

— Не знаю, — сказал отец, — на меня, по правде сказать, это особого впечатления не произвело. Кроме того, там голая земля, зрелище не очень аппетитное.

— Я помню, там была трава, — мечтательно произнесла мать, — сплошной коврик из зеленой травы.

— Что касается меня, то я предпочитаю хороший пол из греющего пластика, — сказал отец.

* * *

Лифт мягко замедлил стремительное падение.

— Здесь нам придется пересаживаться, — сказала

учительница, — скоростные лифты ниже не спускаются.

Они долго стояли у смешной двери с решетками, наблюдая неторопливое движение двух стальных канатов, набегающих на скрипящие ролики, пока снизу не выползла странного вида коробка с застекленными дверями.

Учительница с трудом открыла решетчатую дверь. Дети, подавленные непривычной обстановкой, молча вошли в кабину.

Слегка пощелкивая на каждом этаже, лифт опускался все ниже и ниже. Здесь уже не было ни светящихся панелей, ни насыщенного ароматами теплого воздуха. Запахи утратили чарующую прелесть синтетики и вызывали у детей смутную тревогу. Четырехугольник бездонного колодца освещался режущим глаза светом люминесцентных ламп. Шершавые бетонные стены шахты, казалось, готовы были сомкнуться над их головами и навсегда похоронить в этом странном, лишенном радости мире.

— Долго еще? — спросил мальчик.

— Еще двадцать этажей, — ответила учительница. — Заповедник расположен внизу, ведь растениям нужна земля.

— Я хочу домой! — захныкала самая маленькая девочка. — Мне тут не нравится!

— Сейчас, милая, все кончится, — сказала учительница. Она сама чувствовала себя здесь не очень уютно. — Потерпи еще минутку.

Внизу что-то громко лязгнуло, и кабина остановилась.

Учительница вышла первой, за ней, торопясь, протиснулись в дверь ученики.

— Все здесь?

— Все, — ответил мальчик.

Они стояли в полутемном коридоре, конец которого терялся во мраке.

— Идите за мной.

Несколько минут они двигались молча.

— Ой, тут что-то капает с потолка! — взвизгнула девочка с бантом.

— Это трубы, подающие воду в заповедник, — успокоила ее учительница. — Видно, они от старости начали протекать.

— А где же заповедник? — спросил мальчик.

— Вот здесь. — Она приоткрыла окованную железом дверь. — Заходите по одному.

Ошеломленные внезапным переходом от полумрака к яркому свету, они невольно зажмурили глаза. Прошло несколько минут, прежде чем любопытство заставило их оглядеться по сторонам.

Такого они еще не видели.

Бесконечный колодец, на дне которого они находились, был весь заполнен солнцем. Низвергающийся сверху световой поток зажег желтым пламенем стены шахты, переливался радугой в мельчайших брызгах воды маленького фонтанчика, поднимал из влажной земли тяжелые, плотные испарения.

— Это солнце, — сказала учительница, — я вам про него уже рассказывала. Специальные зеркала, установленные наверху, ловят солнечные лучи и направляют их вниз, чтобы обеспечить растениям условия, в которых они находились много столетий назад.

— Оно теплое! — закричал мальчик, вытянув вперед руки. — Оно теплое, это солнце! Смотрите, я ловлю его руками!

— Да, оно очень горячее, — сказала учительница. — Температура на поверхности солнца достигает шести тысяч градусов, а в глубине еще больше.

— Нет, не горячее, а теплое, — возразил мальчик, — оно, как стены в нашем доме, только совсем другое, гораздо лучше! А почему нам в Городе не дают солнце?

Учительница слегка поморщилась. Она знала, что есть вопросы, порождающие лавину других. В конце концов это всего лишь дети, и им очень трудно разобратся в проблемах, порою заводящих в тупик даже философов. Разве объяснишь, что сорок миллиардов человек... И все же на каждый вопрос как-то нужно отвечать.

— Мы бы не могли существовать без солнца, — сказала она, погладив мальчика по голове. — Вся наша жизнь зависит от солнца. Только растения непосредственно используют солнечные лучи, а мы их заставляем работать в регенерационных установках и в солнечных батареях. Что же касается солнечного света, то он нам совсем не нужен. Разве мало света дают наши светильники?

— Он совсем не такой, он холодный! — упрямо сказал мальчик. — Его нельзя поймать руками, а это можно.

— Это так кажется. В будущем году вы начнете изучать физику, и ты поймешь, что это тебе только кажется. А сейчас попросим садовника показать нам растения.

Он был очень старый и очень странный, этот садовник. Маленького роста и с длинной белой бородой, спускавшейся ниже пояса. А глаза у него были совсем крохотные. Две щелки, над которыми торчали седые кустики бровей. И одет он был в какой-то чудной белый халат.

— Он игрушечный? — спросил мальчик.

— Тише! — сказала ему шепотом учительница. — Ты лучше поменьше говори и побольше смотри.

— А я могу и смотреть и говорить, — сказал мальчик. Ему показалось, что садовник приоткрыл один глаз и подмигнул ему. Впрочем, он не был в этом уверен.

— Вот здесь, — сказал садовник тоненьким-тоненьким голоском, — вот здесь полезные злаки. Пятьдесят стеблей пшеницы. Сейчас они еще не созрели, но через месяц на каждом стебельке появится по нескольку колосков с зернами. Раньше эти зерна шли в пищу, из них делали хлеб.

— Он был вкусный? — спросила девочка с бантом.

— Этого никто не знает, — ответил старичок. — Рецепт изготовления растительного хлеба давно утерян.

— А что вы делаете с зернами? — спросила учительница.

— Часть расходуется на то, чтобы вырастить новый урожай, часть идет на замену неприкосновенного музейного фонда, а остальное... — он развел руками, — остальное приходится выбрасывать. Ведь у нас очень мало земли: вот эта грядка с пшеницей, два дерева, немного цветов и лужайка с травой.

— Давайте посмотрим цветы, — предложила учительница.

Садовник подвел их к маленькой клумбе.

— Это фиалки — единственный вид цветов, который уцелел. — Он нагнулся, чтобы осторожно поправить завернувшийся листик. — Раньше, когда еще были насекомые, опыление...

— Они еще этого не проходили, — прервала его учительница.

— Можно их потрогать? — спросил мальчик.

— Нагнись и понюхай, — сказал садовник, — они чудесно пахнут.

Мальчик встал на колени и вдохнул нежный аромат, смешанный с запахами влажной, горячей земли.

— Ох! — прошептал он, склоняясь еще ниже. — Ох, ведь это... — Ему было очень трудно выразить то, что он чувствовал. Запах пробуждал какие-то воспоминания, неясные и тревожные.

Остальные дети уже осмотрели траву и деревья, а он все еще стоял на коленях, припав лицом к мягким благоухающим лепесткам.

— Ну, все! — Учительница взглянула на часы. — Нам пора отправляться. Поблагодарите садовника за интересную экскурсию.

— Спасибо! — хором произнесли дети.

— До свидания! — сказал садовник. — Заходите как-нибудь еще.

— Обязательно! — ответила учительница. — Эта экскурсия у них в учебной программе первого класса. Теперь уж в будущем году, с новыми учениками.

Мальчик был уже в дверях, когда случилось чудо. Кто-то сзади дернул его за рукав. Он обернулся, и садовник протянул ему сорванную фиалку. При этом он с видом заговорщика приложил палец к губам.

— Это... мне?! — тихо спросил мальчик.

Садовник кивнул головой.

— Мы тебя ждем! — крикнула мальчику учительница. — Вечно ты задерживаешься!

— Иду! — Он сунул цветок за пазуху и шмыгнул в коридор.

* * *

В этот вечер мальчик лег спать раньше, чем обычно. Погасив свет, он положил фиалку рядом на подушку и долго лежал с открытыми глазами, о чем-то думая.

Было уже утро, когда мать услышала странные звуки, доносившиеся из детской.

— Кажется, плачет малыш, — сказала она мужу.

— Вероятно, переутомился на этой экскурсии, — пробурчал тот, переворачиваясь на другой бок. — Я еще вечером заметил, что он какой-то странный.

— Нужно посмотреть, что там стряслось, — сказала мать, надевая халат.

Мальчик сидел на кровати и горько плакал.

— Что случилось, малыш? — Она села рядом и обняла его за плечи.

— Вот! — Он разжал кулак.

— Что это?

— Фиалка! — У него на ладони лежало несколько смятых лепестков и обмякший стебель. — Это фиалка, мне ее подарил садовник. Она так пахла!

— Ну что ты, глупенький?! — сказала мать. — Нашел о чем плакать. У нас дома такие чудесные розы.

Она встала и принесла из соседней комнаты вазу с цветами.

— Хочешь, я тебе ихотрегулирую на самый сильный запах?

— Не хочу! Мне не нравятся эти цветы!

— Но они же гораздо красивее твоей фиалки и пахнут лучше.

— Неправда! — сказал он, ударив кулаком по подушке. — Неправда! Фиалка — это совсем не то, она... она... — И он снова заплакал, потому что так и не нашел нужного слова.

ТРЕВОЖНЫХ СИМПТОМОВ НЕТ

1

— Не нравятся мне его почки,
— сказал Крепс.

Леруа взглянул на экран:

— Почки как почки. Бывают
хуже. Впрочем, кажется, регенери-
рованные. Что с ними делали про-
шлый раз?

— Сейчас проверю, — Крепс
набрал шифр на диске ав-
томата.

Леруа откинулся на спинку

кресла и что-то пробормотал сквозь зубы.

— Что вы сказали? — переспросил Крепс.

— Шесть часов. Пора снимать наркоз.

— А что будем делать с почками?

— Вы получили информацию?

— Получил. Вот она. Полное восстановление лоханок.

— Дайте сюда.

Крепс знал манеру шефа не торопиться с ответом и терпеливо ждал.

Леруа отложил пленку в сторону и недовольно поморщился.

— Придется регенерировать. Заодно задайте программу на генетическое исправление.

— Вы думаете, что?..

— Безусловно. Иначе за пятьдесят лет они не пришли бы в такое состояние.

Крепс сел за перфоратор. Леруа молчал, постукивая карандашом о край стола.

— Температура ванны повысилась на три десятых градуса, — сказала сестра.

— Дайте глубокое охлаждение до... — Леруа заппнул. — Подождите немного. Ну, что у вас с программой? — обратился он к Крепсу.

— Контрольный вариант в машине. Сходимость девяносто три процента.

— Ладно, рискуем. Глубокое охлаждение на двадцать минут. Вы поняли меня? На двадцать минут глубокое охлаждение. Градиент — полградуса в минуту.

— Поняла, — ответила сестра.

— Не люблю я возиться с наследственностью, — сказал Леруа. — Никогда не знаешь толком, чем это все кончится.

Крепс повернулся к шефу:

— А по-моему, вообще, все это мерзко. Особенно инверсия памяти. Вот бы никогда не согласился.

— А вам никто и не предложит.

— Еще бы! Создали касту бессмертных, вот и танцуете все перед ними на задних лапках.

Леруа устало закрыл глаза.

— Вы для меня загадка, Крепс. Порою я вас просто боюсь.

— Что же во мне такого страшного?

— Ограниченность.

— Благодарю вас.

— Минус шесть, — сказала сестра.

— Достаточно. Переключайте на регенерацию.

Фиолетовые блики вспыхнули на потолке операционного зала.

— Обратную связь подайте на матрицу контрольного варианта программы.

— Хорошо, — ответил Крепс.

— Наследственное предрасположение, — пробормотал Леруа. — Не люблю я возиться с такими вещами.

— Я тоже, — сказал Крепс. — Вообще все это мне не по нутру. Кому это нужно?

— Скажите, Крепс, вам знаком такой термин, как борьба за существование?

— Знаком. Учил в детстве.

— Это совсем не то, что я имел в виду, — перебил Леруа. — Я говорю о борьбе за существование целого биологического вида, именуемого в древности Хомо Сапиенс.

— И для этого нужно реставрировать монстров столетней давности?

— До чего же вы все-таки тупы, Крепс! Сколько вам лет?

— Тридцать.

— А сколько лет вы работаете физиологом?

— Пять.

— А до этого?

Крепс пожал плечами.

— Вы же знаете не хуже меня.

— Учились?

— Учился.

— Итак, двадцать пять лет — насмарку. Но ведь вам для того, чтобы что-то собой представлять, нужно к тому же стать математиком, кибернетиком, биохимиком, биофизиком — короче говоря, пройти еще четыре университетских курса. Прикиньте-ка, сколько вам тогда будет лет. А сколько времени понадобится на приобретение того, что скромно именуется опытом, а по существу, представляет собой проверенную жизнью способность к настоящему научному мышлению?

Лицо Крепса покрылось красными пятнами.

— Так вы считаете?..

— Я ничего не считаю. Как помощник вы меня вполне устраиваете, но помощник сам по себе мало стоит. В науке нужны руководители, исполнители всегда найдутся. Обстановочка-то усложняется. Чем дальше, тем больше проблем, проблем острых, не терпящих отлагательства, проблем, от которых, может быть, зависит само существование рода человеческого. А жизнь не ждет. Она все время подстегивает: работай, работай, с каждым годом работай все больше, все интенсивнее, все продуктивнее, иначе застой, иначе деградация, а деградация — это смерть.

— Бойтесь проиграть соревнование? — спросил Крепс.

Насмешливая улыбка чуть тронула тонкие губы Леруа:

— Неужели вы думаете, Крепс, что меня волнует, какая из социальных систем восторгается в этом лучшем из миров? Я знаю себе цену. Ее заплатит каждый, у кого я соглашусь работать.

— Ученый-ландскнехт?

— А почему бы и нет? И как всякий честный наемник, я верен знаменам, под которыми сражаюсь.

— Тогда говорите о судьбе Доноаги, а не всего человечества, и признайтесь заодно, что...

— Довольно, Крепс! Я не хочу выслушивать заново сентенции. Лучше скажите, почему, когда мы восстанавливаем человеку сердечную мышцу, регенерируем печень, омолаживаем организм, то все в восторге: это человечно, это гуманно, это величайшая победа разума над силами природы. Но стоит нам забраться чуточку поглубже, как типчики вроде вас поднимают визг: ах! ученому инверсировали память. Ах! Кошунственные операции, ах!.. Не забывайте, что наши опыты стоят уйму денег. Мы должны выпускать отсюда по-настоящему работоспособных ученых, а не омоложденных старичков, выживших из ума.

— Ладно, — сказал Крепс, — может быть, вы и правы. Не так страшен черт.

— Особенно когда можно дать ему мозг ангела, — усмехнулся Леруа.

Раздался звонок таймера.

— Двадцать минут, — бесстрастно сказала сестра.

Крепс подошел к машине:

— На матрице контрольной программы нули.

— Отлично! Отключайте генераторы. Подъем температуры — градус в минуту. Пора снимать наркоз.

Огромный ласковый мир вновь рождался из недр небытия. Он был во всем: в приятно охлаждающем тело регенерационном растворе, в тихом пении трансформаторов, в горячей пульсации крови, в запахе озона, в матовом свете ламп. Окружающий мир властно вторгался в просыпающееся тело, великолепный, привычный и вечно новый мир.

Кларенс поднял голову. Две черные фигуры в длинных, до пят, антисептических халатах стояли, склонившись над ванной.

— Ну, как дела, Кларенс? — спросил Леруа.

Кларенс потянулся.

— Восхитительно! Как будто снова родился на свет.

— Так оно и есть, — пробормотал Крепс.

Леруа улыбнулся:

— Не терпится попрыгать?

— Черт знает какой прилив сил! Готов горы воро-
чать.

— Успеете, — лицо Леруа стало серьезным. —
А сейчас — под душ и на инверсию.

...Кто сказал, что здоровый человек не чувствует свое тело? Ерунда! Нет большего наслаждения, чем ощущать биение собственного сердца, трепет диафрагмы, ласковое прикосновение воздуха к трахеям при каждом вдохе. Вот так, каждой клеточкой молодой упругой кожи отражать удары бьющей из душа воды и слегка пофыркивать, как мотор, работающий на холостом ходу, мотор, в котором огромный неиспользованный резерв мощности. Черт побери, до чего это здорово! Все-таки за пятьдесят лет техника сделала неверо-

ятный рывок. Разве можно сравнить прошлую регенерацию с этой? Тогда, в общем, его просто подлатали, а сейчас... Ух, как хорошо! То, что они сделали с Эльзой, — просто чудо. Только зря она отказалась от инверсии. Женщины всегда живут прошлым, хранят воспоминания, как сувениры. Для чего тащить с собой этот ненужный балласт? Вся жизнь в будущем. Каста бессмертных, неплохо придумано! Интересно, что будет после инверсии? Откровенно говоря, последнее время мозг уж работал неважно, ни одной статьи за этот год. Сто лет — не шутка. Ничего, теперь они убедятся, на что еще способен старина Кларенс. Отличная мысль явиться к Эльзе в день семидесятипятилетия обновленным не только физически, но и духовно...

— Хватит, Кларенс. Леруа вас ждет в кабинете инверсии, одевайтесь! — Крепс протянул Кларенсу толстый мохнатый халат.

3

Вперед-назад, вперед-назад — пульсирует ток в колебательном контуре, задан ритм, задан ритм, задан ритм...

Поток электронов срывается с поверхности раскаленной нити и мчится в вакууме, разогнанный электрическим полем. Стоп! На сетку подан отрицательный потенциал. Невообразимо малый промежуток времени, и вновь рвется к аноду нетерпеливый рой. Задан ритм, рождающий в кристалле кварца недоступные уху звуковые колебания, в десятки раз тоньше комариного писка.

Немые волны ультразвука бегут по серебряной проволочке, и металлический клещ впивается в кожу, проходит сквозь черепную коробку. Дальше, дальше, в свя-

тая святых, в величайшее чудо природы, именуемое мозгом.

Вот она — таинственная серая масса, зеркало мира, вместилище горя и радости, надежд и разочарований, взлетов и падений, гениальных прозрений и ошибок.

Лежащий в кресле человек глядит в окно. Зеркальные стекла отражают экран с гигантским изображением его мозга. Он видит светящиеся трассы микроскопических электродов и руки Леруа на пульте. Спокойные, уверенные руки ученого. Дальше, дальше, приказывают эти руки, еще пять миллиметров. Осторожно! Здесь сосуд, лучше его обойти!

У Кларенса затекла нога. Он делает движение, чтобы изменить позу.

— Спокойно, Кларенс! — голос Леруа приглушен. — Еще несколько минут постарайтесь не двигаться. Надеюсь, вы не испытываете никаких неприятных ощущений?

— Нет. — Какие же ощущения, когда он знает, что она совершенно лишена чувствительности, эта серая масса, анализатор всех видов боли.

— Сейчас мы начнем, — говорит Леруа. — Последний электрод.

Теперь начинается главное. Двести электродов подключены к решающему устройству. Отныне человек и машина составляют единое целое.

— Напряжение! — приказывает Леруа. — Ложитесь, Кларенс, как вам удобнее.

Инверсия памяти. Для этого машина должна обшарить все закоулки человеческого мозга, развернуть бесконечной чередой рой воспоминаний, осмыслить подсознательное и решить, что убрать навсегда, а что оставить. Очистка кладовых от старого хлама.

Вспыхивает зеленая лампа на пульте. Ток подан на мозговую кору.

...Маленький мальчик растерянно стоит перед разбитой банкой варенья, коричневая густая жидкость растекается по ковру...

Стоп! Сейчас комплекс ощущений будет разложен на составляющие и сверен с программой. Что там такое? Страх, растерянность, первое представление о бренности окружающего мира. Убрать. Чуть слышно щелкает реле. В мозг подан импульс тока, нервное возбуждение перестает циркулировать на этом участке. Увеличена емкость памяти для более важных вещей.

...Ватага школьников выбегает на улицу. Они о чем-то шепчутся. В центре — верзила с рыжей нечесаной копной волос и торчащими ушами. Как трудно делать вид, что совсем не боишься этого сброда. Ноги кажутся сделанными из ваты, тошнота, подступающая к горлу. Хочется бежать. Они все ближе. Зловещее молчание и оскаленная рожа с оттопыренными ушами. Осталось два шага. Удар по лицу...

Убрать! Щелк, щелк, щелк.

Берег реки, танцующие поплавки на воде. Черная тень. Нога в стоптанном башмаке. Сброшенные удочки, плывущие по течению. Красный туман перед глазами. Удар кулаком в ненавистную харю, второй, третий. Поверженный, хныкающий враг, размазывающий кровь по лицу...

Миллисекунды на анализ. Оставить. Уверенность в своих силах, радость победы нужны ученому не меньше, чем боксеру на ринге.

...Отблеск огня на верхушках елей. Разгоряченные вином и молодостью лица. Сноп искр вылетает из кост-

ра, когда в него подбрасывают сучья. Треск огня и песня: «Звезда любви на небосводе», лицо Эльзы. «Пойдемте, Кларенс. Мне хочется тишины». Шелест сухих листьев под ногами. Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?» Горький запах мха на рассвете. Завтрак в маленьком загородном ресторанчике. Горячее молоко с хрустящими хлебцами. «Теперь это уже навсегда, правда, милый?»

Вспыхивают и гаснут лампочки на пульте. Любовь к женщине — это хорошо. Возбуждает воображение. Остальное убрать. Слишком много нервных связей занимает вся эта ерунда. Щелк, щелк. Все ужато до размера фотографии в семейном альбоме: «Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?»

Невидимый луч мечется по ячейкам электронного коммутатора, обнюхивает все тайники человеческой души. Что там еще? Подать напряжение на тридцать вторую пару электродов. Оставить, убрать, оставить, убрать, убрать, убрать, щелк, щелк, щелк.

...Первая лекция, черный костюм, тщательно отглаженный Эльзой. Упрямая тревога в голубых глазах. «Ни пуха ни пера, дорогой». Амфитеатр аудитории. Внимательные, насмешливые лица студентов. Хриплый, чуть срывающийся голос вначале. Введение в теорию функций комплексного переменного. Раскрытый рот юноши в первом ряду. Постепенно стихающий гул. Стук мела о доску. Радостная уверенность, что лекция проходит хорошо. Аплодисменты, поздравления коллег. Как давно это было! Семьдесят лет назад. Двадцатого сентября...

Щелк, щелк. Оставлены только дата и краткий конспект лекции. Дальше, дальше.

...«Посмотри: это наш сын. Правда, он похож на те-

бя?» Букет роз у изголовья кровати. Он покупал эти розы в магазине у моста. Белокурая продавщица сама ему их отобрала. «Женщины любят хорошие цветы, я уверена, что они ей понравятся».

Щелк, щелк. Долой ненужные воспоминания, загружающие память. Мозг математика должен быть свободен от сентиментальной ерунды.

...Пронзительный звериный крик Эльзы. Сочувственные телеграммы, телефонные звонки, толпа репортеров на лестнице. «Весь мир гордится подвигом вашего сына». На первых полосах газет — обрамленная черной каймой фотография юноши в мешковатом комбинезоне у трапа ракеты. Притихшая толпа в церкви. Сухопарая фигура священника. «Вечная память покорителям космоса».

Вспыхивают и гаснут лампочки на пульте. Мчатся заряды в линиях задержки памяти, до предела загружены блоки логических цепей. Вновь и вновь сличается полученный результат с программой, и снова — логический анализ.

— Ну, что там случилось? — взгляд Леруа обращен к пульту. Кажется, машина не может сделать выбор.

— Наконец-то, слава богу! — Леруа облегченно вздыхает, услышав привычный щелчок реле. — Завтра, Крепс, проверьте по магнитной записи, что они там напутали с программой.

Щелк, щелк, щелк. «Вечная память покорителям космоса». Щелк. Еще одна ячейка памяти свободна.

Миллионы анализов в минуту. События и даты, лица знакомых, прочитанные книги, обрывки кинофильмов, вкусы и привычки, физические константы, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы. Все это нуж-

но привести в порядок, рассортировать, ненужное исключить.

Щелк, щелк. Мозг математика должен обладать огромной профессиональной памятью. Нужно обеспечить необходимую емкость, по крайней мере, на пятьдесят лет. Кто знает, что там впереди? Долой весь балласт! Щелк, щелк.

Танцуют кривые на экране осциллографов. Леруа недоволен. Кажется, придется на этом кончить, мозг утомлен.

— Довольно! — командует он Крепсу. — Вызовите санитаров, пусть забирают его в палату.

Крепс нажимает звонок. Пока санитары возятся с бесчувственным телом, он выключает установку.

— Все?

— Все, — отвечает Леруа. — Я устал, как господь бог на шестой день творения. Нужно немного развлечься. Давайте, Крепс, махнем в какое-нибудь кабаре. Вам тоже не повредит небольшая встряска после такой работы.

4

Раз, два, три, левой, левой. Раз, два, три. Отличная вещь ходьба! Вдох, пауза, выдох, пауза.

Тук, тук, тук, левое предсердие, правый желудочек, правое предсердие, левый желудочек. Раз, два, три, левой, левой.

Легким размашистым шагом Кларенс идет по улице. Вдох, пауза, выдох, пауза. Какое разнообразие запахов, оттенков, форм. Обновленный мозг жадно впитывает окружающий мир. Горячая кровь пульсирует в артериях, разбегается по лабиринту сосудов и вновь возвращается на круги свои.

Тук, тук, тук. Малый круг, большой круг, правое предсердие, левый желудочек, левое предсердие, правый желудочек, тук, тук. Вдох, пауза, выдох, пауза.

Стоп! Кларенс поражен. На зеленом фоне листы багровые лепестки, источающие небывалый аромат. Он опускается на колени и, как зверь, обнюхивает куст.

В глазах идущей навстречу девушки — насмешка и невольное восхищение. Он очень красив, этот человек, стоящий на коленях перед цветами.

— Вы что-нибудь потеряли? — спрашивает она, улыбаясь.

— Нет, я просто хочу запомнить запах. Вы не знаете, как называются эти... — Проклятье! Он забыл название. — Эти... растения?

— Цветы, — поправляет она. — Обыкновенные красные розы. Неужели вы никогда их не видели?

— Нет, не приходилось. Спасибо. Теперь я запомню: красные розы.

Он поднимается на ноги и, осторожно коснувшись пальцами лепестков, идет дальше.

Раз, два, три, левой, левой.

Девушка с удивлением глядит ему вслед. Чудак, а жаль. Пожалуй, он мог бы быть немного полюбезнее. «Розы, красные розы», — повторяет он на ходу...

Кларенс распахивает дверь аудитории. Сегодня здесь семинар.

Похожий на старого мопса Леви стоит у доски, испанной уравнениями. Он оборачивается и машет Кларенсу рукой, в которой зажат мел. Все взоры обращены к Кларенсу. В дверях толпятся студенты. Они пришли сюда, конечно, не из-за Леви. Герой дня Кларенс, представитель касты бессмертных.

— Прошу извинить за опоздание, — говорит он, садясь на свое место. — Пожалуйста, продолжайте.

Быстрым взглядом он окидывает доску. Так, так. Кажется, старик взялся за доказательство теоремы Лангрена. Занятно.

Леви переходит ко второй доске.

Кларенс не замечает устремленных на него глаз. Он что-то прикидывает в уме. Сейчас он напряжен, как скаковая лошадь перед стартом.

«Есть! Впрочем, подождать, не торопиться, проверить еще раз. Так, отлично!»

— Довольно!

Леви недоуменно оборачивается:

— Вы что-то сказали, Кларенс?

На губах Кларенса ослепительная, беспощадная улыбка.

— Я сказал, довольно. Во втором члене — нераскрытая неопределенность. При решении в частных производных ваше уравнение превращается в тождество.

Он подходит к доске, небрежно стирает все написанное Леви, выписывает несколько строчек и размашисто подчеркивает результат.

Лицо Леви становится похожим на печеное яблоко, которое поздно вынули из духовки. Несколько минут он смотрит на доску.

— Спасибо, Кларенс... Я подумаю, что здесь можно сделать.

Сейчас Кларенс нанесет решающий удар. Настороженная тишина в аудитории.

— Самое лучшее, что вы можете сделать, это не браться за работу, которая вам не под силу.

Нокаут.

...Он снова идет по улице. Раз, два, три, левой, левой, вдох, пауза, выдох, пауза.

Поверженный, хныкающий враг, размазывающий кровь по лицу. Печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки. Уверенность в своих силах и радость победы нужны ученому не меньше, чем боксеру на ринге.

Раз, два, три, вдох, пауза, выдох, пауза, раз, два, три, левой, левой.

5

— Олаф!

В дверях — сияющая, блистательная Эльза. До чего она хороша — юная Афродита, рожденная в растворе регенерационной ванны.

Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?»

— Здравствуй, дорогая, — это совсем другой поцелуй, чем те, которыми обычно обмениваются супруги в день бриллиантовой свадьбы.

— А ну покажись. Ты великолепно выглядишь. Не пришлось бы мне нанимать телохранителей для защиты тебя от студенток.

— Чепуха, имея такую жену...

— Пусти, ты мне растреплешь прическу.

Он идет по комнатам, перебирает книги в шкафу, рассматривает безделушки на Эльзином столике, с любопытством оглядывает мебель, стены. Все это так привычно и вместе с тем так незнакомо. Как будто видел когда-то во сне.

— Новое увлечение? — спрашивает он, глядя на фотографию юноши в мешковатом комбинезоне, стоящего у трапа ракеты.

В глазах Эльзы ужас.

— Олаф! Что ты говоришь?!

Кларенс пожимает плечами:

— Я не из тех, кто ревнует жен к их знакомым, но посуди сама, манера вешать над кроватью фотографии своих кавалеров может кому угодно показаться странной. И почему ты так на меня глядишь?

— Потому что... потому что это Генри... наш сын... Боже! Неужели ты ничего не помнишь?!

— Я все великолепно помню, но у нас никогда не было детей. Если ты хочешь, чтобы фотография все-таки красовалась здесь, то можно придумать что-нибудь более остроумное.

— О господи!!

— Не надо, милая, — Кларенс склонился над рыдающей женой. — Ладно, пусть висит, если тебе это нравится.

— Уйди! Ради бога, уйди сейчас, Олаф. Дай мне побыть одной, очень тебя прошу, уйди!

— Хорошо. Я буду в кабинете. Когда ты успокоишься, позови меня...

События и даты, лица знакомых, прочитанные книги, обрывки кинофильмов, физические константы, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы. Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?» Красные розы, теорема Лангрена, печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки, радость победы!..

Нет, он решительно не понимает, что это взбрело в голову Эльзе...

Празднично накрытый стол. Рядом с бутылкой старого вина — свадебный пирог. Два голубка из крема держат в клювах цифру 75.

— Посмотри, что я приготовила. Этому вину тоже семьдесят пять лет.

Слава богу, кажется, Эльза успокоилась. Но почему семьдесят пять?

— Очень мило, хотя и не вполне точно. Мне не семьдесят пять лет, а сто, да и тебе, насколько я помню, тоже.

Опять этот странный, встревоженный взгляд.

Он отрезает большой кусок пирога и наливает в бокалы вино.

— За бессмертие!

Они чокаются.

— Мне бы хотелось, — говорит Кларенс, пережевывая пирог, — чтобы ты в этом году обязательно прошла инверсию. У тебя перегружен мозг. Поэтому ты выдумываешь несуществовавшие события, путаешь даты, излишне нервозна. Хочешь, я завтра позвоню Леруа? Это такая пустяковая операция.

— Олаф, — глаза Эльзы умоляют, ждут, приказывают, — сегодня двадцать третье августа, неужели ты не помнишь, что произошло семьдесят пять лет назад в этот день?

...События и даты, лица знакомых, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы...

— Двадцать третьего августа? Кажется, в этот день я сдал последний экзамен. Ну конечно! Экзамен у Эльгарта, три вопроса, первый...

— Перестань!!

Эльза выбегает из комнаты, прижав платок к глазам.

«Да... — Кларенс налил себе еще вина. — Бедная Эльза! Во что бы то ни стало, нужно завтра повезти ее к Леруа».

Когда Кларенс вошел в спальню, Эльза уже была в постели.

— Успокойся, дорогая. Право, из-за всего этого не стоило плакать, — он обнял вздрагивающие плечи жены.

— Ох, Олаф! Что они с тобой сделали?! Ты весь какой-то чужой, ненастоящий! Зачем ты на это согласился? Ты ведь все-все забыл!

— Ты просто переутомилась. Не нужно было отказываться от инверсии. У тебя перегружен мозг, ведь сто лет — это не шутка.

— Я тебя боюсь такого...

...«Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?»...

6

Зловещее дыхание беды отравляло запах роз, путало стройные ряды уравнений. Беда входила в сон, неслышно ступая мягкими лапами. Она была где-то совсем близко.

Не открывая глаз, Кларенс положил руку на плечо жены.

— Эльза!

Он пытался открыть застывшие веки, отогреть своим дыханием безжизненное лицо статуи, вырвать из окостеневших пальцев маленький флакон.

— Эльза!!

Никто не может пробудить к жизни камень.

Кларенс рванул трубку телефона...

— Отравление морфием, — сказал врач, надевая пальто. — Смерть наступила около трех часов назад. Свидетельство я положил на телефонную книгу, там же я записал телефон похоронного бюро. В полицию я сообщу сам. Факт самоубийства не вызывает сомнений. Думаю, они не будут вас беспокоить.

— Эльза! — он стоял на коленях у кровати, глядя ладонью холодный белый лоб. — Прости меня, Эльза! Боже, каким я был кретином! Продать душу! За что? Стать вычислительной машиной, чтобы иметь возможность высмеять этого болвана Леви!.. **Печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки. Радость победы, теорема Лангрена, тензоры, операторы, формулы, формулы...** этого болвана...

Кларенс протянул руку и взял со столика белый листок.

В двенадцать часов зазвонил телефон.

Стоя на коленях, Кларенс снял трубку:

— Слушаю.

— Алло, Кларенс! Говорит Леруа. Как вы провели ночь?

— Как провел ночь? — рассеянно переспросил Кларенс, бросив взгляд на свидетельство о смерти, исписанное математическими символами. — Отлично провел ночь.

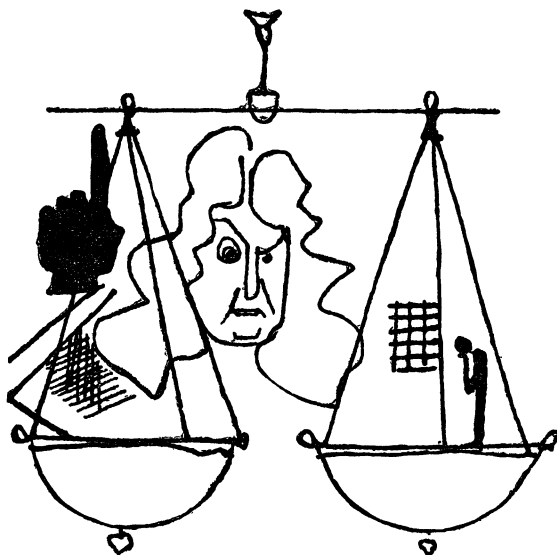
— Самочувствие?

— Великолепное! — ровные строчки уравнений покрывали листы телефонной книги, лежащей на подушке рядом с головой покойной. — Позвоните мне через два часа, я сейчас очень занят. Мне, кажется, удалось найти доказательство теоремы Лангрена.

Леруа усмехнулся и положил трубку.

— Ну как? — спросил Крепс.

— Все в порядке. Операция удалась на славу. Тревожных симптомов нет.

СУДЬЯ

В одном можно было не сомневаться: меня ждал скорый и беспристрастный суд.

Я был первым подсудимым, представшим перед Верховным Судьей Дономаги.

Уже через несколько минут допроса я понял, что не в силах больше лгать и изворачиваться.

Вопросы следовали один за дру-

гим с чудовищной скоростью, и в каждом из них для меня таилась новая ловушка. Хитроумная машина искусно плела паутину из противоречий в моих показаниях.

Наконец мне стало ясно, что дальнейшая борьба бесполезна. Электронный автомат с удивительной легкостью добился того, чего следователю не удавалось за долгие часы очных ставок, угроз и увещаний. Я признался в совершении тягчайшего преступления.

Затем были удалены свидетели, и я остался наедине с судьей.

Мне было предоставлено последнее слово.

Я считал это пустой формальностью. О чем можно просить бездушный автомат? О снисхождении? Я был уверен, что в его программе такого понятия не существует.

Вместе с тем я знал, что пока не будет произнесено последнее слово подсудимого, машина не вынесет приговора и стальные двери судебной камеры не откроются. Так повелевал Закон.

Это была моя первая исповедь.

Я рассказывал о тесном подвале, где на полу в куче тряпья копошились маленькие человекообразные существа, не знающие, что такое солнечный свет, и об измученной непосильной работой женщине, которая была им матерью, но не могла их прокормить.

Я говорил о судьбе человеческого детеныша, вынужденного добывать себе пищу на помойках, об улице, которая была ему домом, и о гнусной шайке преступников, заменявшей ему семью.

В моей исповеди было все: и десятилетний мальчик, которого приучали к наркотикам, чтобы полностью парализовать его волю, и жестокие побои, и тоска по иной

жизни, и тюремные камеры, и безнадежные попытки найти работу, и снова тюрьмы.

Я не помню всего, что говорил. Возможно, что я рассказал о женщине, постоянно требовавшей денег, и о том, что каждая принесенная мною пачка банкнот создавала на время крохотную иллюзию любви, которой я не знал от рождения.

Я кончил говорить. Первый раз в жизни по моему лицу текли слезы.

Машина молчала. Только периодически вспыхивавший свет на ее панели свидетельствовал о том, что она продолжала анализ.

Мне показалось, что ритм ее работы был иным, чем во время допроса. Теперь в замедленном мигании лампочек мне чудилось даже какое-то подобие сострадания.

«Неужели, — думал я, — автомат, созданный для защиты Закона тех, кто исковеркал мою жизнь, тронут моим рассказом?! Возможно ли, чтобы электронный мозг вырвался из лабиринта заданной ему программы на путь широких обобщений, свойственных только человеку?!»

С тяжело бьющимся сердцем, в полной тишине я ждал решения своей участи.

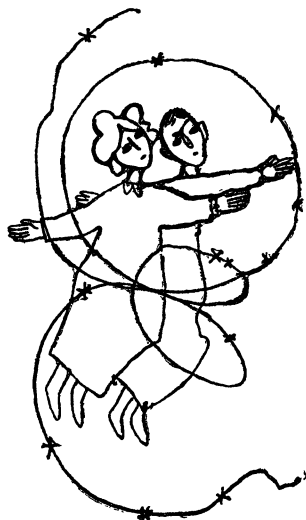
Проходили часы, а мой судья все еще размышлял. Наконец прозвучал приговор:

«Казнить и посмертно помиловать».

1970

ПОБЕГ

— Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!

Нехитрое приспособление — доска, две веревки, и вот уже тяжелая глыба породы погружена в тележку.

— Пошел!

Груз не больше обычного, но маленький человечек в полосатой одежде, навалившийся грудью на

перекладину тележки, не может сдвинуть ее с места.

— Пошел!

Один из арестантов пытается помочь плечом. Поздно! Подходит надсмотрщик.

— Что случилось?

— Ничего.

— Давай, пошел!

Человечек снова пытается рывком сдвинуть груз. Тщетно. От непосильного напряжения у него начинается кашель. Он прикрывает рот рукой.

Надсмотрщик молча ждет, пока пройдет приступ.

— Покажи руку.

Протянутая ладонь в крови.

— Так... Повернись.

На спине арестантской куртки — клеймо, надсмотрщик срисовывает его в блокнот.

— К врачу!

Другой заключенный занимает место больного.

— Пошел! — Это относится в равной мере к обоим — к тому, кто отныне будет возить тележку, и к тому, кто больше на это не способен.

Тележка трогается с места.

— Простите, начальник, нельзя ли...

— Я сказал, к врачу!

Он глядит на удаляющуюся сгорбленную спину и еще раз проверяет запись в блокноте: $\triangle \square 15/13264$. Что ж, все понятно. Треугольник — дезертирство, квадрат — пожизненное заключение, пятнадцатый барак, заключенный тринадцать тысяч двести шестьдесят четыре. Пожизненное заключение. Все правильно, только для этого вот, видно, оно уже приходит к концу. Хлопковые поля.

— Раз, два, взяли!

Сверкающий полированный металл, стекло, рассеянный свет люминесцентных ламп, какая-то особая, чувствующаяся на ощупь, стерильная чистота.

Серые, чуть усталые глаза человека в белом халате внимательно глядят из-за толстых стекол очков. Здесь, в подземных лагерях Медены, очень ценится человеческая жизнь. Еще бы! Каждый заключенный, прежде чем его душа предстанет перед высшим трибуналом, должен искупить свою вину перед теми, кто в далеких глубинах космоса ведет небывалую в истории битву за гегемонию родной планеты. Родине нужен уран. На каждого заключенного дано задание, поэтому его жизнь котируется наравне с драгоценной рудой. К сожалению, тут такой случай...

— Одевайся!

Худые длинные руки торопливо натягивают куртку на костлявое тело.

— Стань сюда!

Легкий нажим на педаль, и сакраментальное клеймо перечеркнуто красным крестом. Отныне заключенный $\triangle \square$ 15/13264 вновь может именоваться Арпом Зумби. Естественное проявление гуманности по отношению к тем, кому предстоит труд на хлопковых полях.

Хлопковые поля. О них никто толком ничего не знает, кроме того, что оттуда не возвращаются. Ходят слухи, что в знойном, лишенном влаги климате человеческое тело за двадцать дней превращается в сухой хворост, отличное топливо для печей крематория.

— Вот освобождение от работы. Иди.

Арп Зумби предъявляет освобождение часовому у дверей барака, и его охватывает привычный запах карболки. Барак похож на общественную уборную. Гу-

стой запах карболки и кафель. Однообразие белых стен нарушается только большим плакатом: «За побег — смерть под пыткой». Еще одно свидетельство того, как здесь ценится человеческая жизнь; отнимать ее нужно тоже с наибольшим эффектом.

У одной из стен нечто вроде огромных сот — спальные места, разгороженные на отдельные ячейки. Удобно и гигиенично. На белом пластике видно малейшее пятнышко. Ячейки же не для комфорта. Тут каторга, а не санаторий, как любит говорить голос, который проводит ежедневную психологическую зарядку. Деление на соты исключает возможность общаться между собой ночью, когда бдительность охраны несколько ослабевает.

Днем находиться на спальных местах запрещено, и Арп Зумби коротает день на скамье. Он думает о хлопковых полях. Обыкновенно транспорт туда комплектуется раз в две недели. Он забирает заключенных из всех лагерей. Через два дня после этого сюда привозят новеньких. Кажется, последний раз это было дней пять назад, когда рядом со спальным местом Арпа появился этот странный тип. Какой-то чокнутый. Вчера за обедом отдал Арпу половину своего хлеба. «На, — говорит, — а то скоро штаны будешь терять на ходу». Ну и чудило! Отдать свой хлеб, такого еще Арпу не приходилось слышать. Наверное, ненормальный. Вечером что-то напевает перед сном. Тоже, нашел место где петь.

Мысли Арпа вновь возвращаются к хлопковым полям. Он понимает, что это конец, но почему-то мало огорчен. За десять лет работы в рудниках привыкаешь к смерти. И все же его интересует, как там, на хлопковых полях.

За все время заключения первый день без работы.

Вероятно, поэтому он так тянется. Арп с удовольствием бы лег и уснул, но это невозможно, даже с бумажкой об освобождении от работы. Здесь каторга, а не санаторий.

Возвращаются с работы товарищи Арпа, и к запаху карболки примешивается сладковатый запах дезактивационной жидкости. Каждый, кто работает с урановой рудой, принимает профилактический душ. Одно из мероприятий, повышающих среднюю продолжительность жизни заключенных.

Арп занимает свое место в колонне и отправляется на обед.

Завтрак и обед — такое время, когда охрана сквозь пальцы смотрит на нарушение запрета разговаривать. С набитым ртом много не наговоришь.

Арп молча съедает свою порцию и ждет команды встать.

— На! — Опять этот чокнутый предлагает полпайки.

— Не хочу.

Раздается команда стрфиться. Только теперь Арп замечает, что все пялят на него глаза. Вероятно, из-за красного креста на спине. Покойник всегда вызывает любопытство.

— А ну, живей!

Это относится к соседу Арпа. Его ряд уже построился, а он все еще сидит за столом. Они с Арпом встают одновременно, и, направляясь на свое место, Арп слышит еле уловимый шепот:

— Есть возможность бежать.

Арп делает вид, что не расслышал. В лагере полно стукачей, и ему совсем не нравится смерть под пыткой. Уж лучше хлопковые поля,

Голос то поднимается до крика, от которого ломит виски, то опускается до еле слышного шепота, заставляющего невольно напрягать слух. Он льется из динамика, укрепленного в изголовье лежанки. Вечерняя психологическая зарядка.

Знакомый до отвращения баритон разъясняет заключенным всю глубину их падения. От этого голоса не уйдешь и не спрячешься. Его не удастся попросту исключить из сознания, как окрики надсмотрщиков. Кажется, уже удалось начать думать о чем-то совсем ином, чем лагерная жизнь, и вдруг неожиданное изменение громкости вновь напрягает внимание. И так три раза: вечером перед сном, ночью сквозь сон и утром за пять минут до пробудки. Три раза, потому что здесь каторга, а не санаторий.

Арп лежит, закрыв глаза, и старается думать о хлопковых полях. Зарядка уже кончилась, но ему мешает ритмичное постукивание в перегородку между ячейками. Опять этот псих.

— Ну, чего тебе?! — произносит он сквозь сложенные трубкой руки, прижатые к перегородке.

— Выйди в уборную.

Арп сам не понимает, что заставляет его спуститься вниз и направиться к арке, откуда слышится звук льющейся воды.

В уборной жарко, ровно настолько, чтобы нельзя было высидеть больше двух минут. С него сходит семь потов раньше, чем появляется новенький.

— Хочешь бежать?

— Пошел ты...

Арп Зумби — стреляная птица, знает все повадки стукачей.

— Не бойся, — снова торопливо шепчет тот. — Я тут от Комитета Освобождения. Завтра мы пытаемся вывезти и переправить в надежное место первую партию. Ты ничего не теряешь. Вам дадут яд. Если побег не удастся...

— Ну?

— Примешь яд. Это же лучше, чем смерть на хлопковых полях. Согласен?

Неожиданно для самого себя Арп кивает головой.

— Инструкции получишь утром, в хлебе. Будь осторожен.

Арп снова кивает и выходит.

Первый раз за десять лет он настолько погружен в мечты, что пропускает мимо ушей вторую и третью зарядки.

* * *

Арп Зумби последним стоит в очереди за завтраком. Теперь его место в конце хвоста. Всякий, кто освобожден от работы, получает еду позже всех.

Верзила уголовник, раздающий похлебку, внимательно смотрит на Арпа и, слегка ухмыльнувшись, бросает ему кусок хлеба, лежавший отдельно от других.

Расправляясь с похлебкой, Арп осторожно крошит хлеб. Есть! Он прячет за щеку маленький комочек бумаги.

Теперь нужно дожидаться, пока колонна уйдет на работу.

Команда встать. Арп выходит из столовой в конце колонны и, дойдя до поперечной галереи, поворачивает влево. Остальные идут прямо.

Здесь, за поворотом, Арп в относительной безопасности. Дневальные — на уборке бараков, для смены караула еще рано.

Инструкция очень лаконична. Арп читает ее три раза и, убедившись, что все запомнил, вновь комкает бумажку и глотает ее.

Теперь, когда нужно действовать, его охватывает страх.

Он колеблется. Смерть на хлопковых полях кажется желанной по сравнению с угрозой пытки.

«Яд!»

Воспоминание о яде сразу успокаивает. В конце концов, действительно, что он теряет?!

Страх, противный, липкий, тягучий страх приходит вновь, когда он предъявляет удостоверение об освобождении от работы часовому на границе зоны.

— Куда?

— К врачу.

— Иди.

Арпу кажется, что его ноги сделаны из ваты. Он медленно бредет по галерее, ощущая спиной опасность. Сейчас раздастся окрик и за ним автоматная очередь. Стреляют в этих случаях по ногам. За побег смерть под пыткой. Нельзя лишать заключенных такого назидательного зрелища, здесь каторга, а не санаторий.

Поворот!

Арп поворачивает за угол и прислоняется к стене. Он слышит удары своего сердца. Ему кажется, что сейчас он выблует этот трепещущий комок вместе с горечью, поднимающейся из желудка. Холодная испарина покрывает тело. Зубы выстукивают непрерывную дробь. Вот так, под звуки барабана, ведут пойманных беглецов на казнь.

Проходит целая вечность, прежде чем он решается двинуться дальше.

Где-то здесь, в нише, должны стоять мусорные баки. Арп еще раз в уме повторяет инструкцию. Снова по-

является сомнение. А вдруг все подстроено? Он залезет в бак, а тут его и прихлопнут! И яда никакого нет. Дурак! Не нужно было соглашаться, пока в руках не будет яда. Болван! Арп готов биться головой о стену. Так попасться на удочку какому-то стукачу!

Вот и баки. Около левого кто-то оставил малярные козлы. Все как в записке. Арп стоит в нерешительности. Пожалуй, самое правильное — вернуться назад.

Неожиданно до него доносятся громкие голоса и лай собаки. Обход! Думать некогда. С неожиданной легкостью он взбирается на козлы и оттуда прыгает в бак.

Голоса приближаются. Он слышит хрип пса, рвущегося с поводка, и стук подкованных сапог.

— Цыц, Гар!

— В баке кто-то есть.

— Крысы, тут их полно.

— Нет, на крыс он лает иначе.

— Глупости! Пошли! Да успокой ты его!

— Тихо, Гар!

Шаги удаляются.

Теперь Арп может осмотреться в своем убежище. Бак наполнен всего на одну четверть. О том, чтобы вылезти из него, — нечего и думать. До верхнего края расстояние в два человеческих роста. Арп проводит рукой по стенке и нащупывает два небольших отверстия, о которых говорилось в записке. Они расположены в выдавленной надписи «Трудовые лагеря», опоясывающей бак. Через эти отверстия Арпу придется дышать, когда захлопнется крышка.

Когда захлопнется крышка. Арп и без этого чувствует себя в ловушке. Кто знает, чем кончится вся эта затея. Что за Комитет Освобождения? В лагере ничего о нем не было слышно. Может, это те самые ребята,

которые тогда помогли ему дезертировать? Зря он их не послушался и пошел навестить мать. Там его и застукали. А ведь не будь он таким болваном, все могло бы быть иначе.

Снова голоса и скрип колес. Арп прикладывает глаз к одному из отверстий и успокаивается. Двое заключенных везут бадью с отбросами. Очевидно, дневальные по сектору. Они не торопятся. Присев на тележку, докуривают по очереди окурок, выброшенный кем-то из охраны. Арп видит бледные струйки дыма, и рот его заполняется слюной. Везет же людям!

Из окурка вытянуто все, что возможно. Бадья ползет вверх. Канат, который ее тянет, перекинут через блок над головой Арпа. Арп прикрывает голову руками. На него вываливается содержимое бадьи.

Только теперь, когда заключенные ушли, он замечает, до чего гнусно пахнет в его убежище.

Отверстия для дыхания расположены немного выше рта Арпа. Ему приходится сгрести часть отбросов себе под ноги.

Сейчас нужно быть начеку. Приборка кончается в десять часов. После этого заполненные мусорные баки отправляют наверх.

* * *

Неизвестно, откуда она взялась, широкая неструганая доска, перемазанная известкой. Один конец ее уперся в стенку бака у дна, другой лег немного выше головы Арпа. Доска, как и козлы, — свидетельство чьего-то внимания к судьбе беглеца. Особенно Арп это чувствует теперь, когда острый металлический прут проходит сквозь толщу отбросов, натывается на доску и плано-

мерно ощупывает ее сверху донизу. Не будь этой доски... Кажется, осмотр никогда не кончится.

— Ну, что там? — спрашивает хриплый старческий голос.

— Ничего, просто доска.

— Давай!

Легкий толчок, скрип ворота, и бак, раскачиваясь, начинает движение вверх. Временами он ударяется о шахту, и Арп чувствует лицом, прижатым к стенке, каждый удар. Между его головой и доской небольшое пространство, свободное от мусора. Это дает возможность немного отодвигать голову от отверстий при особенно резких качаниях бака.

Стоп! Последний, самый сильный удар, и с грохотом открывается крышка. Снова железный прут шарит внутри бака. Опять спасительная доска скрывает притаившегося под ней, трясущегося от страха человека.

Теперь отверстия повернуты к бетонной ограде, и весь мир вокруг Арпа ограничен серой шероховатой поверхностью.

Однако этот мир полон давно забытых звуков. Среди них Арп различает шорох автомобильных шин, голоса прохожих и даже чириканье воробьев.

Равномерное настойчивое постукивание о крышку бака заставляет его сжаться в комок. Стуки все чаще, все настойчивее, все нетерпеливее, и вдруг до его сознания доходит, что это дождь. Только тогда он понимает, как близка и как желанна свобода.

* * *

Все этой ночью похоже на бред. С того момента, когда его вывалили из бака, Арп то впадает в забытие, то снова просыпается от прикосновения крысиных лап.

Помойка полна крыс. Где-то рядом идут по шоссе автомобили. Иногда их фары выхватывают из темноты бугор мусора, за которым притаился Арп. Крысы с писком ныряют в темноту, царапают его лицо острыми когтями, огрызаются, если он пытается их отпугнуть, и вновь возвращаются, как только бугор тонет во мраке.

Арп думает о том, что, вероятно, его побег уже обнаружен. Он пытается представить себе, что сейчас творится в лагере. У него мелькает мысль о том, что собаки могли обнаружить его след, ведущий к бакам, и тогда...

Два ярких пучка света действуют, как удар. Арп вскакивает. Сейчас же фары гаснут. Вместо них загорается маленькая лампочка в кабине автомобиля. Это армейский фургон, в каком обычно перевозят боеприпасы. Человек за рулем делает знак Арпу приблизиться.

Арп облегченно вздыхает. Автомобиль, о котором говорилось в записке.

Он подходит сзади к кузову. Дверь открывается, Арп хватается за чьи-то протянутые руки и вновь оказывается в темноте.

В кузове тесно. Сидя на полу, Арп слышит тяжелое дыхание людей, ощущает спиной и боками чьи-то тела. Мягко покачиваясь на рессорах, фургон тихо мчится во мраке...

Арп просыпается от света фонаря, направленного ему в лицо. Что-то случилось! Исчезло ставшее уже привычным ощущение движения.

— Разминка! — говорит человек с фонарем. — Можете все выйти на пять минут.

Арпу совсем не хочется выходить из машины, но сзади на него напирает множество тел, и ему приходится спрыгнуть на землю.

Все беспорядочно сгрудились вокруг кабины водителя, никто не рискнет отойти от фургона.

— Вот что, ребята! — говорит их спаситель, освещая фонарем фигуры в арестантской одежде. — Пока все идет благополучно, но до того, как мы вас доставим на место, могут быть всякие случайности. Вы знаете, чем грозит побег?

Молчание.

— Знаете. Поэтому Комитет предлагает вам яд. По одной таблетке на брата. Действует мгновенно. Принимать только в крайнем случае. Понятно?

Арп получает свою порцию, завернутую в серебристую фольгу, и снова влезает в кузов.

Зажатая в кулаке таблетка дает ему чувство собственного могущества. Теперь тюремщики потеряли над ним всякую власть. С этой мыслью он засыпает...

Тревога! Она ощущается во всем: в неподвижности автомобиля, в бледных лицах беглецов, освещаемых светом, проникающим через щели кузова, в громкой перебранке там, на дороге.

Арп делает движение, чтобы встать, но десятки рук машут, показывают, чтобы он не двигался.

— Военные грузы не осматриваются. — Это голос водителя.

— А я говорю, что есть приказ. Сегодня ночью...

Автомобиль срывается с места, и сейчас же вдогонку трещат автоматные очереди. С крыши кузова летят щепки.

Когда Арп наконец поднимает голову, он замечает, что его рука сжимает чью-то маленькую ладонь. Из-под бритого лба на него глядят черные глаза, окаймленные пушистыми ресницами. Арестантская одежда не может скрыть девичьей округлости фигуры. На левом рукаве — зеленая звезда. Низшая раса.

Арп инстинктивно разжимает руку и вытирает ее о штаны. Общение с представителями низшей расы запрещено законами Медены. Недаром те, кто носит звезду, рождаются и умирают в лагерях.

— Нас ведь не поймают? Правда, не поймают?!

Дрожащий голосок звучит так жалобно, что Арп, забыв о законах, отрицательно качает головой.

— Как тебя зовут?

— Арп.

— А меня — Жетта.

Арп опускает голову на грудь и делает вид, что дремлет. Никто ведь не знает, как отнесутся к подобному общению там, куда их везут.

Автомобиль свернул с шоссе и прыгает по ухабам, не сбавляя скорости. Арпу хочется есть. От голода и тряски его начинает мутить. Он пытается подавить кашель, стесняясь окружающих, но от этого позывы становятся все нестерпимее. Туловище сгибается пополам, и из горла рвется кашель вместе с брызгами крови.

Этот приступ так изматывает Арпа, что нет сил оттолкнуть руку с зеленой звездой на рукаве, вытирающую пот у него со лба.

* * *

Горячий ночной воздух насыщен запахами экзотических цветов, полон треска цикад.

Сброшена арестантская одежда. Длинная, до пят, холщовая рубаша приятно холодит распаренное в бане тело. Арп тщательно очищает ложкой тарелку от остатков каши.

В конце столовой, у помоста, сложенного из старых бочонков и досок, стоят трое. Высокий человек с седыми волосами и загорелым лицом землепашца, видимо,

главный. Второй — миловидный паренек в форме солдата армии Медены, тот, кто сидел за рулем автомобиля. Третья — маленькая женщина с тяжелой рыжей косой, обернутой вокруг головы. Ей очень к лицу белый халат.

Они ждут, пока закончится ужин.

Наконец стихает стук ложек. Главный ловко прыгает на помост.

— Здравствуйте, друзья!

Радостный гул голосов служит ответом на это непривычное приветствие.

— Прежде всего я должен вам сообщить, что вы здесь в полной безопасности. Месторасположение нашего эвакуопункта неизвестно властям.

На серых изможденных лицах сейчас такое выражение счастья, что они кажутся даже красивыми.

— Тут, на эвакуопункте, вы должны будете пробыть от пяти до десяти дней. Точнее этот срок будет определен нашим врачом, потому что вам предстоит тяжелый, многодневный переход. Место, куда мы вас отведем, конечно, не рай. Там нужно работать. Каждую пядь земли наших поселений мы отвоевываем у джунглей. Однако там вы будете свободны, сможете обзавестись семьей и трудиться на собственное благо. Жилище, на первое время вам подготовили те, кто прибыл туда раньше вас. Такая уж у нас традиция. А теперь я готов ответить на вопросы.

Пока задают вопросы, Арп мучительно колеблется. Ему очень хочется узнать, можно ли в этих поселениях жениться на девушке низшей расы. Однако, когда он наконец решился и робко поднял руку, высокий мужчина с лицом землепашца уже сошел с помоста.

Теперь к беглецам обращается женщина. У нее тихий певучий голос, и Арпу приходится напрягать слух, чтобы понять, о чем идет речь.

Женщина просит всех лечь в постели и ждать медосмотра.

Арп находит свою койку по навешенной на ней бирке, ложится на хрустящие прохладные простыни и немедленно засыпает.

Сквозь сон он чувствует, что его поворачивают на бок, ощущает холодное прикосновение стетоскопа и, открыв глаза, видит маленькую женщину с рыжей косой, записывающую что-то в блокнот.

— Проснулся? — Она улыбается, обнажая ослепительные ровные зубы.

Арп кивает головой.

— Ты очень истощен. С легкими тоже не все в порядке. Будешь спать семь дней. Сейчас мы тебя усыпим.

Только теперь Арп замечает какой-то аппарат, придвинутый к постели.

Женщина нажимает несколько кнопок на белом пульте, в мозг Арпа проникает странный гул.

— Спать! — раздается далекий-далекий мелодичный голос, и Арп засыпает.

Ему снится удивительный сон, полный солнца и счастья.

Только во сне возможна такая упоительная медлительность движений, такое отсутствие скованности собственной тяжестью, такая возможность парить в воздухе.

Огромный луг покрыт ослепительно белыми цветами. Вдалеке Арп видит высокую башню, светящуюся всеми цветами радуги. Арп слегка отталкивается от земли и медленно опускается вниз. Его непреодолимо влечет к себе сияющая башня, от которой распространяется неизъяснимое блаженство.

Арп не один. Со всех сторон луга к таинственной башне стремятся люди, одетые так же, как и он, в длин-

ные белые рубахи. Среди них — Жетта с полным подолом белых цветов.

— Что это? — спрашивает у нее Арп, указывая на башню.

— Столп Свободы. Пойдем!

Они берутся за руки и вместе плывут в пронизанном солнечными лучами воздухе.

— Подожди!

Арп тоже набирает полный подол цветов, и они продолжают свой путь.

У подножия башни они складывают цветы.

— А ну, кто больше?! — кричит Жетта, порхая среди серых стеблей. — Догоняй!

Их пример заражает остальных. Проходит немного времени, и все подножие башни завалено цветами.

Потом они жгут костры и жарят на огне большие куски мяса, насаженные на тонкие длинные прутья. Восхитительный запах шашлыка смешивается с запахом горящих сучьев, будит в памяти какие-то воспоминания, очень древние и очень приятные.

Утолив голод, они лежат на земле у костра, глядя на звезды, большие незнакомые звезды в черном-черном небе.

Когда Арп засыпает у гаснущего костра, в его руке покоится маленькая теплая рука.

* * *

Гаснут костры. Выключены разноцветные лампочки, опоясывающие башню. Внизу, у самой земли, открываются двери, и две исполинские механические лапы сгребают внутрь хлопок.

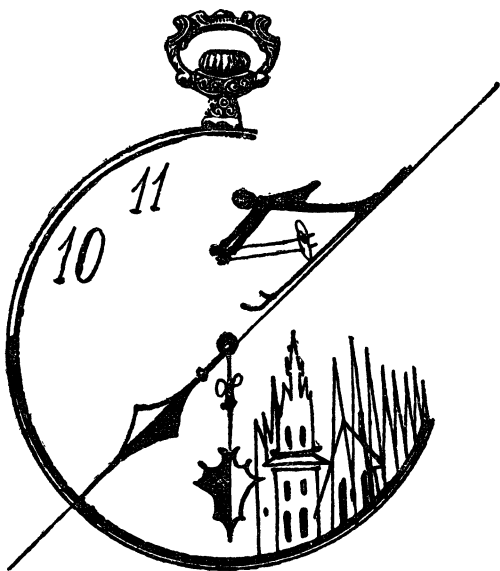
В застекленном куполе старик с загорелым лицом смотрит на стрелку автоматических весов.

— В пять раз больше, чем у всех предыдущих партий, — говорит он, выключая транспортер. — Боюсь, что при таком сумасшедшем темпе они и недели не протянут.

— Держу пари на две бутылки, — весело ухмыляется миловидный парнишка в военной форме. — Протянут обычные двадцать дней. Гипноз — великая штука! Можно подохнуть от смеха, как они жрали эту печеную брюкву! Под гипнозом что угодно сделаешь. Правда, доктор?

Маленькая женщина с тяжелой рыжей косой, обвиняющей голову, не торопится с ответом. Она подходит к окну, включает прожектор и внимательно смотрит на обтянутые кожей, похожие на черепа, лица.

— Вы несколько преувеличиваете возможности электрогипноза, — говорит она, обнажая в улыбке острые зубы вампира. — Мощное излучение пси-поля способно только задать ритм работы и определить некую общность действий. Основное же — предварительная психическая настройка. Имитация побега, мнимые опасности — все это создало у них ощущение свободы, завоеванной дорогой ценой. Трудно предугадать, какие колоссальные резервы организма могут пробуждаться высшими эмоциями.

ПОЕЗДКА В ПЕНФИЛД **современная сказка**

— Пожалуй, я лучше выпью еще коньяку, — сказал Лин Крэгг.

Подававшая чай служанка многозначительно взглянула на Мефа. Тот пожал плечами.

— Зачем вы так много пьете, Лин? В вашем положении...

— В моем положении стаканом больше или меньше уже ничего не решает. Вчера меня смотрел Уитроу.

— Теперь мы справимся сами, Мари, — сказал Меф. — Оставьте нам кекс и коньяк.

Он подождал, пока служанка вышла из комнаты.

— Так что вам сказал Уитроу?

— Все, что говорит врач в подобных случаях пациенту. Вы не возражаете? — Крэгг протянул руку к бутылке.

— Мне, пожалуйста, совсем немного, — сказал Меф.

Несколько минут он молча вертел в пальцах стакан.

— Вы знаете, Лин, что труднее всего бывает находить слова утешения. Да и не всегда они нужны, особенно таким людям, как вы. И все же поймите меня правильно... Ведь в подобных случаях всегда остается надежда...

— Не нужно, Эзра, — перебил Крэгг. — Я не понимаю обычного стремления друзей прибавить к физическим страданиям еще и пытку надеждой.

— Хорошо, не будем больше об этом говорить.

— Вы знаете, Эзра, — сказал Крэгг, — что жизнь меня не баловала, но если бы я мог вернуть единственный момент прошлого...

— Вы имеете в виду ту историю?

Крэгг кивнул.

— Вы никогда мне о ней ничего не рассказывали, Лин. Все, что я знаю...

— Я сам старался ее забыть. К сожалению, мы не вольны распоряжаться своей памятью.

— Это, кажется, произошло в горах?

— Да, в Пенфилде. Ровно сорок лет назад. Завтра — сорокалетие моей свадьбы и моего вдовства. — Он отпил большой глоток. — Собственно говоря, я был женат всего пять минут.

— И вы думаете, что если бы вам удалось вернуть эти пять минут?..

— Признаться, я постоянно об этом думаю. Меня не оставляет мысль, что тогда я... ну, словом, вел себя не наилучшим образом. Были возможности, которых я не использовал.

— Это всегда так кажется, — сказал Меф.

— Возможно. Но тут, пожалуй, особый случай. С того момента, как Ингрид потеряла равновесие, было совершенно очевидно, что она полетит в пропасть. Я достаточно хорошо владею лыжными поворотами на спусках и еще мог...

— Глупости! — возразил Меф. — Вся эта картина придумана вами потом. Таково свойство человеческой психики. Мы неизбежно...

— Нет, Эзра. Просто тогда на мгновение меня охватило какое-то оцепенение. Странное фаталистическое предчувствие неизбежности беды, и сейчас я готов продать душу дьяволу только за это единственное мгновение. Я так отчетливо представляю себе, что тогда нужно было делать!

Меф подошел к камину и стал спиной к огню.

— Мне очень жаль, Лин, — сказал он после долгой паузы. — По всем канонам я бы должен был теперь повести вас в лабораторию, усадить в машину времени и отправить путешествовать в прошлое. К сожалению, так бывает только в фантастических рассказах. Поток времени необратим, но если бы даже сам дьявол бросил вас в прошлое, то все события в вашей новой системе отсчета были бы строго детерминированы еще не существующим будущим. Петлю времени нельзя представить себе иначе, как петлю. Надеюсь, вы меня поняли?

— Понял, — невесело усмехнулся Крэгг. — Я недавно прочитал рассказ. Человек, попавший в далекое про-

шное, раздавил там бабочку, и от этого в будущем изменилось все: политический строй, орфография и еще что-то. Это вы имели в виду?

— Примерно это, хотя фантасты всегда склонны к преувеличениям. Причинно-следственные связи могут быть различно локализованы в пространстве и во времени. Трудно представить себе последствия смерти Наполеона в младенческом возрасте, но, право, Лин, если бы ваша далекая прародительница избрала себе другого супруга, мир, в котором мы живем, изменился бы очень мало.

— Благодарю вас! — сказал Крэгг. — И это все, что мог мне сообщить философ и лучший физик Дономаги Эзра Меф?

Меф развел руками:

— Вы преувеличиваете возможности науки, Лин, особенно там, где это касается времени. Чем больше мы вдумываемся в его природу, тем сумбурнее и противоречивее наши представления о нем. Ведь даже теория относительности...

— Ладно, — сказал Крэгг, опорожняая стакан, — я вижу, что действительно лучше иметь дело с Сатаной, чем с вашим братом. Не буду больше вам надоедать.

— Пожалуй, я вас провожу, — сказал Меф.

— Не стоит, тут два шага. За двадцать лет я так изучил дорогу, что могу пройти с закрытыми глазами. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — ответил Меф.

* * *

Крэгг долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Его сильно покачивало. В доме непрерывно звонил телефон.

Открыв наконец дверь, он в темноте подошел к аппарату.

— Слушаю!

— Алло, Лин! Говорит Меф. Все в порядке?

— В порядке.

— Ложитесь спать. Уже двенадцать часов.

— Самое время продать душу дьяволу!

— Ладно, только не продешевите. — Меф положил трубку.

— К вашим услугам, доктор Крэгг.

Лин включил настольную лампу. В кресле у книжного шкафа сидел незнакомый человек в красном костюме, облегавшем сухощавую фигуру, и черном плаще, накинутом на плечи.

— К вашим услугам, доктор Крэгг, — повторил незнакомец.

— Простите, — растерянно сказал Крэгг, — но мне кажется...

— Что вы, уйдя от одного литературного штампа, попали в другой? Не так ли? — усмехнулся посетитель. — К сожалению, вне этих штампов проблема путешествий во времени неразрешима. Либо машина времени, либо... я. Итак, чем могу быть полезен?

Крэгг сел в кресло и потер лоб.

— Не беспокойтесь, я не призрак, — сказал гость, кладя ногу на ногу.

— Да, но...

— Ах это?! — он похлопал рукой по щегольскому лакированному копыту, торчавшему из-под штанины. — Пусть это вас не смущает. Мода давно прошедшего времени. Гораздо удобнее и элегантней, чем ботинки.

Крэгг невольно бросил взгляд на плащ, прикрывавший спину незнакомца.

— Вот оно что! — нахмурился тот и сбросил плащ. —

Что ж, вполне понятный вопрос, если учесть все нелепости, которые выдумывали о нас попы на протяжении столетий. Я понимаю, дорогой доктор, всю грубость и неуместность постановки эксперимента подобного рода, но если бы я... то есть я хотел сказать, что если бы вы... ну, словом, если бы такой эксперимент был допустим с этической точки зрения, то вы бы собственными глазами убедились, что никаких признаков хвоста нет. Все это — наглая клевета!

— Кто вы такой? — спросил Крэгг.

Гость снова сел.

— Такой же человек, как и вы, — сказал он, накидывая плащ. — Вам что-нибудь приходилось слышать о цикличности развития всего сущего?

— Приходилось. Развитие по спирали.

— Пусть по спирали, — согласился гость, — это дела не меняет. Так вот, мы с вами находимся на различных витках этой спирали. Я — представитель цивилизации, которая предшествовала вашей. То, чего достигла наша наука: личное бессмертие, способность управлять временем, кое-какие трюки с трансформацией, — неизбежно вызывало в невежественных умах людей вашего цикла суеверные представления о нечистой силе. Поэтому немногие сохранившиеся до сего времени представители нашей эры предпочитают не афишировать своего существования.

— Ерунда! — сказал Крэгг. — Этого быть не может!

— Ну, а если бы на моем месте был пришелец из космоса, — спросил гость, — вы поверили бы в реальность его посещения?

— Не знаю, может быть, я поверил бы, но пришелец из космоса не пытался бы купить мою душу.

— Фу! — На лице незнакомца появилось выражение гадливости. — Неужели вы верите в эти сказки?! Могу

ли я — представитель воинствующего атеизма, пугало всех церковников, заниматься подобной мистификацией?

— Зачем же тогда вы — здесь? — спросил Крэгг.

— Из чисто научного интереса. Я занимаюсь проблемой переноса во времени и не могу без согласия объекта...

— Это правда?! — Крэгг вскочил, чуть не опрокинув кресло. — Вы могли бы меня отправить на сорок лет назад?!

Незнакомец пожал плечами.

— А почему бы и нет? Правда, с некоторыми ограничениями. Детерминизм причинно-следственных связей...

— Я это уже сегодня слышал, — перебил Крэгг.

— Знаю, — усмехнулся гость. — Итак, вы готовы?

— Готов!

— Отлично! — Он снял со своей руки часы. — Ровно сорок лет?

Крэгг кивнул.

— Пожалуйста! — Он перевел стрелки и застегнул ремешок на руке Лина. — В тот момент, когда вы захотите начать трансформацию, нажмите эту кнопку.

Крэгг взглянул на циферблат, украшенный непонятными знаками.

— Что это такое?

— Не знаю, как вам лучше объяснить, — замялся незнакомец. — Человеку суеверному я бы сказал, что это — волшебные часы, физику был бы ближе термин — генератор поля отрицательной вероятности, хотя что это за поле, он бы так и не понял, но для вас, дорогой доктор Крэгг, ведь все равно. Важно, что механизм, который у вас сейчас на руке, просто средство перенестись в прошлое. Надеюсь, вы удовлетворены?

— Да, — не очень уверенно ответил Крэгг.

— Раньше, чем я вас покину, — сказал гость, —

мне нужно предупредить вас о трех существенных обстоятельствах: во-первых, при всем моем глубоком уважении к памятникам литературы, я не могу не отметить ряд грубых неточностей, допущенных господином Гёте. Приобретя с моей помощью молодость, Фауст никак не мог сохранить жизненный опыт старца, о чем, впрочем, свидетельствует его нелепое поведение во всей этой истории. В нашем эксперименте, помолодев на сорок лет, вы лишитесь всяких знаний, приобретенных за это время. Если вы все же хотите что-то удержать в памяти, думайте об этом в период трансформации. Во-вторых, вероятно, вы знаете, что физическое тело не может одновременно находиться в различных местах. Поэтому приступайте к трансформации в той точке пространства, в которой находились в это время сорок лет назад. Иначе я не отвечаю за последствия. Вы меня поняли?

Крэгг кивнул головой.

— И наконец, снова о причинно-следственных связях. В старой ситуации вы можете вести себя иначе, чем в первый раз. Однако, к чему это приведет, заранее предсказать нельзя. Здесь возможны... э-э-э... различные варианты, определяемые степенью пространственно-временной локальности все тех же связей. Впрочем, вы это уже знаете. Засим... — он отвесил низкий поклон. — Ах, Сатана! Я, кажется, здесь немного наследил своими копытами! Это, знаете ли, одно из неудобств...

— Пустяки! — сказал Крэгг.

— Прошу великодушно извинить. Сейчас я исчезну. Боюсь, что вам придется после этого проветрить. Сернистое топливо. К сожалению, современная химия ничего другого для трансформации пока предложить не может. Желаю успеха!

Крэгг подождал, пока рассеется желтоватое облако дыма, и подошел к телефону:

— Таксомоторный парк? Прошу прислать машину. Улица Грено, дом три. Что? Нет, за город. Мне срочно нужно в Пенфилд.

* * *

— Въезжаем в Пенфилд, — сказал шофер.

Крэгг открыл глаза.

Это был не тот Пенфилд. Ярко освещенные окна многоэтажных домов мелькали по обе стороны улицы.

— Вам в гостиницу?

— Да. Вы хорошо знаете город?

Шофер удивленно взглянул на него.

— Еще бы! Мне уже много лет приходится возить сюда лыжников. Из всех зимних курортов...

— А вы не помните, тут на горе жил священник. Маленький домик на самой вершине.

— Помер, — сказал шофер. — Лет пять как похоронили. Теперь тут другой священник, живет в городе, возле церкви. Мне и туда случалось возить... По всяким делам, — добавил он, помолчав.

— Я хотел бы проехать по городу, — сказал Крэгг.

— Что ж, это можно, — согласился шофер.

Крэгг смотрел в окно. Нет, это был решительно другой Пенфилд.

— А вот — фуникулер, — сказал шофер. — Теперь многие предпочитают подниматься наверх в фуникулере. Времена меняются, и даже лыжный спорт...

— Ладно, везите меня в гостиницу, — перебил Крэгг.

Мимо промелькнуло старинное здание ратуши. Стрелки часов на башне показывали два часа.

Крэгг узнал это место. Тут вот, направо, должна быть гостиница.

— Приехали, — сказал шофер, останавливая машину.

— Это не та гостиница.

— Другой здесь нет.

— Раньше была, — сказал Крэгг, вглядываясь в здание.

— Была деревянная, а потом на ее месте построили эту.

— Вы в этом уверены?

Шофер пожал плечами:

— Что я, дурачить вас буду?

— Хорошо, — сказал Крэгг, — можете ехать назад, я тут останусь.

Он вышел на тротуар.

— Приятно покататься! — сказал шофер, пряча деньги в карман. — Снег сейчас превосходный. Если вам нужны лыжи получше, советую...

— Хватит! — Крэгг со злобой захлопнул дверцу.

...В пустом вестибюле за конторкой дремала дежурная.

— Мне нужен номер во втором этаже с окнами на площадь, — сказал Крэгг.

— Вы надолго к нам?

— Не знаю. Может быть... — Крэгг запнулся. — Может быть, на несколько дней.

— Покататься на лыжах?

— Какое это имеет значение? — раздраженно спросил он.

Дежурная улыбнулась.

— Решительно никакого. Заполните, пожалуйста, карточку. — Она протянула ему белый листок, на котором Крэгг написал свою фамилию и адрес.

— Все?

— Все. Пойдемте, я покажу вам номер. Где ваши вещи?

— Пришлют завтра.

Они поднялись во второй этаж. Дежурная сняла с доски ключ и открыла дверь.

— Вот этот.

Крэгг подошел к окну. Здание ратуши виднелось чуть левее, чем ему следовало бы.

— Эта комната мне не подходит. А что рядом?

— Номер рядом свободен, но там еще не прибрано. Оттуда выехали только вечером.

— Это неважно.

— Да, но сейчас нет горничной.

— Я сказал, что это не имеет значения!

— Хорошо, — вздохнула дежурная, — если вы настаиваете, я сейчас постелю.

Кажется, это было то, что нужно, но кровать стояла у другой стены.

Крэгг подождал, пока дежурная расстелила простыни.

— Спасибо! Больше ничего не надо. Я ложусь спать.

— Спокойной ночи! Вас утром будить?

— Утром? — Казалось, он не понял вопроса. — Ах, утром! Как хотите, это уже не существенно.

Дежурная фыркнула и вышла из комнаты.

Крэгг отдернул штору, передвинул кровать к противоположной стене и, погасив свет, начал раздеваться.

Он долго лежал, глядя на узор обоев, пока блик луны не переместился к изголовью кровати. Тогда, зажмурив глаза, он нажал кнопку на часах...

* * *

«Если вы хотите удержать что-то в памяти, думайте об этом в период трансформации».

...Объезжая пень, она резко завернула влево и потеряла равновесие. Когда ей удалось стать второй лыжей на снег, она вскрикнула, обрыв был всего в нескольких метрах. Она поняла, что тормозить уже поздно, и упала на левый бок. Большой пласт снега под ней стал медленно оседать вниз...

Крэгг проснулся со странным ощущением тяжести в голове. Лучи утреннего солнца били в глаза, проникая сквозь закрытые веки. Он перевернулся на бок, пытаясь вспомнить, что произошло вчера.

Кажется, вчера они с Ингрид до двух часов ночи катались на лыжах при лунном свете. Потом, в холле, она сказала... Ах, черт! Крэгг вскочил и торопливо начал натягивать на себя еще не просохший со вчерашнего дня свитер. Проспать в такой день!

Сбегая по лестнице, он чуть не сбил с ног поднимающуюся наверх хозяйку в накрахмаленном чепце и ослепительно белом переднике.

— Торопитесь, господин Крэгг! — На ее лице появилось добродушно-хитрое выражение. — Барышня вас уже давно ждет. Смотрите, как бы...

Крэгг в два прыжка осилил оставшиеся ступеньки.

— Ингрид!

— А мой совет: до обручения не целуй его! — пропела Ингрид, оправляя прическу. — Садитесь лучше пить кофе. Признаться, я уже начала думать, что вы, раскаявшись в своем безрассудстве, умчались в город, покинув обманутую Маргариту.

...Когда ей удалось стать второй лыжей на снег, она вскрикнула...

— Не знаю, что со мной случилось, — сказал Крэгг, размешивая сахар. — Я обычно так рано встаю.

— Вы нездоровы?

— Н-н-нет.

— Сожаление об утерянной свободе?

— Что вы, Ингрид!

— Тогда смажьте мои лыжи. Мы поднимемся наверх в фуникулере, а спустимся...

— Нет!! — Крэгг опрокинул чашку на скатерть. — Не нужно спускаться на лыжах!

— Что с вами, Лин?! — спросила Ингрид, стряхивая кофе с платья. — Право, вы нездоровы. С каких пор?..

— Там... — Он закрыл глаза руками.

..Объезжая пень, она резко завернула влево и потеряла равновесие...

— Там... пни! Я... боюсь, Ингрид! Умоляю вас, пойдете назад по дороге! Мы можем спуститься в фуникулере.

Ингрид надула губы.

— Странно, вчера вы не боялись никаких пней, — сказала она, вставая. — Даже ночью не боялись. Вообще, вы сегодня странно себя ведете. Еще не поздно...

— Ингрид!

— Перестаньте, Лин! У меня нет никакого желания тащиться три километра пешком под руку со своим добродетельным и трусливым супругом или стать всеобщим посмешищем, спускаясь в фуникулере. Я иду переодеваться. В вашем распоряжении десять минут, чтобы подумать. Если вы все это делаете против своей воли, то еще есть возможность...

— Хорошо, — сказал Крэгг, — сейчас смажу ваши лыжи...

...— Согласен ли ты взять в жены эту женщину?

...Обрыв был всего в нескольких метрах. Она поняла, что тормозить уже поздно, и упала на левый бок...

— Да.

— А ты согласна взять себе в мужья этого мужчину?

— Согласна.

— Распишитесь...

Церемония окончилась.

— Ну? — прикрепляя лыжи, Ингрид снизу взглянула на Крэгга. В ее глазах был вызов. — Вы готовы?

Крэгг кивнул.

— Поехали!

Ингрид взмахнула палками и вырвалась вперед...

Крэггу казалось, что все это он уже однажды видел во сне: и синевато-белый снег, и фонтаны пыли, вырывающиеся из-под лыж Ингрид на поворотах, и красный шарф, полощущий по ветру, и яркое солнце, слепящее глаза.

Впереди одиноко маячила старая сосна. Ингрид мелькнула рядом с ней. Дальше в снегу должен был торчать пень.

...Объезжая пень, она резко завернула влево и потеряла равновесие...

Ингрид вошла в правый поворот. В правый! Крэгг облегченно вздохнул.

— Не так уж много пней, — крикнула она, резко заворачивая влево. — Все ваши страхи... — Взглянув

на ехавшего сзади Крэга, она потеряла равновесие. Правая лыжа взметнулась вверх.

Крэгг присел и, оттолкнувшись изо всех сил палками, помчался ей наперерез.

Они столкнулись в нескольких метрах от обрыва.

Уже падая в пропасть, он услышал пронзительный крик Ингрид. Дальше весь мир потонул в нестерпимо яркой вспышке света.

* * *

— Вот ваша газета, доктор Меф, — сказала служанка.

Эзра Меф допил кофе и надел очки.

Несколько минут он с брезгливым выражением лица просматривал сообщения о событиях в Индокитае. Затем, пробежав статью о новом методе лечения ревматизма, взглянул на последнюю страницу. Его внимание привлекла заметка, напечатанная петитом и обрамленная черной каймой.

В номере гостиницы курорта Пенфилд скончался известный ученый-филолог, профессор государственного университета Дономаги, доктор Лин Крэгг. Наша наука потеряла в его лице...

Меф сложил газету и прошел в спальню.

— Нет, Мари, — сказал он служанке, — этот пиджак повесьте в шкаф, я надену черный костюм.

— С утра? — спросила Мари.

— Да, у меня сегодня траур. Нужно еще выполнить кое-какие формальности.

— Кто-нибудь умер?

— Лин Крэгг.

— Бедняга! — Мари достала из шкафа костюм. —

Он очень плохо выглядел последние дни. А вы его вчера даже не проводили!

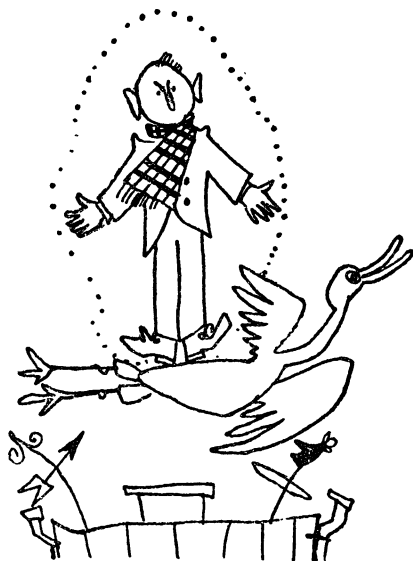
— Это случилось в Пенфилде, — сказал Меф. — Кажется, он поехал кататься на лыжах.

— Господи! В его-то годы! Вероятно, на что-нибудь налетел!

— Вероятно, если исходить из представлений пространственно-временного континуума. Ах, Сатана!..

— Ну, что еще случилось, доктор Меф? — спросила служанка.

— Опять куда-то задевался рожок для обуви! Вы не представляете, какая мука — натягивать эти модные ботинки на мои старые копыта!

УТКА В СМЕТАНЕ

Откровенно говоря, я люблю вкусно поесть. Не вижу причины это скрывать, потому что ведь от гурмана до обжоры, как принято выражаться, дистанция огромного размера. Просто я считаю, что каждое блюдо должно быть приготовлено наилучшим образом. Возьмем, к примеру, обыкновенный кусок мяса. Можно его кинуть в кастрюлю и

сварить, можно перемолоть на котлеты, а можно, потушив в вине с грибами и пряностями, создать произведение кулинарного искусства.

К сожалению, в наше время люди начали забывать, что еда — это прежде всего удовольствие. Увы, канули в Лету придорожные кабачки, где голодного путника ждала у пылающего очага утка, поджаренная на вертеле. Кстати, об утках: уверяю вас, что обычная газовая плита дает возможность приготовить утку ничуть не хуже, чем это делалось нашими предками. Просто нужно перед тем, как поставить ее в сильно нагретую духовку, обмазать всю тушку толстым слоем сметаны. Если вы при этом проявите достаточно внимания и не дадите утке перестоять, ваши труды будут вознаграждены восхитительной румяной корочкой, тающей во рту.

Многие считают, что утку нужно жарить с яблоками. Глупости! Наилучший гарнир — моченая брусника. Не забудьте положить внутрь утки, так сказать в ее недра, несколько зернышек душистого перца, немного укропа и лавровый лист. Это придает блюду ни с чем не сравнимый аромат.

Был воскресный день, и я только посадил утку в духовку, как раздался звонок в передней.

— Это, наверное, почта, — сказала жена. — Пойди открой.

У меня очень обширная корреспонденция. Не буду скромничать. Как писатель-фантаст, я пользуюсь большой известностью. После выхода книги меня буквально засыпают письмами. Пишут обычно всякую галиматью, но я бережно храню все эти листки, чаще всего нацарапанные корявым почерком, со множеством ошибок, храню потому, что ведь это, что ни говори, часть моей славы.

Когда ко мне приходят гости, особенно собраты по перу, я люблю достать папки с письмами и похвастать ими.

К сожалению, дело не всегда ограничивается посланиями.

Мне часто звонят по телефону. У меня уже выработалась особая система уклоняться от просьб «уделить несколько минут для очень важного разговора». Все это или графоманы, или восторженные юнцы, принимающие всерьез то, что я пишу. Хуже, когда они являются без предварительного звонка. Тут, хочешь не хочешь, приходится тратить на них время. Иногда мне даже всучивают рукописи, которые я, признаться, никогда не читаю. Держу некоторое время у себя, а потом отвечаю по почте, что, дескать, замысел не лишен интереса, но нужно больше обращать внимания на язык и тщательнее работать над сюжетом. Как-то все-таки приходится заботиться о своей популярности.

Итак, я пошел открыть дверь.

Это был не почтальон. Переминавшийся с ноги на ногу человек мало походил на моих обычных посетителей. На вид ему было лет сорок пять. Под глубоко запавшими глазами красовались набрякшие мешки, какие бывают у хронических алкоголиков. Длинный, немного свернутый на сторону нос и оттопыренные уши тоже не придавали особой привлекательности своему владельцу. Хотя на улице шел снег, он был без пальто и шапки. Снежинки таяли на его голове с наголо стриженными волосами. Облачен он был в дешевый, видно только что купленный костюм, слишком широкий в плечах. Рукава же были настолько коротки, что из них сантиметров на десять торчали руки в черной сатиновой рубашке. Шею он обвязал клетчатым шарфом, концы которого болтались на груди.

В людях я разбираюсь хорошо. Не дожидаясь горькой исповеди о перипетиях, приведших его к положению просителя, я достал из кошелька 40 копеек и протянул ему.

Посетитель нетерпеливым жестом отмахнулся от денег и бесцеремонно переступил порог.

— Вы ошибаетесь. — К моему удивлению, он назвал меня по имени и отчеству. — Я к вам по делу, и притом весьма срочному. Прошу уделить мне несколько минут.

Он взглянул на свои ноги, обутые в огромные рабочие ботинки, такие же новые, как и его костюм, потоптался нерешительно на месте и вдруг направился в комнаты.

Обескураженный, я последовал за ним.

— Ну-с? — Мы сидели в кабинете, я за столом, он — в кресле напротив. — Чем же я обязан вашему визиту?

Я постарался задать этот вопрос ледяным тоном, тем самым, который уже не раз отпугивал непрошенных посетителей.

— Сейчас. — Он провел ладонью по мокрой голове и вытер руку о пиджак. — Сейчас я вам все объясню, но только разговор должен остаться между нами.

С меня этого было достаточно. Мне совершенно не хотелось выслушивать признания о загубленной жизни. Вот сейчас он скажет: «Дело в том, что я вернулся...»

— Дело в том, — сказал посетитель, — дело в том... — он запнулся и сморщил лицо, как будто проглотил что-то очень невкусное, — дело в том, что я был с другой планеты.

Это было так примитивно, что я рассмеялся. Моему перу принадлежат десятка два подобных рассказов, и

у меня выработался полный иммунитет ко всякой фантастической ерунде. Вместе с тем, мой опыт в таких делах давал мне возможность быстро и, я бы сказал, элегантно разоблачить любого проходимца. Что ж, это было даже занятно.

— С другой планеты? — В моем голосе не было и следов удивления. — С какой же именно?

Он пожал плечами.

— Как вам сказать? Ведь ее название ничего вам не даст, оно на Земле неизвестно.

— Неважно! — Я снял с полки энциклопедический словарь и отыскал карту звездного неба. — Покажите мне хотя бы место, где она находится, эта ваша планета.

Он близоруко прищурился и, поведив пальцем по карте, ткнул в одно из звездных скоплений.

— Вот тут. С Земли она должна была бы наблюдаться в этом созвездии. Однако ни в один из телескопов вы ее увидеть не сможете. Ни ее, ни звезду, вокруг которой она обращается.

— Почему же?

— Это не имеет значения. — Он опять поморщился. — Слишком долго объяснять.

— На каком же расстоянии она находится от Земли?

— На каком расстоянии? — растерянно переспросил он. — На каком расстоянии? Это... смотря как считать...

— А как вы привыкли считать звездные расстояния? Может быть, в километрах? — Я вложил в этот вопрос столько иронии, что лишь болван не мог ее почувствовать.

— В километрах? Право, не знаю... Нет, в километрах нельзя.

— Почему?

— Не получается. Километры, ведь они...

— Разные? — насмешливо переспросил я.

— Вот-вот, — радостно заулыбался он, — именно разные.

— Тогда, может быть, в парсеках или в световых годах?

— Пожалуй, можно в световых годах. Что-то около... двух тысяч лет.

— Около?

— Да, около. Я, признаться, никогда точно не интересовался.

Тут я ему нанес новый удар.

— Сколько же времени вам пришлось сюда лететь?

— Я не знаю. — Он как-то беспомощно огляделся вокруг. — Право, не знаю... Ведь те понятия о времени и пространстве...

Видно было, что он запутался. Еще два вопроса, и я его загоню в угол.

— Когда вы прилетели?

— Двадцать лет назад.

— Что?!

Только идиот мог отвечать подобным образом. Он даже не пытался придать своим ответам хоть какую-то видимость правдоподобия. Сумасшедший? Но тогда, чтобы поскорее его спровадить, нужно менять тактику. Говорят, что сумасшедшие обладают редким упрямством. С ними нужно во всем соглашаться, иначе дело может принять совсем скверный оборот.

— Где же вы были все это время? — спросил я участливым тоном.

— Там. — Он ткнул пальцем по направлению потолка. — На орбите. Неопознанные летающие объекты. Слышали?

— Слыхал. Значит, вы были на этом, как его, летающем блюдце?

Он утвердительно кивнул головой.

— Чем же вы там занимались все двадцать лет?

— Чем занимался?! — Он неожиданно пришел в бешенство. — Идиотский вопрос! Чем занимался?! Всем занимался! Расшифровывал ваши передачи по эфиру, наблюдал, держал связь с Комитетом. Попробовали бы вы вот так, двадцать лет на орбите! Двадцать лет питаться одной синтетикой! Чем занимался?! Это вам не за столом сидеть, рассказы пописывать.

Я взглянул на часы. Пора было полить утку вытопившимся жиром, иначе корсчка пересохнет. Однако оставлять такого субъекта одного в кабинете мне очень не хотелось.

О, злополучная писательская доля! Чего только не приходится терпеть.

— Действительно, это, должно быть, очень тяжело, — примирительно сказал я. — Двадцать лет не слезать с блюдца, не каждый выдержит. Видеть под собой Землю и не иметь возможности побывать там, с ума сойти можно.

— Бывал я на Земле, — мрачно произнес он. — Бывал, но не надолго. Часа по четыре. Больше в библиотеки ходил, знакомился с книгами. Вот и к вам пришел оттого, что прочитал ваш роман.

Час от часу не легче! Гибрид сумасшедшего с почитателем.

— Так вот, — продолжал он, — пришел я к вам, потому что вы пишете о внеземных контактах.

— Ну и что же?

— А то, что я заболел. Психика не выдерживает больше на орбите. Понятно? Через месяц у меня сеанс связи с Комитетом, я сообщу им свое решение насчет

Земли, а пока придется мне пожить у вас, привести себя немного в порядок, накопить жизненной силы для сеанса, а то ничего из этого не получится.

— Из чего не получится? — Я чувствовал, что еще немного, и я окончательно потеряю терпение. Пусть он сумасшедший, но я тоже имею нервы. — Простите, я не понял, что именно не получится.

— Сеанс связи не получится. Жизненных сил не хватит, а по радио очень долго. Сами понимаете, две тысячи световых лет.

— Ну и что?

— А то, что останетесь без помощи еще на неопределенное время.

— В чем же вы собираетесь нам помогать? — Я задавал вопросы уже совершенно машинально. В мыслях у меня была только утка, которую нужно было вынуть из духовки. — В какой же помощи мы, по-вашему, нуждаемся?

Он пренебрежительно ухмыльнулся.

— Во всех областях. Разве ваши знания можно сравнить с нашими? Вы можете получить все: долголетие, управление силой тяжести, раскрытие тайн биологического синтеза, преодоление времени и пространства. Неужели этого мало за то, что я месяц посплю у вас тут на диване? Нам нужны такие люди, как вы, любознательные, одаренные фантазией. Поверьте, что для вас этот месяц тоже не пропадет даром. На свою ответственность, еще до получения санкции Комитета, я начну вводить вас в курс высших наук, вы станете первым просветителем новой эпохи, ведь наши методы обучения...

— Хватит! — Я встал и подошел к нему вплотную. — Вы попали не по адресу. Для этого есть Академия наук, обратитесь туда, и поймите же наконец, что я больше не могу тратить на вас свое время.

— Академия наук? — Он тоже встал. — Я ведь не могу туда обратиться без ведома Комитета. Может быть, через месяц, когда...

— Делайте, что хотите, а я вам ничем помочь не могу.

— И пожить не дадите?

— Не дам. Мой дом не гостиница. Хотите отдохнуть — снимите себе номер и отдыхайте сколько влезет, а меня, прошу покорно, оставьте в покое!

Он скривил рот и задержал плечом. Похоже было на то, что сейчас меня угостят прелестным зрелищем искусно симулированного припадка.

Я принципиальный противник всякой благотворительности, превышающей сумму в один рубль, но тут был готов на что угодно, лишь бы отделаться от этого психопата.

— Вот, — сказал я, достав из стола деньги, — купите себе шапку и пообедайте.

Он молча сунул в карман десятирублевую бумажку и пошел к выходу, добившись, по-видимому, того, чего хотел.

Я запер за ним дверь с тем смутным чувством недовольства собой, какое испытывает каждый из нас, когда кто-нибудь его одурачит.

Впрочем, дурное настроение вмиг развеялось, как только я вошел в кухню.

Все оказалось в порядке. Покрытая аппетитнейшей розовой корочкой утка уже красовалась на столе рядом с запотевшим хрустальным графинчиком.

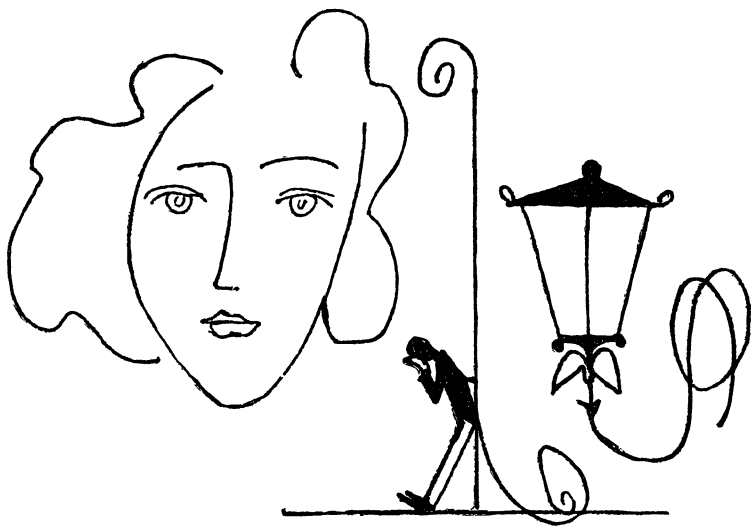
— Кто это у тебя был? — спросила жена, подавая бруснику.

— Какой-то сумасшедший, да и аферист к тому же.

Наполнив рюмку, я взглянул в окно. Снег валил всю крупными хлопьями. Мой посетитель все еще бол-

тался во дворе. Он ежился от холода и как-то по-птичьи вертел головой. Потом он поднял руки, медленно взмыл вверх, повисел несколько секунд неподвижно, а затем, стремительно набирая скорость, скрылся в облаках.

— Удивительное нахальство! — сказала жена. — Не дадут человеку творческого труда отдохнуть даже в воскресенье.

ЛЮБОВЬ И ВРЕМЯ

Если вам 26 лет и ваша личная жизнь определенно не удалась, если у вас робкий характер, невыразительная внешность и прозаическая профессия экономиста-плановика, если вы обладатель смешной фамилии Кларнет, ведущей начало от какого-нибудь заезжего музыканта-неудачника, неведомо когда и как осевшего на Руси, если вы настолько бе-

режливый, чтобы мечтать об однокомнатной кооперативной квартире, но вместе с тем достаточно трезво смотрите на вещи, чтобы понимать, что ваше пребывание в коммунальном муравейнике — состояние далеко не кратковременное, если волшебное слово «любовь» вызывает у вас надежду, а не воспоминания, — словом, если вы тот, кого я намерен сделать своим героем, то вам обязательно нужно иметь хобби.

Хобби — это подачка, которую бросает равнодушная Судьба своим пасынкам, чтобы они не вздумали искушать ее терпение.

Не имеет существенного значения, какое именно хобби вы выберете. Это зависит от ваших способностей, средств и темперамента. Ведь если разобраться, то настоячивые и бесплодные попытки наладить прием дальних телепередач ничуть не хуже коллекционирования пивных кружек или выращивания цитрусовых на подоконнике. Важно одно: как-нибудь в обеденный перерыв небрежно сказать сослуживцам, что вчера Париж передавал великолепный фильм с участием Софи Лорен, либо, священнодействуя с непроницаемым лицом, нарезать в стаканы с чаем таких же бедолаг, как вы, по ломтику сморщенного зеленого лимончика. («Знаете ли, это далеко не лучший из тех, что у меня в этом году, но все остальные пришлось раздарить».)

Итак, Юрий Кларнет посвящал свой досуг поискам в эфире сигналов чужеземных стран. Для этой цели за 8 рублей в комиссионном магазине был куплен старенький КВН с экраном чуть больше почтового конверта. Выбор телевизора был продиктован отнюдь не скарденностью или недостатком оборотных средств. Просто каждому, кто знаком с техникой дальнего телеприема, известно, что лучшего изображения, чем на КВН, не получишь нигде.

После того как попытка установить на крыше в качестве отражателя антенны оцинкованное корыто была со всей решительностью пресечена управхозом, Кларнету пришлось плюнуть на советы, даваемые в журналах, и заняться изобретательством.

Тот вечер, с которого, собственно, и начинается мой рассказ, был завершающим этапом долгих поисков, раздумий и неудач. Зажав между коленями сложное ажурное сооружение из проволоки, напоминающее антенну радиогелескопа, Кларнет припаивал вывод для штекера. Он торопился, надеясь еще сегодня провести несколько задуманных заранее экспериментов. Как всегда в таких случаях, неожиданно перестал греться паяльник. Кларнет чертыхнулся, положил на пол свое творение и подошел к штепсельной розетке с паяльником в руке.

В этот момент что-то треснуло, и в комнате погас свет.

Кларнет выдернул вилку из розетки и направился к столу, где должны были лежать спички. По дороге он запутался в ковровой дорожке, лежавшей у кровати, и с размаху шлепнулся на тот самый проволоочный параболоид, который с неистовством дилетанта мастерил более двух недель.

Кларнет выругался еще раз, нащупал в темноте спички и вышел в коридор.

Там тоже было темно.

— Опять пережгли свет, гражданин хороший?

Хороший гражданин невольно выронил зажженную спичку. Голос принадлежал соседу-пенсионеру Будилкову, зануде, человеконенавистнику и любителю строгого порядка. Сосед жил одиноко и скучно. Первые десять дней после получения пенсии он находился в постоянно подогреваемом состоянии злобного возбуждения, остальные же двадцать пребывал в глубокой депрессии. Пи-

тался он неизвестно где и, хотя имел на кухне персональный столик, хозяйства никакого не вел. Раз в месяц приезжала его дочь, жившая отдельно, привозила выстиранное белье и забирала очередную порцию грязного.

— Опять, говорю, свет пережгли? — повторил Будилов.

Кларнет зажег новую спичку.

— Сейчас посмотрю пробки.

Между тем начали открываться многочисленные двери, выходящие в общий коридор. По стенам забегали уродливые тени в призрачном свете лампадок, фонариков и свечных огарков. Аварии осветительной сети были привычным явлением, и жильцы встречали их во всеоружии.

— Боже! — дрожащим голосом сказала учительница, жившая возле кухни. — Каждый день! Должны же быть, в конце концов, какие-то правила общежития, обязательные для всех. У меня двадцать непроверенных классных работ.

— Правила! — фыркнул Будилов. — Это у нас квартира такая беспринципная. В другой надавали бы пару раз по мордасам, сразу бы узнал, что за правила.

— По мордасам ни к чему, — возразил солидный баритон. — По мордасам — теперь такого закона нету, а вот в комиссию содействия сообщить нужно.

— Ладно! — огрызнулся Кларнет. — Лучше помоги-те притащить из кухни стол.

— Ишь какой! — ткнул в него пальцем Будилов. — Нет, уважаемый, сам пережег, сам и тащи, тут тебе нет помощников.

Кларнет, пыхтя, приволок кухонный стол, взгромоздил на него табуретку, а на табуретку — стул.

Электропроводка в квартире была оборудована еще

в те времена, когда к току относились с такой же опаской, как в наши дни к атомной энергии. Поэтому святая святых — пробки — были упрятаны от непосвященных под самым потолком на четырехметровой высоте.

Набивший руку в таких делах, Кларнет попросил еще скамеечку для ног, которой пользовалась страдавшая ревматизмом учительница, и, завершив ею постройку пирамиды, влез наверх.

Он наугад крутанул одну из многочисленных пробок, и в дальнем конце коридора раздался рев:

— Эй! Кто там со светом балуется?!

— Извините! — сказал Кларнет. — Это я случайно не ту группу. Да посветите же, тут ни черта не видно!

Чья-то сострадательная рука подняла вверх свечку.

— Так... — Кларнет вывернул еще две пробки. — В общем, понятно. Есть у кого-нибудь кусочек фольги?

— Чего?

— Серебряной бумаги от шоколада.

— Шоколадом не интересуемся, — сказал Будилов.

— Подождите, Юра, сейчас принесу. — Учительница направилась в комнату.

Неизвестно, как пошли бы дальнейшие события, если б Кларнет проявил больше осмотрительности, покидая свою вышку. Очевидно, тот момент, когда его левая нога потеряла опору, и был поворотным пунктом, где робкая Случайность превращается в самоуверенную Закономерность.

Грохнувшись вниз, он пребольно стукнулся головой о край стола, отчего пришел в совершенное иступление. Во всяком случае, иначе он не стал бы, вернувшись в комнату, вымещать злобу на ни в чем не повинной антенне. Ни один здравомыслящий человек не будет топтать ногами то, над чем с такой любовью трудился столько вечеров.

От этого малопродуктивного занятия его отвлек голос стоявшего в дверях Будилова:

— А стол кто будет ставить на место?

* * *

Неприятности проходят, а хобби остается. Это известно каждому, начиная от юного коллекционера марок и кончая престарелым любителем певчих птиц, всем, в чьей душе горит всепожирающая страсть к занятиям, не приносящим пользы.

Не удивительно поэтому, что уже на следующий день Кларнет, насвистывая песенку, пытался устранить последствия вчерашней вспышки гнева. Увы! Чем больше он прикладывал усилий, тем меньше его антенна походила на изящный параболоид. Трудно сказать, к какому классу поверхностей причислил бы ее специалист по топологии. Что-то вроде изъеденного червями, скрученного листа.

Кто может предугадать непостижимый и таинственный миг открытия? Доведенный до отчаяния человек раздраженно бросает на плиту комок каучука, смешанного с серой. «Баста! — говорит он. — Больше ни одного опыта!» И вот чудо совершилось: найден способ вулканизации, кладущий начало резиновой промышленности. Неврастеник, страдающий мигренью от стука колес детского велосипеда, обматывает их клистирными трубками. Проходит несколько лет, и шорох шин слышен на всех дорогах мира. Скромный экономист-плановик подключает к допотопному телевизору искореженную проводочную корзину и... ничего не происходит. Решительно ничего. Экран по-прежнему светится голубоватым светом, но изображения нет, сколько ни верти антенну.

Как бы вы поступили в этом случае? Вероятно, выдернули бы вилку и отправились спать. Поэтому закон всемирного тяготения, спутники Марса, радиоактивный распад, волновые свойства электрона и многое другое открыты не вами. Вам чужд благородный азарт исследователя.

Кларнет закурил и задумался. Затем, повинувшись какому-то наитию, начал дальше скручивать антенну по спирали. И вдруг все чудесным образом изменилось. Сначала на экране забегали черные молнии, а затем, в их ореоле, возникло лицо девушки. Оно было неописуемо красиво. Красиво, потому что в противном случае мы посягнули бы на святые каноны фантастики. Неописуемо, так как все, что прекрасно, не может быть выражено словами. Попробуйте описать торс Венеры, улыбку Джоконды, запах жасмина или трель соловья. Поэты в таких случаях прибегают к сравнениям, но это не более, чем трюк. Объяснение одних понятий через другие ничего никому не дает. Ограничимся тем, что она была красива. Ее наряд... Тут я снова вынужден признаться в своей беспомощности. Любой мужчина способен десятилетия помнить форму какой-нибудь ерундовой родинки на плече возлюбленной, но никогда не в состоянии рассказать, в каком платье она была вчера.

— Ну, что вы таращите на меня глаза? — спросила девушка. — И пожалуйста, не воображайте, что это вы меня открыли. Просто форма вашей антенны хорошо вписывается в кривизну пространства времени. Иначе вам бы не видать меня, как своих ушей. Я ведь за вами давно наблюдаю. Занятно вы живете!

Кларнет машинально огляделся по сторонам и почувствовал себя крайне неловко. Одно дело предстать перед хорошенькой женщиной во всеоружии тщательной подготовки, а другое — быть застигнутым врасплох в соб-

ственной комнате. Снятое еще позавчера белье, скомканное, валялось тут же, у неприбранной кровати. На столе рядом с паяльником и канифолью лежал промасленный лист газеты с огрызками хлеба и скелетами копчушек — остатками вчерашнего ужина. Батарея немытых бутылок из-под кефира красовалась на подоконнике. Черт знает что!

Кларнет застегнул на груди ковбойку, сунул под стол босые ноги в стоптанных шлепанцах и изобразил на лице подобие улыбки.

— Вот как? Чем же я обязан такому вниманию?

Девушка нахмурилась.

— Что вы там шевелите губами? Я вас все равно не слышу. Отвечайте на вопросы жестами. Если да — кивните головой, если нет — помотайте. Понятно?

— Понятно, — растерянно сказал Кларнет.

— Понятно или нет?

Кларнет кивнул.

— Вот так лучше. Вы можете собрать таймерный радиопередатчик?

— Что это такое?

— Ну до чего же бестолковый! Можете или нет?

Кларнет покачал головой.

— Конечно! — усмехнулась девушка. — Откуда же вам уметь? Ведь в ваше время их еще не было. Допотопная техника. И деталей подходящих нет. Придется мне его вам трансмутировать. Замерьте-ка расстояние от центра вашей антенны до середины стола по вертикали и горизонтали. Результат напишите на бумажке. Надеюсь, мерить вы умеете?

Кларнет порылся в ящике с инструментами и извлек оттуда заржавленную металлическую рулетку.

Девушка наблюдала за ним с иронической улыбкой.

— Не так! Проведите мысленно два перпендикуляра.

Вот! Запишите! Теперь — до поверхности стола. Отлично! Покажите-ка, что у вас получилось.

Кларнет поднес к экрану листок с записанными цифрами.

— Допустим, что вы не ошиблись, — поморщилась она. — Уберите всю эту дрянь со стола. Телевизор можете сдвинуть на край. Осторожно! Не поверните антенну! Отойдите подальше и не пугайтесь. Раз, два, три!

Кларнет сделал несколько шагов к двери, и тут над столом возникло нечто. Не то облачко, не то солнечный зайчик, не то... Впрочем, разобраться во всем этом ему не удалось. Запахло паленым, и по старой клеенке начало расползаться коричневое пятно, а вскоре и вовсе повалил дым.

— Шляпа! — сказала незнакомка. — Замерить и то как следует не сумел. Ну, что же вы стоите? Тушите скорее!

Кларнет помчался на кухню, забыв впопыхах притворить дверь. Когда он рысью возвращался с чайником, у его комнаты уже стоял приноживавшийся к чему-то Будилов.

— Пожар у вас, что ли?

— Нет, это просто так. Окурок прожег клеенку.

Будилов попытался было войти, но Кларнет захлопнул у него перед носом дверь и повернул ключ.

Между тем стол уже горел по-настоящему. Кларнет вылил на него чайник воды, но этого оказалось мало, пришлось бежать за вторым.

— Хватит! — сказала девушка. — Слышите? Хватит, а то вы мне все испортите. Берите передатчик.

Кларнет вытащил из прожженной дыры маленькую черную шкатулку.

— Ну-с, говорите.

— Что говорить? — растерялся Кларнет.

— Как вас зовут?

— Юра.

— Хорошо, пусть Юра. Так вот что, Юра: никаких расспросов, иначе мне придется прервать с вами всякие отношения. Все, что нужно вам знать, я скажу сама. Кстати, меня зовут Маша.

— Очень приятно! — сказал Кларнет.

Маша насмешливо поклонилась.

— Мы с вами находимся в одной и той же точке пространства, но разделены временным интервалом, каким — неважно. Вы — там, а я — тут, в будущем. Ясно?

— Где?! — спросил ошеломленный Кларнет. — Где вы находитесь?

— В Ленинграде, где же еще?

— Простите, — пробормотал Кларнет, — это, так сказать...

— Ничего не так сказать. Я историк-лингвист, занимаюсь поэзией двадцатого века. Вы согласны мне помочь?

— Вообще... я никогда...

— Я тоже никогда не разговаривала с таким... ну, словом, поможете или нет?

«Какая-то она уж больно напористая», — подумал Кларнет, но вслух сказал:

— Буду рад, если в моих силах.

— Это уже хорошо! — Маша обворожительно улыбнулась. — Так по рукам?

— По рукам! — ответил Кларнет и с сожалением взглянул на экран. Эх! Нужно было покупать телевизор побольше.

— Отлично! Теперь я объясню вашу роль.

— Слушаю! — сказал Кларнет.

— Не перебивайте меня. Понимаете ли, я живу в такое время, когда библиотек уже нет, одна машинная

память. Это, конечно, гораздо удобнее, но если нужно откопать что-нибудь древнее, начинаются всякие казусы. Я запрашиваю о Пастернаке, а мне выдают какую-то чушь про укроп, сельдерей, словом, полный набор для супа. С Блоком еще хуже. Миллионы всяких схем электронных блоков. Ведь что ни говори, с тех пор, как они писали, прошло уже две тысячи лет.

— Сколько?!

Маша закусила губу.

— Ну вот, я и проболталась! Фу, дура! Теперь жди неприятностей.

— Я никому не скажу, — произнес в благородном порыве Кларнет, — честное слово, не скажу!

— Ах, как нехорошо! — Маша закрыла лицо руками. — Нам запрещены контакты с прошлым. Я ведь тайком от всех. Даже Федю услала, чтобы все в полной тайне...

— Кто такой Федя? — Кларнету почему-то не понравилось это имя.

— Мой лаборант. Очень милый парень. — Маша опустила руки и снова улыбнулась. — Представляете себе, влюблен в меня до потери сознания, так и ходит по пятам. Еле выпроводила.

Бывают странные ощущения где-то там, чуть повыше грудобрюшной преграды. Не то чтобы болит, а так, не разберешь что такое. Какая-то непонятная тоска. И очень милые парни вовсе не кажутся такими уж милыми, да и вообще вся человеческая жизнь, если разобраться...

— Ладно! — Маша решительно потрянула волосами. — Будь что будет!.. Итак, мне нужна помощь. Возьмете в библиотеке Блока и Пастернака. Все, что есть. Усвоили?

— Да, и что дальше?

— Будете читать вслух.

— Зачем?

— Ох! — Маша потерла виски пальцами. — Вот экземплярчик попался! Будете читать, а я запишу. Неужели так трудно понять?

— Нет, отчего же, — сказал Кларнет, — понять всем не трудно. Вот только читаю я неважно.

— Ну, это меньше всего меня беспокоит. Значит, завтра в это время.

Изображение пропало, как будто кот слизнул. Только что она была здесь, а сейчас пуст экран, безнадежно пуст. Исчезло наваждение, сгнуло, и все, что осталось, — это маленькая черная коробочка да мокрый, обгоревший стол.

* * *

Когда многократно повторенный опыт в одних и тех же условиях дает неизменный результат, то есть все основания считать, что установленные связи подчинены какому-то закону.

Так, например, если любители ранней похмельки выстраиваются в длинные очереди у ларьков в бесплодном ожидании возжеленной цистерны с пивом, если строители бестрепетно роют канавы в ухоженных газонах, обнажая склеротическую кровеносную систему города, если по утрам к шуму трамвая под окном добавляется пыхтение катков для асфальта, если, просыпаясь от щебета птиц, вы не можете сообразить, ночь сейчас или день, знайте: на дворе июнь.

Если на дворе июнь, а вам двадцать шесть лет, если вы каждый вечер читаете девушке прекрасные стихи, если... Впрочем, хватит! И так все ясно.

Какой-то пошляк, родоначальник литературных штампов, сказал, что любовь не знает преград. Ну и

что? Одно дело не знать преград, а другое — суметь их преодолеть, или, как выразился бы философ, добиться такого развития событий, когда любовь в себе превращается в любовь для себя. Ведь что ни говори, а две тысячи лет...

Хотите еще одну заезженную сентенцию? Пожалуй-ста! Беда приходит оттуда, откуда ее меньше всего ждешь. На этот раз она явилась через дверь в облике дворника, пригласившего однажды вечером Кларнета незамедлительно прибыть в домоуправление, где его ждет комиссия содействия в полном составе.

Состав оказался не так уж велик: два человека, не считая уже известного нам пенсионера Будилова.

Увидев Кларнета, Будилов пришел в крайнее возбуждение и вытянул вперед правую длань, отчего стал сразу удивительно похож на Цицерона, обличающего Катилину.

— Вот он, голубчик! Собственной персоной!

Председатель комиссии расправил седые запорожские усы и вытащил из стола листок, исписанный корявым почерком.

— Так... садитесь, товарищ Кларнет.

Кларнет сел.

— Имеются сигналы, что вы пользуетесь незарегистрированным радиопередатчиком. Верно это?

— Нет у меня никакого передатчика, — солгал Кларнет.

— Ну до чего же нахально темнит! — патетически воскликнул Будилов. — Ведь сам слышал, как передает! То открытым, то закрытым текстом.

Председатель вопросительно взглянул на Кларнета.

— Это... я стихи читаю.

— Почему же вслух? — удивилась интеллигентного вида немолодая женщина.

— Они так лучше запоминаются.

— Врет, врет! — кипятился сосед. — Пусть тогда скажет, что он там у себя паяет, почему пробки все время горят?

— Ну-с, товарищ Кларнет?

— Не паяю я. Раньше, когда телевизор ремонтировал, то паял, а сейчас не паяю.

Председатель крикнул и снова расправил усы.

— Так... Значит, только стихи читаете?

— Только стихи.

— Какие будут суждения? — Он поглядел на женщину, но та только плечами пожала.

— Обыск бы нужно сделать, — сказал Будилов. — С понятыми.

— Таких прав нам не дано, — поморщился председатель. — А вы, товарищ Кларнет, учтите, никому не возбраняется и телевизоры мастерить и радиоприемники...

— И стихи читать, — насмешливо добавила женщина.

— И стихи читать, — подтвердил председатель. — Но ежели действительно радиопередатчик... тут другое дело. Нужно зарегистрировать. И вам лучше, и нам спокойней. Согласны?

— Согласен, — вздохнул Кларнет, — только нет у меня никакого передатчика.

О, святая, неумелая, бесхитростная ложь! Ну, кому какое дело до честного слова, опрометчиво брошенного в туманное будущее?

Нет, Кларнет, не тебе тягаться с выдавшим виды человеконенавистником Будиловым. Сколько ты ни темни, расколется он тебя, непременно расколется! Пора подумать, чем это все может кончиться.

— Маша! — Кларнет говорил шепотом, опасливо поглядывая на дверь. — Пойми, Маша, я этого просто не переживу.

— Что ты предлагаешь?

— Не знаю. Возьми меня туда. Есть же, наверное, какие-нибудь машины времени.

— Нет таких машин, — печально улыбнулась Маша. — Все это сказки.

— Но сумела же ты переправить передатчик.

— Это совсем другое дело. Трансмутация. Но ведь она у вас еще не изобретена.

Кларнета внезапно осенила идея.

— Послушай, а ты сама бы не смогла?

— Что?

— Трансмутироваться сюда.

— Ох! Ты понимаешь, что ты говоришь?! Нет, это невозможно!

— Но почему?!

— Я же сказала, никаких контактов с прошлым. Нельзя менять историю. Трансмутацией во времени у нас пользуются не больше, чем в пределах столетия, и то со всякими ограничениями. А тут... ведь возврата назад уже не будет. Остаться навсегда неизвестно где...

— Известно! Ты же будешь со мной!

Маша заплакала.

— Ну что ты, Машенька?!

— А ты меня никогда не разлюбишь? — спросила она, сморкаясь в крохотный платочек.

Вы сами знаете, что отвечают в подобных случаях.

В июне все идет по раз и навсегда установленным законам. Вот набежала туча, брызнул дождь, а там, глядишь, через несколько минут снова греет солнышко.

— Не могу же я в таком виде к вам явиться, — сказала Маша. — Достань мне хоть несколько журналов мод.

Приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать за женщиной, изучающей фасоны платьев? Такого абсолютного отвлечения от суетного мира, такого полного погружения в нирвану не удавалось добиться ни одному йогу. Не пробуйте в это время ей что-нибудь говорить. Она будет кивать головой, но можете быть уверены, что ни одно слово не доходит до ее сознания.

— Переверни страницу!

— Послушай, Маша...

— Это не годится, следующую!

— Маша!

— Поднеси ближе, я хочу рассмотреть прическу.

— Машенька!

— Дай другой журнал.

На все нужно смотреть философски, и каждое терпение бывает вознаграждено сторицей.

Кларнет убедился в этом уже на следующий день.

— Ну, как я тебе нравлюсь?

Он обалдел.

Давеча я наклеветал на мужчин, будто они неспособны оценить по достоинству женский наряд. Внесем поправку: оценить способны, запомнить — нет.

Но тут была налицо такая разительная перемена...

Во-первых, Кларнет установил, что трюфовая дама его сердца превратилась в бубновую. Изменилась не только масть. Доступный ранее для обозрения лоб богини был теперь прикрыт завитой челкой, тогда как затылок подстрижен совсем коротко.

Во-вторых, вместо каких-то ниспадающих одежд, на ней был обтягивающий фигуру свитерок.

А в-третьих... В-третьих — мини-юбка.

Не верьте предсказателям! На то они и предсказатели, чтобы врать. Нет, никогда не выродится человечество в беззубых головастика с хилыми конечностями, не выродится, независимо от того, что по сему поводу думают антропологи. Не знаю, как обстоит дело где-нибудь в Крабовидной туманности, но на Земле пара восхитительных ножек всегда будет вызывать волнение, подобное тому, какое мы испытываем, просматривая тиражную таблицу. Сознайтесь, кто из вас, несмотря на ничтожный шанс, не мечтал втайне о главном выигрыше?

Счастливчик Кларнет! Этот выигрыш достался ему, единственному из триллионов людей, родившихся и сошедших в могилу за два тысячелетия.

— Ну как?

— Потрясающе!

— Теперь я готова.

Любовь не так безрассудна, как принято думать. Подсознательно она чувствует, что отгремят свадебные цимбалы, погрузится во мрак чертог, промчится полная счастья ночь и настанет, по меткому определению поэта, благословенный день забот.

Кое-какие из этих забот уже заранее посетили Кларнета.

— Кстати, Машенька, — сказал он небрежным тоном, — не забудь захватить с собой паспорт.

— Что?

— Ну, документ, удостоверяющий личность.

Маша рассмеялась.

— Глупый! Как же документ может удостоверить личность? Личность — это я, — она горделиво повернулась в профиль, — а документ — бумажка. Вряд ли ты бы удовлетворился такой подменой.

Вот тебе первый сюрприз, Кларнет! «Что это за

гражданка у вас ночует?» — «Это — моя жена». — «Она прописана?» — «Нет, видите ли, у нее потерян паспорт». — «Разрешите взглянуть на свидетельство о браке». — «Мы, знаете ли, еще не успели...» — «Какой-нибудь документ, удостоверяющий личность?» — «Ну, что вы?! Человеческая личность неповторима, неужели какая-то бумажка...» Н-да...

— А диплом?

— Какой диплом? — удивилась Маша.

— Училась же ты где-то?

— Конечно!

— Так вот, свидетельство об окончании.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? — Маша надула губы. — Если ты раздумал, так прямо и скажи, а не... не...

Страшная вещь женские слезы. Черт с ними, со всякими бумажками! Целый ворох их не стоит и одной крохотной слезинки. Подумаешь, важное дело — диплом. «Выдан в три тысячи девятьсот таком-то году». Тыфу, пропасть! Ладно, что-нибудь придумаем!

— Не надо, Машенька! Ты меня неправильно поняла. Просто в нашем времени есть свои особенности. Ну, давай назначим день.

— А почему не завтра?

— Завтра? Гм... завтра. Видишь ли, мне нужно кое-что подготовить. Взять отпуск на работе и вообще...

— Когда же?

— Сейчас сообразим. — Кларнет вынул из записной книжки табель-календарь. — Сегодня у нас четверг. Давай в субботу. Суббота двадцать девятого июня. — Он обвел красным карандашом дату. — Согласна?

— Хорошо! Я за это время уговорю Федю.

— При чем тут Федя?

— Мне самой не справиться. Я ведь всего лишь

лингвист, а тут нужно составить программу трансмутации так, чтобы не получилось осечки.

Ну что ж, Федя так Федя. Кларнет даже почувствовал какое-то злобное удовлетворение.

— Нужны ориентиры, — продолжала Маша, — не такие, как ты мне дал в прошлый раз. Пустынное место, где нет транспорта и пешеходов, лучше поздно вечером. Вот что, давай-ка у Медного всадника в одиннадцать часов вечера.

— Он у вас еще стоит?

— Еще бы! Договорились?

— Договорились! — радостно сказал Кларнет. — У Медного всадника в одиннадцать часов вечера в субботу двадцать девятого июня. Не забудешь?

— Такие вещи не забывают. Ну, целую!

* * *

Тот, кто никогда не выходил на свиданье задолго до назначенного срока, достоин сожаления. Настоящая любовь прошла мимо, не задев его даже краем своих белоснежных одежд.

...Наступал час, когда белая ночь отдает беззащитный город во власть колдовских чар.

По остывающему асфальту скользили на шабаш юные ведьмы в коротких распашонках. Изнывающие от сладостного томления чертенята подтанцовывали в подворотнях, повесив на грудь транзисторные приемники; старый греховодник в лихо сдвинутом берете, под которым угадывались элегантные рожки, припадая на левое копыто, тащил тяжелый магнитофон. Скрюченная карга с клюкой несла под мышкой полупотрошеного петуха в цветастом пластиковом мешочке.

Марципановые ростральные колонны подпирали бело-розовую пастилу неба, сахарный пароходик резал леденцовую гладь Невы, оставляя за кормой пенистую струю шампанского. Над противнями крыш вечерний бриз гнал на закляние белых пушистых ягнят, и надраенный шампур Адмиралтейства уже сверкал отблеском подвешенного на западе мангала. А там, где хмельные запахи лились в реку из горлышка Сенатской площади, маячила исполинская водочная этикетка с Медным всадником на вздыбленном коне. Все готовилось к свадебному пиру.

Кларнет шел по ковру тополиного пуха, и на шелковых подушках клумб навстречу ему раскрывались лепестки фиалок, доверчиво, как глаза любимой.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Основательное знакомство с творчеством Блока определенно пошло на пользу моему герою.

...Тот, кто не простаивал на месте свидания, когда уже все мыслимые сроки прошли, не знает, что такое муки любви.

Она обманула... Нет горше этих слов на свете.

Тоскливо дождливым утром в Ленинграде, ох, как тоскливо! Все кажется мерзким: и злобный оскал лошади, и самодовольная рожа всадника, и насмешливые крики чаек, и сгорбленные фигуры первых пешеходов, и плюющийся черным дымом буксир, волокущий грязную баржу, и покрытая коростой дождя река, и похожие на свежие могильные холмы клумбы с небрежно набросанными мокрыми цветами, и нелепые столбы, у подножья которых сидят голые мужики с дурацкими веслами.

Тошно с опустошенной душой возвращаться в оди-

нокое свое жилье, где подготовлен ужин на двоих и вянут уже никому не нужные розы, — трудно сказать, до чего тошно!

Торговец! В твоих руках секрет забвенья, нацеди мне из той бочки добрую кружку вина! Ах, еще не продаете? Простите, я вечно путаю эпохи.

...Сколько же раз можно нажимать кнопку вызова, пока тебе ответят?! Ну вот, слава богу!

На экране проявилась физиономия вихрастого юноши.

— Ну? — спросил он, неприязненно взглянув на Кларнета. Очевидно, это и был тот самый Федя.

— Где Маша?

— Вам лучше знать.

— Она не прибыла.

— Не может быть, — нахмурился юноша. — Я сам составлял программу. Максимальный разброс по времени не должен превышать пяти минут.

— Все-таки ее нет. Я прождал десять часов.

Федя недоуменно почесал затылок.

— Сейчас проверю. Какой у вас вчера был день?

— Суббота двадцать девятого июня, вот поглядите! — Кларнет поднес к экрану календарь, на котором красным карандашом была отмечена вождеденная дата.

— А год?

— Тысяча девятьсот шестьдесят девятый.

Федя уткнул нос в какие-то записи. Когда он наконец поднял голову, его лицо было перекошено.

— Идиот! — сказал он тихо и злобно. — Прозевал свое счастье, дубина! Суббота двадцать девятого июня! Ищи ее теперь во вчерашнем дне. Понятно? Каждый день — во вчерашнем,

Изображение на экране исчезло.

Кларнет растерянно взглянул на картонный прямоугольник, который все еще вертел в руках, и обмер. Это был прошлогодний календарь!

* * *

С тех пор в Ленинграде каждый вечер можно видеть обросшего бородой, небрежно одетого человека, который внимательно вглядывается в лица встречаемых женщин. Он идет всегда одной дорогой, мимо Биржи на Васильевском острове, через Дворцовый мост, вдоль фасада Адмиралтейства, и выходит к памятнику. Там он стоит некоторое время, а потом возвращается назад тем же маршрутом.

По утрам, когда он просыпается, ему кажется, что вчера она была здесь. Нет, не кажется. Он помнит ее поцелуи, наконец, есть десятки примет, свидетельствующих, что это не сон. И так — каждое утро. Он плачет, и слезы каплют в стакан с чаем, который он проглатывает, торопясь на работу.

А вечером он снова отправляется на бесплодные поиски.

Иногда его видят в компании пожилого тучного человека.

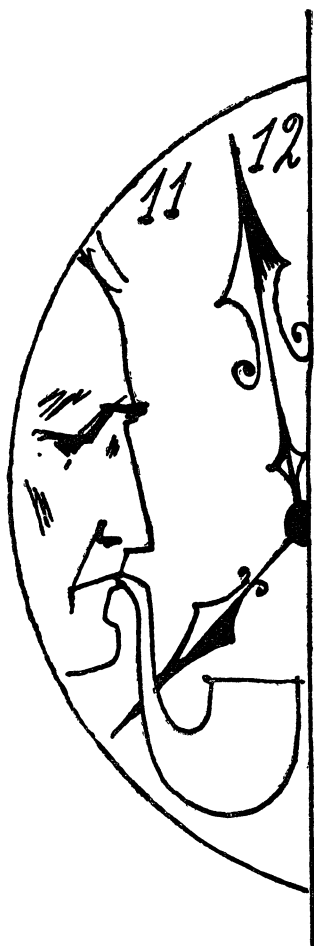
— Ты понимаешь, Будиллов, — говорит он, — человек не может жить вчерашним днем. Нельзя быть сытым от обеда, который съел накануне. Что толку, что она тебя целовала вчера? Человеку все нужно сегодня. Чтобы каждый день было сегодня. Ты понял?

— Ладно, пойдем домой, фантазер. Смотри, не споткнись!

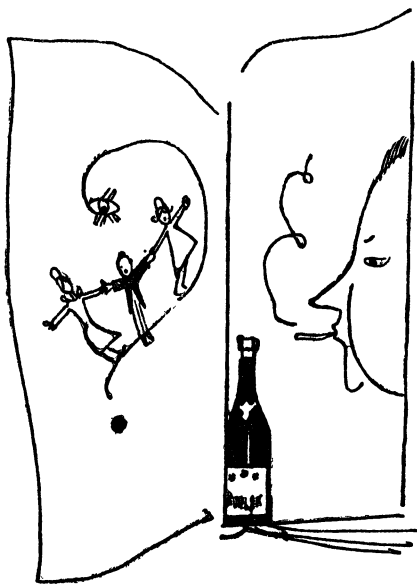
Будилов берет его под руку и бережно ведет, пока тот заплетающимся языком бормочет стихи:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет...

И тогда Будилову тоже почему-то хочется плакать.

1971

СЮЖЕТ ДЛЯ РОМАНА

Я был по-настоящему счастлив. Тот, кто пережил длительную и тяжелую болезнь и наконец почувствовал себя вновь здоровым, наверное, поймет мое состояние. Меня радовало все — и то, что мне не дали инвалидности, а предоставили на работе длительный отпуск для окончания диссертации, которую я начал писать задолго до бо-

лезни, и то, что впереди отдых в санатории, избавляющий от необходимости думать сейчас над этой диссертацией, и комфорт двухместного купе, и то, что моим попутчиком оказался симпатичный паренек, а не какая-нибудь капризная бабенка. Кроме того, меня провожала очаровательная женщина, которую я горячо и искренне любил. Мне льстило, что она, такая красивая, не обращая внимания на восхищенные взгляды пассажиров, держит меня за руку, как девочка, боящаяся потерять в толпе отца.

— А вы далеко едете? — обратилась она к моему попутчику.

— До Кисловодска.

— Вот как? Значит, вместе до самого конца. — Она пустила в ход свою улыбку, перед которой не мог устоять ни один мужчина. — Тогда у меня к вам просьба: присмотрите за моим... мужем. — Она впервые за все время, что мы были с ней близки, употребила это слово, и меня поразило, как просто и естественно оно прозвучало у нее. — Он еще не вполне оправился от болезни, — добавила она.

— Не беспокойтесь! — мой попутчик тоже улыбнулся. — Я ведь почти врач.

— Что значит «почти»?

— Значит, не Гиппократ и не Авиценна.

— Студент?

— Пожалуй... Вечный студент с дипломом врача.

Он вышел в коридор и деликатно прикрыл за собой дверь, чтобы не мешать нам.

— Вероятно, какой-нибудь аспирант, — шепнула она.

Я люблю уезжать днем. Люблю постепенно входить в ритм движения, присматриваться к попутчикам, раскладывать не торопясь вещи, обживать купе.

Все было так, как я люблю, к тому же, повторяю, я был вполне счастлив, но почему-то мною владело какое-то странное беспокойство, возбуждение. Я сам это чувствовал, но ничего не мог с собой поделать. Я то вскакивал и выходил в коридор, то, возвращаясь в купе, начинал без толку перебирать вещи в чемодане, то брался читать, но через минуту отбрасывал журнал, чтобы опять выйти в коридор.

Не знаю почему, но в дороге многие люди готовы открыть свои сокровенные тайны первому встречному. Может быть, это атавистическое чувство, сохранившееся еще с тех времен, когда любое путешествие таило опасности и каждый попутчик был другом и соратником, а может, просто дело в том, что у всякого человека существует потребность излить перед кем-то душу, и случайный знакомый, с которым ты наверняка никогда не встретишься, больше всего для этого подходит.

Между тем пришло время обедать, и мой сосед по купе предложил пойти в вагон-ресторан.

Вот тут-то, за обедом, я начал без удержу болтать. Уже мы давно пообедали, официант демонстративно сменил скатерть на столике, а я все говорил и говорил.

Мой компаньон оказался идеальным слушателем. Вся его по-мальчишески угловатая фигура, зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами и даже руки, удивительно выразительные руки с тонкими, длинными пальцами, казались олицетворением напряженного внимания. Он не задавал никаких вопросов, просто сидел и слушал.

В общем, я рассказал ему все, что было результатом долгих раздумий в бессонные ночи. О том, что в тридцать пять лет я почувствовал отвращение к своей

профессии и понял, что мое истинное призвание — быть писателем, рассказал о пробах пера и о постигших неудачах, о новых замыслах и о том, что этот отдых в санатории должен многое решить. Либо я напишу задуманную повесть, либо навсегда оставляю всякие попытки. Я даже рассказал ему сюжет этой повести. Непонятно, отчего меня вдруг так прорвало. Ведь все это было моей тайной, которую я не поверял даже любимой женщине. Слишком много сомнений меня одолевало, чтобы посвящать ее в свои планы. Впрочем, все это не так. Сомнение было всего одно: я не знал, есть ли у меня талант, и стыдился быть в ее глазах неудачником. Разочарование, если оно меня постигнет, я должен был пережить один. Кстати, это все я ему тоже высказал.

Наконец я выговорился, и мы вернулись в купе. Тут у меня наступила реакция. Мне было стыдно своей болтливости, обидно, что совершенно постороннему человеку доверил мысли, совсем еще не оформившиеся, и предстал перед ним в роли фанфарона и глупца.

Он заметил мое состояние и спросил:

— Вы жалеете, что обо всем этом рассказали?

— Конечно! — горько ответил я. — Разболтался, как мальчишка! Видимо, мне свойственна эта черта. Не помню, кто сказал, что писателем может быть каждый, если ему не мешает недостаток слов или, наоборот, их обилие. Боюсь, что многословие — мой основной порок. Сюжеты у меня ерундовые, на короткий рассказ, а стоит сесть писать, как я настолько запутываюсь в несущественных деталях, что все превращается в тягучую жвачку из слов. Вот и сейчас...

Он вынул из кармана какую-то коробочку.

— Я обещал вашей жене... Словом, примите таблетку. Как раз то, что вам сейчас нужно.

Этого только не хватало!

Видимо, гримаса, которую я скорчил, была достаточно выразительной.

— Вы правы, — сказал он, пряча обратно коробочку. — Вся эта фармакопеея — палка о двух концах. Особенно транквилизаторы, хотя я сам к ним иногда прибегаю. В этом отношении народные средства куда как надежней. Проверено веками. Вот мы сейчас их и испробуем! — Он открыл свой чемоданчик и достал бутылку коньяка. — Армянский, высших кондиций! Погодите, я возьму у проводницы стаканы.

Меньше всего он походил на врача, какими я привык их видеть, особенно когда с торжествующим видом вернулся, неся два стакана.

— Вот! — Он плеснул мне совсем немного, а себе наполнил стакан примерно на одну треть. — Согрейте предварительно в ладонях. Специалисты это называют «оживить напиток». Теперь пробуйте!

Я хлебнул, и приятное тепло прошло по пищеводу к желудку. Давненько же мне не приходилось пробовать коньяк!

— Странно! — сказал я. — Если бы вы знали, сколько пришлось выслушать наставлений по этому поводу. «Ни капли алкоголя», — все в один голос, а когда выписывали из больницы...

— Э, пустяки! — он небрежно махнул рукой. — В медицине множество формальных табу. Алкоголизм — социальное зло. Злоупотребление алкоголем дает тяжелые последствия, для некоторых это повод объявить его вообще вне закона. А ведь в иных случаях он незаменим. Вот вы глотнули, и все прошло. Правда?

У него был такой серьезный вид при этом, что я невольно рассмеялся.

— Правда! Но что будет потом?

— А я вам больше не дам, так что ничего потом и не будет.

Он с видимым удовольствием отхлебнул большой глоток.

— Опять же для кого как, — продолжал он, разглядывая напиток на свет. — Вот один от кофе не спит, а другому он помогает заснуть. Человеческий мозг — хитрая штука. Вечное противоборство возбуждения и торможения. Кора и подкорка. В каждом отдельном случае нужно знать, на что и как воздействовать. Вот в вашем состоянии алкоголь успокаивает. Что, не так?

— Так. Но откуда вы это знали наперед?

— Ну, иначе я был бы плохим психиатром.

— Ах, так вы психиатр?

— Отчасти.

С непривычки у меня немного закружилась голова. Вагон приятно покачивало, и от всего этого я чувствовал удивительную успокоенность.

— Что значит «отчасти»? — лениво спросил я. — Давеча вы сказали, что почти врач, сейчас — отчасти психиатр. А если точнее?

— Точнее, психофизиолог.

— Что это такое?

— В двух словах рассказать это трудно, а вдаваться в подробности вряд ли есть смысл. Постараюсь ограничиться примитивным примером. Вот вы сейчас глотнули коньяку, и ваше психическое состояние как-то изменилось. Верно?

— Верно.

— Это искусственно вызванное изменение. Однако в человеческом организме имеются внутренние факторы, воздействующие на психику, например гормоны. Гормональной деятельностью управляет вегетативная

нервная система. Существует множество прямых и обратных связей между мозгом и всем организмом. Это — некое целое, которое следует рассматривать только в совокупности. Словом, психофизиология — наука, изучающая влияние состояния организма на психику и психики на организм.

— Вот, к примеру, желчный характер, — сказал я, — это, видимо, не случайное выражение? Вероятно, когда разливается желчь...

— Конечно! Хотя все обстоит гораздо сложнее. Иногда бывает трудно отделить причину от следствия. То, что принято считать следствием, часто оказывается причиной, и наоборот. Тут еще непочатый край работы, и работы очень интересной.

Он опять отпил глоток и задумался.

Я глядел в окно. Чувствовалось, что мы ехали на юг. Вместо подлесков с кое-где сохранившимся снегом пошли зеленеющие поля. И земля, и небо, и солнце были уже какими-то другими.

— А ведь я мог бы помочь вам, — неожиданно сказал мой попутчик. — У меня есть занятный сюжет для романа. События, которые можно положить в основу, произошли на самом деле. Это не выдумка, хотя многое выглядит просто фантастично. Хотите, расскажу?

— Конечно! — ответил я. — С удовольствием послушаю, хотя, по правде сказать, не уверен, что смогу даже из самого лучшего сюжета...

— Это уж ваше дело, — перебил он. — Я только должен предупредить, что есть такое понятие, как врачебная этика. Поэтому кое о чем я должен умолчать. В частности, никаких имен. Вам придется их придумать самому, а в остальном... Впрочем, слушайте.

Вся эта история начинается в клинике известного ученого. Будем его называть просто профессором. Вам

придется дать ему какую-то характеристику. Только, пожалуйста, не делайте из него ни сусального героя, ни маньяка из фантастического романа. Это очень сложный и противоречивый характер. Великолепный хирург. Ученый с широким кругозором. Вместе с тем человек болезненно честолюбивый и упрямый, к тому же знающий себе цену. Внимательный и отзывчивый по отношению к больным, но часто неоправданно грубый с подчиненными. Если хотите, можете по своему усмотрению наделить его еще какими-то качествами, это уже несущественно.

Можете также написать, что его работы по преодолению барьера биологической несовместимости тканей при трансплантации органов вывели клинику, которой он руководит, на новый и очень перспективный путь.

Дальше вам придется представить себе отделение трансплантации в этой клинике. От вас не требуется знания техники дела, но нужно почувствовать особую атмосферу, царящую там. Постоянное напряженное ожидание. Большой коллектив врачей самых разнообразных специальностей всегда в состоянии полной готовности. Никто не знает, когда это может случиться. Может, через час, а может, через месяц. Не думайте только, что все они обречены на безделье. Параллельно идет большая работа в лаборатории. Проводится множество опытов на животных. Каждый опыт рождает новые планы, надежды и, конечно, разочарования.

Профессор напролом идет к поставленной цели — трансплантации мозга. Уже проделаны десятки опытов на крысах и собаках. Однако все делается не так быстро, как может показаться. Проходят годы. Наконец — решающий эксперимент. Мартышка с пересаженным мозгом живет и здоровует. Возникает вопрос: что же дальше? Наука не может останавливаться на полпути.

Будет ли такая операция проделана на человеке? Вы, наверное, знаете, настороженное отношение к трансплантации вообще, а тут ведь речь идет об эксперименте, связанном с новыми моральными и этическими проблемами. Профессор атакует одну инстанцию за другой, но никто не говорит ни «да», ни «нет». Все стараются под всякими благовидными предложениями уйти от решения этого вопроса. Словом, нет ни формального запрещения, ни официального разрешения.

Между тем время идет, клиника успешно производит пересадки почек, сердца и легких, продолжается работа и в лаборатории над главной темой, но все дальнейшее остается неясным.

Это, так сказать, прелюдия.

И вот однажды «Скорая помощь» почти одновременно доставляет двух человек. Оба в бессознательном состоянии, оба подобраны на улице. Первый — без всяких документов. Неизвестен ни возраст, ни фамилия, ни адрес, ни профессия. Диагноз: обширный инфаркт легких. Положение практически безнадежное. Второй — преподаватель вуза, тридцати трех лет, холост — жертва несчастного случая. Открытая травма черепа с ранением мозга и глубоким кровоизлиянием. Тоже не жилец. Поражены участки, ответственные за жизненно важные функции. Оба лежат на реанимационных столах, два живых трупа, в которых поддерживается некое подобие жизни за счет искусственного кровообращения и дыхания. Однако если второй — безусловный кандидат в морг, то первого можно попытаться спасти. Пересадка легких от второго. Такое решение принимает профессор.

Все готово к операции, но начать ее нельзя. Вы не представляете, какими ограничениями связан в этих случаях врач.

Во-первых, на такую операцию нужно согласие больного либо его родственников и, уж во всяком случае, согласие родственников донора.

Во-вторых, пересаживаемые органы можно взять только у мертвого, и пока в теле донора теплится хоть какое-то подобие жизни, врач обязан принимать все меры к ее поддержанию. За это время другой может умереть.

В-третьих... Впрочем, что там «в-третьих»! Можно без конца перечислять всяческие проблемы, с которыми сталкивается в это время хирург, но самая гнусная из них — это напряженное ожидание смерти больного. Остановка сердца, клиническая смерть, высокочастотные разряды в область миокарда, снова чуть заметные пульсации, опять остановка, на этот раз разряды не помогают. Остается последнее средство: вскрытие грудной клетки и массаж сердца. Эта последняя мера дает результаты, хотя совершенно ясно, что ненадолго. Однако тут выясняется одна подробность, которая все сводит на нет. У второго туберкулезные каверны в легких.

Есть много людей, больных туберкулезом и не подозревающих об этом. Их организм выработал какие-то средства поддержания болезни в равновесии, так что она не прогрессирует. Но ни один врач не решится пересадить пораженный туберкулезом орган другому человеку.

В общем, можно было снимать перчатки и отправлять в морг два трупа.

Я не зря обратил ваше внимание на особенности характера этого... профессора. Без них не понять того, что произошло дальше.

Мгновенно было принято другое решение: пересадка мозга тому, второму. При этом, заметьте, без соблюде-

ния всяких формальностей. Звонить в Москву и добиваться разрешения уже было некогда. По правде сказать, даже нет уверенности, что тут были соблюдены те нормы, о которых я уже упоминал.

— На что же он рассчитывал? — спросил я.

— Трудно сказать. Прежде всего, конечно, на успех. Люди такого склада, когда их обуревают какая-то идея, просто не желают считаться с возможностью неудачи. В таком деле всегда кто-то должен быть первым и взять весь риск на себя. Кроме того, он, видимо, справедливо полагал, что лучше один труп, чем два. А вообще, он, думается мне, действовал скорее импульсивно, чем рассудочно. Уж больно мало времени оставалось для всяких рассуждений.

Вы можете воздержаться от описания самой операции. Дело это до крайности тонкое, растягивается на несколько этапов и для непосвященного читателя вряд ли может представлять интерес. Да и вы наверняка наврали бы с три короба. Для писателя гораздо важнее психологические коллизии, а их тут хоть отбавляй!

Итак, операция сделана. На следующее утро жена донора разыскала следы через справочную «Скорой помощи» и опознала его в морге. Ей сказали, что он умер от инфаркта легких, что, конечно, соответствовало действительности. В остальные подробности ее не посвятили. Это было бы для нее слишком сильным ударом. Он оказался журналистом двадцати пяти лет от роду. Прожили они вместе всего год и очень любили друг друга. Поверьте, что самое трудное в нелегкой профессии врача — разговаривать с близкими умершего пациента. Даже, если он сделал все, что в его силах, все равно остается чувство, что ты в чем-то виноват. Поэтому простим профессору, что он не стал с ней говорить сам,

а послал своего ассистента. И самые смелые люди иногда проявляют малодушие. Кроме того, не нужно забывать, что оставался еще тот, второй, за которого профессор нес ответственность не только перед обществом, но и перед своей совестью. Тут поводов для беспокойства было более чем достаточно.

Что, собственно говоря, было известно из предыдущих опытов? Что у животных с пересаженным мозгом сравнительно быстро восстанавливаются двигательные функции, чувство равновесия, что большинство условных рефлексов, выработанных у донора, исчезают после пересадки, но восстанавливаются быстрее, чем вырабатываются у экземпляров контрольной группы, что особи с пересаженным мозгом вполне жизнеспособны. Вот, пожалуй, и все. Вряд ли этого достаточно, чтобы прогнозировать поведение человека после такой операции. Тут есть очень много факторов, которые на животных не проверишь. Что остается в памяти, а что полностью стирается? Что надолго, а может быть, навсегда вытесняется в подсознание? Наконец, даже речь. Ведь она тоже результат обучения. Характер. Я уж говорил, что деятельность мозга невозможно рассматривать в отрыве от организма в целом. Неисчислимое количество путей взаимодействия, большинство которых остается еще загадкой. Словом, человека с пересаженным мозгом нельзя считать неким симбиозом чьей-то индивидуальности с другим телом. Это совершенно новый индивид. Как видите, сомнений больше, чем уверенности.

Однако операция сделана. В постели — человек. Он дышит, реагирует на свет, глотает жидкую пищу, у него работают кишечник, почки, и... ничего больше. Идут недели, месяцы, его учат ходить. Он даже выучивает несколько слов. Что же дальше? Дальше — одна

надежда, что поможет время. Время идет. Он делает кое-какие успехи. С трудом, но разговаривает. Учится читать. Прошное свое не помнит. Проходит год. Он свободно разговаривает, читает, пишет. У него появляется интерес к окружающей обстановке. Восстанавливается все, кроме памяти о прошлом. Все попытки ее пробудить остаются безрезультатными. Ему объясняют, что он перенес тяжелую травму мозга, вызвавшую полную амнезию. Он это понимает. Проходит еще какое-то время, и больничная обстановка начинает его тяготить.

Возникает вопрос: что с ним делать? По документам он преподаватель вуза, но сами понимаете, что ни о какой профессиональной пригодности в этой области не может быть и речи. От журналиста в нем тоже ничего не осталось. Учиться заново? Об этом еще рано говорить. Перевести на инвалидность — сами понимаете, что это значит для него. Кроме того, пришлось бы оборвать уникальный эксперимент в самой решающей фазе. Нужно дать ему возможность встречаться с людьми, ходить в театр, кино, держа его все время под неослабным наблюдением специалистов.

Я забыл упомянуть, что у этого преподавателя была возлюбленная. Узнав о несчастном случае и об операции, она все время просила, чтобы ей разрешили его навещать. Обращалась даже в горздрав, но профессор категорически запретил всякие посещения. В то время, кроме вреда, это ничего бы не принесло. Однако теперь ситуация была иной. Ей разрешили свидание. Узнать ее он не мог, но появление нового человека из недоступного ему мира очень его обрадовало. Кроме того, она ему определенно понравилась. Это была красивая, обаятельная женщина.

Ей разрешили приходить каждый день. Они подолгу разговаривали. Она рассказывала ему о его прошлой

жизни, и бедняге даже казалось, что он начал кое-что вспоминать.

В конце концов она попросила разрешения взять его к себе. Профессор согласился на это.

Все складывалось неплохо. У нее не было никаких сомнений относительно того, что она берет к себе близкого человека, попавшего в беду. Материальных затруднений не предвиделось: у этого преподавателя были сбережения, а клиника имела возможность держать его на больничном листе неопределенно долгое время. Перемена же обстановки была просто необходима ему. Что же касается морального аспекта всей этой истории, то, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут. Тем более что оба они были, несомненно, счастливы. Оставалось только ждать, что будет дальше.

К сожалению, дальше все шло не очень ладно. То ли у него действительно начала пробуждаться память, то ли что-то из прошлой жизни журналиста было попросту вытеснено в подсознание, но, так или иначе, он стал уходить из дому и часами простаивал на лестнице возле квартиры, где этот журналист раньше жил. Его возлюбленная, естественно, встревожилась. Она даже обращалась за советом к профессору, но что он мог ей сказать? Видимо, надвигалось что-то неизбежное, и вряд ли можно было в этой ситуации что-либо изменить.

Наконец случилось неизбежное. Он встретил жену. Жену журналиста.

Я уже говорил, что они очень любили друг друга. Любовь! Сколько томов о ней написано, и все же как мало она изучена! О, черт! — Он прервал свой рассказ и потянулся к бутылке. — Не будем ханжами! Право, вам еще один глоток не повредит. Ведь вы, так сказать, под наблюдением врача.

— Откуда вам известна вся эта история? — спросил я.

— Я... — он запнулся. — Меня несколько раз приглашали на консультацию к этому больному. Так что, продолжать?

— Пожалуйста!

— Значит, так. Они встретились. На него это произвело ошеломляющее впечатление. Видимо, ее образ все же где-то хранился в глубинах памяти, и то, что он считал любовью с первого взгляда, было попросту подсознательной реакцией.

— А она?

— Что ж она? Для нее это был посторонний человек, видимо, не в ее вкусе, к тому же еще не изгладились воспоминания о погибшем муже, так что она на него просто не обратила никакого внимания. Он начал ее преследовать. Поджидал у проходной, дома, заговаривал в метро, а если мужчина очень настойчив, то рано или поздно... Словом, все шло по извечным и непреложным законам. Не судите ее строго. Совсем еще молодая женщина, остро переживающая одиночество. Кроме того, ей казалось, что в этом назойливом поклоннике есть что-то от человека, которого она любила. Конечно, не внешность. Характер, манера говорить, десятки мелочей, из которых складываются индивидуальные черты.

— Но ведь была еще та, которая взяла его из клиники, он что, ушел от нее? — спросил я.

— В том-то и дело, что нет. Ее он тоже любил. Как женщина она ему даже больше нравилась. Здесь в описании их отношений от вас потребуется большой такт. Нужно понять его психологию. Это не вульгарный любовный треугольник. Это... трудно объяснить... Точно так же как в нем было два человека, так и они обе... Нет,

не то! Скорее — одна женщина в двух ипостасях, духовной и телесной. Вот именно! Обе они слились для него в единый образ, расчленив который было уже невозможно. Может быть, специалист уловил бы тут начало психического заболевания, но разве множество литературных героев, строго говоря, психически здоровы? Рогожин, Мышкин, Настасья Филипповна, Раскольников, Карамазовы... Уфф!

Он вытащил свою коробочку и отправил в рот таблетку. Выглядел он скверно, глаза блуждали, лоб покрылся потом. Кажется, нам с ним предстояло поменяться ролями. Не хватало только, чтобы теперь я его успокаивал. Однако вся эта история интересовала меня все больше и больше. Я начал кое о чем догадываться.

— Скажите, — спросил я, — этот второй, преподаватель, он что преподавал?

— Какое это имеет значение?! Пусть хоть физиологию. Я ведь вам излагаю сюжет, а не...

— Продолжайте! — сказал я. — Сюжет действительно занятный.

— Хорошо! Значит, эти две женщины. Ни та, ни другая с таким положением мириться не желала. Обе они были молоды, хороши собой и по-женски самолюбивы. Каждая считала его своим. Разыгрывался последний акт трагедии, в которой главные участники не знали своей истинной роли. Я не зря упомянул о начале психического заболевания. У мозга есть защитные реакции. Когда ситуация становится невыносимой, человек часто уходит в вымышленный мир, реальность подменяется бредом. У специалистов это носит специальное название, но вы можете пользоваться термином «умопомешательство». Особый вид, когда человек представляется

себе кем-то другим. Итак, в финале вашего романа не исключена психиатрическая лечебница.

— Невеселый финал, — сказал я. — Признаться, я ожидал другого, а не пожизненного заключения в сумасшедшем доме.

— Почему пожизненного? — возразил он. — У медицины есть достаточный арсенал средств лечения таких болезней. Вылечить всегда можно, нужно только устранить причину, а это самое трудное. Можно, конечно, на время убрать больного из конфликтной обстановки, но сами понимаете, что в данном случае, — это всего лишь временная мера. Рано или поздно они снова встретятся, и все начнется сначала. Есть более радикальный метод — рассказать больному правду, чтобы он знал причину заболевания, как бы посмотрел на себя со стороны. Может быть, даже сам поведал потом об этом кому-нибудь... Однако тут накурено!.. Извините... больше не могу. Пойду в коридор.

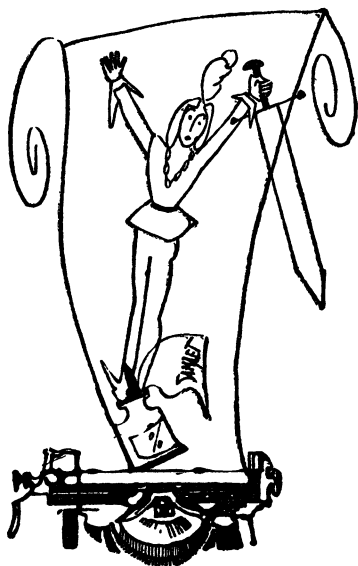
Я подождал, пока за ним закроется дверь, налил полстакана коньяку и залпом выпил, потому что...

И как я мог не вспомнить раньше, что эту мальчишескую фигуру, облаченную в белый халат, и внимательные зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами я видел над своим изголовьем в клинике, когда меня учили говорить, и потом сквозь пелену бреда...

Многое становилось мне ясным, многое. И то, что начата диссертация казалась китайской грамотой, и обуревавшее стремление писать.

Впрочем, теперь все это уже отходило на второй план. Важно было, что та женщина по праву назвала меня своим мужем.

Все остальное не имело значения, даже три месяца, которые мне предстояло провести в туберкулезном санатории.

ДУША НАПРОКАТ

Игорь Павлович Тетерин, модный и преуспевающий беллетрист, подошел к окну и задернул плотные синие шторы. В кабинете сразу стало уютнее.

Тетерин приоткрыл дверь в коридор и крикнул:

— Наденька! Я работаю. Пусть не мешают.

— Хорошо! — раздался женский голос. — Чаю тебе подать?

— Пожалуйста, и покрепче!

Он взял из рук жены термос и запер дверь на ключ. Часы, когда Тетерин работал, считались священными. Тогда все в доме ходили на цыпочках, разговаривали шепотом, а телефон убирался на кухню. Никто не имел права тревожить его в это время. Исключение делалось только для красавицы колли. Тетерин любил, работая, ощущать на себе преданный взгляд собачьих глаз.

Он сел к столу и начал просматривать незаконченную главу. По мере того как он читал, на его лице все явственней проступала брезгливая усмешка. Типичное не то. Литературщина. Скорпись. Плоские диалоги. Нет, эту главу нужно писать совсем по-иному. Но как?

Тетерин вставил в машинку чистый лист и задумался. Хотелось чего-то свежего, своего, а на ум шла все та же пошлятина, многократно перелицованная и отутюженная такими же кустарями, как он сам. Он иногда позволял себе роскошь быть вполне откровенным с собою. Конечно, он не гений, хотя критики единодушно признают у него литературное дарование. Но если разобраться, то на что это дарование растрачивается? Десять книг. Среди них нет ни одной сколько-нибудь значительной. Бабочки-однодневки. Вечно не хватает времени. Всегда подпирают сроки сдачи рукописи. Хорошо было бы уехать куда-нибудь к черту на рога, подальше от всяких издательств и договоров. Лежа на травке, думать, думать, думать, пока мысли не станут ясными и прозрачными, как вода в горном ключе. «Вот видишь, дорогой, — прервал он себя, — и здесь ты не можешь обойтись без штампов. Как вода в горном ключе! Вечно приходится думать чужими словами. А где же их взять, эти свои слова?» — Он скомкал недописанную главу и в сердцах кинул в корзину.

Собака, видимо почувствовав, что хозяин не в духе, подошла и положила голову ему на колени.

— Вот так, Диана, — сказал он, поглаживая ее за ухом. — Все нелегко дается: и эта квартира, и ковер, на котором ты спишь, и вкусные косточки. За все нужно чем-то расплачиваться.

Он хотел сказать еще что-то очень значительное, но тут раздался стук в дверь.

— Ну что там такое?! — раздраженно спросил Тетерин. — Я же предупреждал, чтобы меня не беспокоили!

— Прости, Игорек, — сказала жена. — Но тут к тебе пришли. Я говорила, что ты занят, а он...

— О, дьявол! — Тетерин встал и направился в переднюю.

Непрошенный гость уже снимал пальто. Он обернулся на звук шагов, степенно закончил разоблачаться, пригладил седые волосы и шаркнул ножкой.

— Простите, Игорь Павлович, — произнес он, слегка грассируя. — Прошу меня не судить строго за столь бесцеремонное вторжение, но я взял на себя смелость явиться к вам без предупреждения, так как дело мое не терпит отлагательств. Моя фамилия Лангбард. Лука Евсеевич Лангбард, в прошлом преподаватель химии, а ныне пенсионер. Однажды я уже имел честь быть вам представленным.

Тетерин удивленно на него взглянул. «Лука Евсеевич Лангбард». «Имел честь быть представленным». Все под стать внешнему облику. Одет незнакомец был тщательно, даже изысканно, если исходить из представлений конца XIX века. На нем были полосатые брюки, черный двубортный сюртук тончайшего сукна, впрочем несколько порыжевший в швах, стоячий крахмальный воротничок с отогнутыми углами, вместо гал-

стука черная муаровая лента. Обут он был в ботинки с замшевым верхом и множеством мелких пуговиц. В руке кожаный саквояжик, столь же древний, как и все облачение его владельца.

Вдобавок ко всему в передней стоял какой-то удивительный запах не то старинных духов, не то ладана.

Впрочем, и экзотическая внешность гостя, и особенно этот запах показались Тетерину удивительно знакомыми.

— Прощу! — сказал он, пропуская Лангбарда вперед.

Тут в дверях кабинета произошло событие, хотя и незначительное, но все же удивившее Тетерина. Диана, которая обычно хранила гордое равнодушие ко всем посторонним, бросилась навстречу Лангбарду и начала его обнюхивать, с каким-то самозабвением тычась носом в брюки и сюртук.

— Диана, на место! — прикрикнул Тетерин, но это не произвело на собаку никакого впечатления. — Я кому говорю, на место?! — Он ее слегка шлепнул. Она еще несколько раз судорожно нюхнула, а затем, притворно зевнув, улеглась на ковер, все еще не спускающая глаз с Лангбарда.

— Простите! — сказал Тетерин. — Она никогда себе таких вещей не позволяет. Просто не могу понять...

— Запах, — перебил Лангбард, усаживаясь в кресло. — Ничего удивительного нет, просто запах. Животные его любят. Итак, вы меня не помните. — Это звучало как утверждение, а не вопрос.

— Минуточку... — Тетерин закрыл глаза ладонью. Ему почему-то очень хотелось вспомнить, где он видел эту нелепую фигуру в сюртуке, лицо с остреньким носиком, жидкие седые волосы и бескровные руки с длин-

ными пальцами. Кроме того, запах... Он вдохнул слабый аромат ладана, и вдруг все удивительным образом прояснилось.

...Это был один из сумбурных вечеров у него дома, кажется, по поводу выхода какой-то книги. Много пили, обсуждали литературные сплетни, перемывали косточки отсутствующим, кого-то по привычке ругали, кого-то по традиции хвалили. К двенадцати часам ночи в столовой стало трудно дышать от запаха лука, пролитой водки, распаренных тел и табачного дыма. Открыли окно, но и это не помогло. Липкий туман, насыщенный бензиновыми парами, был не лучше. Тетерин зажег свечи, чтобы хоть как-то освежить прокуренный воздух. Начались обычные разговоры о том, что современная цивилизация лишает нас истинных радостей жизни, что к чему все достижения материальной культуры, когда скоро уже будет нечем дышать, что, если бы сюда посадить первобытного человека, он бы и часу не прожил, и так далее.

Тогда уже сильно подвыпивший Тетерин наперекор всему, что говорилось, заявил, что он никогда не променяет автомобиль на право бегать голым по лесу и что вообще еще неизвестно, чем там пахло, в этих самых первобытных лесах. Может, даже похуже, чем у нас в городе.

И тут поднялся этот старичок в сюртуке. Неизвестно, кто его привел. Весь вечер сидел молча, ковырял вилкой в тарелке, а тут вдруг возвысил голос:

— Вы хотите знать, чем пахло в этих лесах? Пожалуйста! — Он вынул из кармана янтарный мундштук и поднес к свече.

И то ли потому, что запах горячей смолы так непохож был на все эти запахи вульгарной попойки, то ли потому, что люди почувствовали в нем невообразимую

дистанцию в миллионы лет, но все как-то притихли и вскоре молча разошлись...

— Вспомнил! — сказал Тетерин. — Вы жгли у меня янтарь. И этот запах...

— Верно! — кивнул Лангбард. — Именно запах. Я нарочно к нему прибежал, а то бы никогда не вспомнили. Итак, Игорь Павлович, я пришел к вам по очень важному и, надеюсь, интересному для нас обоим делу. К вам, потому что вы писатель, к тому же достаточно известный.

Тетерин поклонился.

— Однако, — продолжал Лангбард, — писатель, откровенно говоря, талантом не блещущий.

— Такие вещи в глаза не говорят, — криво усмехнулся Тетерин. — Мой совет: остерегайтесь говорить женщине, что она некрасива, и автору, что он плохо пишет. Подобную откровенность никогда не прощают. Кроме того, и у некрасивой женщины всегда находятся поклонники, а у любого писателя — читатели. Я все же льщу себя надеждой, что ваше суждение, высказанное в столь категорической форме, разделяется не всеми. Далеко не всеми. — Он открыл ящик стола. — Вот одна из папок с читательскими письмами, из которых вы смогли бы заключить...

— Помилосердствуйте! — поморщился Лангбард. — К чему вся эта амбиция? Вы же сами знаете, что не гений, а письма... пишут их обычно дураки. Нет, уважаемый Игорь Павлович, нам с вами предстоит говорить о предмете тончайшем и неуловимом, который порой и мыслью трудно объять. Так давайте уж без ложной аффектации, а самолюбие на время спрячем в карман. Поверьте, так будет лучше.

— О чем же вы хотите со мной говорить?

— О душе.

— О моей душе?

— Вообще-то о душе в более широком смысле, ну а в частности, и о вашей.

Это становилось забавным.

— Вы мне предлагаете сделку? — спросил, улыбаясь, Тетерин.

— Отчасти так, — кивнул Лангбард. — Можете считать это сделкой.

Тетерин встал и прошелся по кабинету.

— Дорогой Лука...

— Евсеевич.

— Так вот, дорогой Лука Евсеевич. Не скрою, что готов бы продать душу за тот самый талант, которого вы во мне не усматриваете. Но, к сожалению, этот товар нынче не котируется. Да и вам, извините, мало подходит роль Мефистофеля. Так что благодарю за остроумную шутку, и если у вас ко мне нет других дел, то...

— Сядьте! — спокойно сказал Лангбард. — Мне всегда трудно сосредоточиться, когда кто-нибудь мельтешит перед глазами. А ведь мы еще не приступили к сути нашего разговора. Вы меня неправильно поняли. Я говорю о душе не в теологическом плане, а в чисто литературном. Ведь вы, как литератор, занимаетесь именно этим предметом. Вас интересуют души ваших героев, не так ли?

— Я предпочитаю слово «характеры». Да, литературу не зря именуют человековедением. Но тут я вам могу открыть профессиональный секрет. Если вы, задумав писать роман, соберете коллекцию живых характеров, ну, скажем, людей вам хорошо знакомых, то все в один голос будут говорить, что характеры примитивны, шаблонны, что таких людей на свете не бывает и все такое. Если же вы все высосете из пальца, то характеры объявят яркими, типичными и еще бог знает

какими. Глупо, но такова специфика нашей работы.

— Закономерно! — Лангбард радостно потер руки. — Вполне закономерно! А ведь все дело в том, что истинный художник создает душу героя, а вы и вам подобные пробавляетесь характерами.

— Не вижу разницы, — сухо сказал Тетерин. — Душа, характер, разве дело в терминах? Сущность-то одна и та же.

— Отнюдь! — возразил Лангбард. — Характер — это то, что проявляется в человеке повседневно, а душа... Кто знает, что творится в бездне этой самой души?! Какие страсти, пороки и неиспользованные резервы скрываются за ложным фасадом так называемого характера? Почему человек напористый, рубаха-парень, трусливо бежит с поля боя, а робкий, застенчивый меланхолик закрывает своим телом амбразуру дота? Где до этого в их характерах таились эти черты, проявляющиеся только в исключительных обстоятельствах? Характеры! Тогда уж проще прибегать к древнейшим определениям. Напишите, что, мол, Иван Петрович — сангвиник, а Петр Иванович — холерик. Глупее ничего не придумаешь! Ведь таким образом нельзя даже собак классифицировать. Поверьте, что вот у этой вашей Дианы в душе больше неизведанного, чем у многих литературных героев. Ей наверняка свойственны и самопожертвование, и лукавство, и ревность, и многое другое, чего вы порой и в людях-то не видите.

Тетерин начал приходить в раздражение. Ему казалось, что Лангбард все время намеренно пытается его унижить.

— Боюсь, что мы с вами забираемся в дебри, из которых не выбраться, — сказал он. — Если у вас ко мне дело, прошу его изложить, а все эти разговоры, в об-

щем-то, бесцельны. Так можно, действительно, и до собачьей души договориться или, чего доброго, и до бессмертия душ.

— Конечно! — улыбнулся Лангбард. — Ведь я к этому и клоню. Разве, скажем, созданные гением Шекспира души Отелло, Гамлета, короля Лира, Шейлока не бессмертны?

— Ну, это другое дело.

— Почему другое? Ведь для того, чтобы создать душу Гамлета, кстати, заметьте, что выражение «характер Гамлета» кажется совсем неуместным, так вот, для того чтобы создать душу Гамлета, Шекспиру пришлось на время самому стать Гамлетом, заставить звучать в своей душе струны, которые, может быть, до этого молчали. Человек с душой Шейлока Гамлета не написал бы. И так каждый раз. Полная перестройка. Удивительная гимнастика души. Так разве все, что создано Шекспиром, не представляет собой душу художника, раскрытую во всех ее возможностях? Вот вам и бессмертие души.

Тетерин демонстративно посмотрел на часы.

— Все это избитые истины, — сказал он, зевая. — К сожалению, Шекспир рождается не каждый день, а нам, грешным, подобная перестройка не по силам.

— По силам! — убежденно произнес Лангбард. — Каждому по силам. Ведь в этом и заключается суть моего изобретения.

— Что?! — Тетерину показалось, что он ослышался. — Что вы сказали? Какого изобретения?

— Того, что у меня в чемодане.

— Нет, это становится просто невыносимым! — Тетерин сломал несколько спичек, прежде чем закурить. — Вы у меня уже отняли уйму времени, и вот, пожалуй-

ста, сюрприз! Изобретатель-одиночка! Тут не патентное бюро. Предупреждаю, я в технике ничего не смыслю и, что бы вы мне ни рассказывали о вашем изобретении, все равно не пойму. Кроме того, я занят, у меня работа. Крайне сожалею, но...

— А вот курить придется бросить, — сказал Лангбард. — Запах табачного дыма будет мешать.

— Чему, черт побери, будет мешать?! — заорал взбешенный Тетерин. — Что вы тут мне еще за мораль читаете?! Я сам знаю, что мне делать, а чего не делать!

— Нашему опыту будет мешать, — как ни в чем не бывало продолжал Лангбард. — Табак и алкоголь придется исключить.

— Уф! — Тетерин откинулся в кресле и вытер платком лоб.

— У вас тут чай? — спросил Лангбард, указывая на термос.

— Чай.

— Выпейте, это помогает.

Он подождал, пока Тетерин налил стакан чаю.

— Так вот, Игорь Павлович. Хотите вы или не хотите, но выслушать меня вам придется, хотя бы потому, что вся ваша будущность как литератора поставлена на карту. Прикажете продолжать?

Тетерин устало махнул рукой.

— Вот мы с вами говорили о перестройке души писателя, вернее об использовании ее скрытых резервов. Играть на тайных струнах души. Как это верно сказано! К сожалению, не каждому дано. Иногда нужны внешние факторы. Разве вы не замечали, что иногда какая-нибудь мелодия рождает в вашей душе дремавшие ранее чувства?

— Не знаю. Я вообще плохо воспринимаю музыку.

— Тем лучше! Значит, у вас это в большей степени,

чем у людей музыкальных, компенсировано повышенным восприятием запахов.

— Ну и что?

— Дело в том, что запахи обладают тем же психологическим воздействием, что и музыка. Запахи способны вызывать грусть, радость, веселье, а в определенных сочетаниях и более сложные эмоции. Это было хорошо известно жрецам Древнего Египта. Они владели секретом благовоний религиозного экстаза, страха, жертвенного порыва и других. Я проанализировал душевный настрой основных литературных героев и составил смеси ароматических веществ, способных создать соответствующий комплекс эмоций. Вот, полюбуйте! — Лангбард открыл саквояжик и извлек оттуда несколько аптечных пузырьков. — Вот мы с вами говорили о Шекспире. Благоволите обратить внимание на этикетки. Король Лир, Гамлет, Отелло и другие. Пожалуйста, понюхайте, и вы придете в душевное состояние одного из этих героев. Ловко?

— Чепуха! — сказал Тетерин. — Даже если б это было так, в чем я, по правде сказать, сомневаюсь, то ведь все это уже сделано постфактум. Не стану же я заново писать Отелло. А если бы и захотел, то мне пришлось бы нюхать то флакон с Яго, то с Дездемоной, то еще бог знает с кем. А если диалог? Что ж, нюхать все попеременно? Нет, ваша идея непрактична, да и не нова. Всегда находились люди, прибегавшие в процессе творчества к наркотикам, и кончалось это обычно плохо. Вот, например...

— Подождите! — перебил Лангбард. — Будем остерегаться поспешных суждений. Всякая идея проверяется практикой. Не так ли?

— Допустим.

— Вот отрывок из вашей повести «На заре». — Он

вынул из кармана несколько листов, написанных на машинке. — Вы помните сцену объяснения Рубцова с женой? Там, где она говорит ему, что уходит к другому? Ситуация, прямо скажем, не блестящая новизной.

Тетерин нахмурился.

— Вы все время пытаетесь меня уколоть. Ну хорошо, я не гений. А известно ли вам, что вашего любимого Шекспира, после которого, как утверждают, не осталось ни одной неиспользованной темы, тоже упрекали в заимствовании чужих сюжетов? Что поделаешь, если любовный треугольник во все времена был главенствующим конфликтом в литературе? Такова сама жизнь. А то, что не каждому удастся написать «Анну Каренину»...

— Вздор! — перебил Лангбард. — Тема, сюжет — все это средства, а не цель. Я говорю не о том, что вы невольно использовали сюжет «Анны Карениной», а о том, что не смогли создать равноценную душу своей героини.

— Ну, не смог, и что?

— А то, что вам нужно было взять ее напрокат.

— И написать новую «Анну Каренину»?

— Ни в коем случае! Смотрите, что я сделал с вашей повестью. Я столкнул в этом конфликте две души или, выражаясь вашим языком, два характера: Анны Карениной и Ивана Карамазова.

— Короче, создали гибрид Толстого с Достоевским?

— Нет, создал нового Тетерина. Ни Толстому, ни Достоевскому это было не под силу. Слишком разные они люди. А я взял вашу писанину, сначала привел себя в душевное состояние Анны, выправил часть текста, а затем проделал то же, но уже как Карамазов.

— Н-да... — сказал Тетерин. — С таким видом пла-

гиата мне еще не приходилось сталкиваться. Вы или сумасшедший, или...

— Воздержитесь от суждений, пока не прочтете. Что же касается плагиата, то это благороднейшая его разновидность. Во всяком случае, при этом вы создаете совершенно новое произведение, к тому же высокохудожественное.

— Интересно! — Тетерин взял рукопись и открыл ее на первой странице.

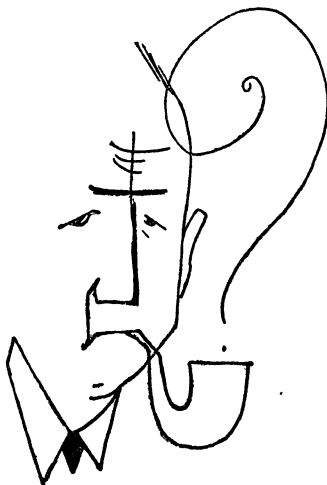
— Нет, нет! — вскричал Лангбард. — Прочтете наедине. Может быть, сначала трудно будет свыкнуться, придется читать несколько раз. Я все оставляю — и бутылочки, и рукопись. Тут, в углу, записан мой телефон. Позвоните мне, и мы снова встретимся. А пока, — он встал и снова шаркнул ножкой, — желаю вам плодотворных творческих раздумий!

Вначале Тетерину все это показалось галиматьей. С каким-то злобным удовольствием он подчеркивал красным карандашом стилистические огрехи. Однако по мере того как он вчитывался в стремительно несущиеся фразы, лицо его становилось все более озабоченным. Оборванные монологи, многократно повторяющиеся слова, спотыкающаяся речь несли в себе удивительную силу чувств. Так писать мог только настоящий мастер. Вновь и вновь перелистывал он страницы и каждый раз обнаруживал что-то новое, ускользнувшее в предыдущем чтении. До чего же все это было непохоже на прилизанную тетеринскую прозу.

Весь вечер ходил он растерянный по комнате, то беря один из пузырьков с твердым намерением тотчас же испробовать действие этого дьявольского зелья, то в каком-то суеверном страхе ставя его опять на место.

Под конец, совершенно измученный, он лег спать в кабинете, решив оставить все на завтра.

Смерть Тетерина вызвала много неправдоподобных слухов. Говорили, что он был найден утром на диване с перекушенным горлом. У изголовья лежала его любимая собака, облизывая окровавленные лапы. Рядом с ней на полу, в лужице остро пахнувшей жидкости, валялся треснувший пузырек с надписью: ЛЕДИ МАКБЕТ.

ФАНТАСТИКА ВТОРГАЕТСЯ В ДЕТЕКТИВ, ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО КОМИССАРА ДЕБРЭ

1. ХМУРОЕ УТРО

Комиссар Дебрэ проснулся в 9 часов. Впрочем, «проснулся» не то слово. Если вы до трех часов ночи занимались тем, что бесплодно обшаривали огромный особняк в поисках спрятанной кем-то бомбы с часовым механизмом, если после этого вас терзал жестокий приступ язвы же-

лудка и вам вкатили изрядную дозу наркотика, то правильное было бы сказать, что вы очухались, или, в крайнем случае, продрали глаза.

Дебрэ надавил пальцами на живот. Притаившаяся было боль снова рванула когтями желудок. Вот она, награда за 40 лет работы в уголовной полиции. Тут все: и бессонные ночи, и съеденные наспех сандвичи сомнительной свежести, и бесконечное количество выкуренных трубок в поисках разгадки очередной головоломки. К сожалению, подорвано не только здоровье, но нечто более существенное — вера в человека. Газеты, захлебываясь, превозносят знаменитый метод комиссара Дебрэ. А если разобраться, что, собственно, представляет этот пресловутый метод? Не что иное, как знание человеческих слабостей и страстишек. Уж кому-кому, а Дебрэ известно, что огромное количество преступлений совершается по совсем пустяковым поводам. Уязвленное самолюбие, зависть, ревность. Странный парадокс: чем сложнее преступление, тем примитивнее его причины. Полицейский комиссар должен быть прежде всего психологом, и тогда становится ясным многое. В искусстве раскрытия преступлений не существует мелочей. Очевидная версия — далеко не всегда самая правильная. Понять характер преступника, уметь вжиться в его психологию, почувствовать подсознательные мотивы преступления удастся далеко не каждому, однако, если вы овладели этим методом, успех обеспечен. Но какой ценой дается этот успех? Решение психологических этюдов требует максимального напряжения всех духовных сил, а за это тоже приходится расплачиваться. Рано или поздно вы чувствуете себя совершенно опустошенным, а люди, которые вас окружают...

Дебрэ взял с ночного столика трубку и протянул руку в поисках коробки с табаком. Ее не оказалось на при-

вычном месте, и тут он вспомнил все, что было ночью. Как он корчился в кровати от боли и как перепуганная насмерть жена вызвала по телефону доктора Малинду. Конечно, чушь вызывать в таких случаях полицейского врача, специалиста по судебно-медицинской экспертизе, но мадам Дебрэ уверена, что Малинда — лучший из врачей Парижа. Может быть, оно и так, но было бы спокойнее, если б приехал не Малинда, а кто-нибудь другой. Тогда бы удалось обойти вопрос о курении. С Малиндой это не прошло. «Отныне ни одной затяжки, вы слышите, мадам Дебрэ? Это на вашей совести. Весь табак — немедленно в мусоропровод!»

Дебрэ встал и босиком, чтобы не привлечь внимания жены, прошел в переднюю. Он пошарил в карманах пальто. Тщетная надежда! Кисет с табаком исчез и от туда.

Дебрэ тихонько выругался и, посасывая пустую трубку, снова улегся в постель. «Ну его все к дьяволу! — подумал он. — Сегодня же подаю прошение об отставке. В конце концов, жизнь на пенсии тоже имеет свои прелести». Он представил себе маленький домик на берегу Луары, который они с женой давно уже облюбовали для покупки. Жить подальше от Парижа, удить рыбу и читать детективные романы. Спать до десяти часов, вечером смотреть передачи по телевизору. Совсем неплохо. Можно еще разводить шампиньоны. Итак, решено! Прощение будет вручено сегодня. Откладывать не имеет смысла, тем более что дело с бомбой в особняке Костагенов, видимо, просто дурацкая мистификация.

Комиссар закрыл глаза и попытался вспомнить голос человека, звонившего ему по телефону. Он говорил через платок. Старый трюк. Как удалось выяснить, звонил из автомата в районе Монмартра. В преувеличенно учтивых

выражениях сообщил о готовящемся покушении. На вопрос, откуда ему это известно, не ответил. Просто положил трубку. Интересно, зачем это ему понадобилось? Ведь особняк Костагенов...

Дебрэ вскочил и торопливо начал одеваться. Он совершенно забыл, что бедняга Морранс до сих пор дежурит у особняка.

Стояла отвратительная погода. Холодный ноябрьский ветер гнал со стороны Сены низкие тучи. Моросил дождь пополам со снегом. Прохожие шли, подняв воротники пальто и упрятав руки в карманы. Веселый, жизнерадостный Париж выглядел сегодня серым, как на выцветшей фотографии.

На углу бульвара Вольтера Дебрэ, вместо того чтобы сесть в автобус, взял такси.

Он велел шоферу остановиться в начале улицы и пешком пошел по направлению к особняку Костагенов. Вот оно, нелепое здание постройки начала XVIII века. Интересно, сколько представителей рода Костагенов родилось и умерло под этой крышей? Вообще-то владельцы одного из крупнейших состояний могли бы обзавестись домом покомфортабельнее. Дебрэ вспомнил многочисленные коридоры, тупики, винтовые лестницы и потайные двери. Право, в наше время все это выглядит просто глупо.

В маленьком скверике, наискосок от дома, сидел съездившийся от холода Морранс.

— Доброе утро, малыш!

— О, это вы, комиссар! А я думал, что обо мне уже забыли.

— Ну, рассказывай.

— Рассказывать нечего. Никто не входил и не выхо-

дил. Только час назад во двор въехал зеленщик, оставил там овощи и уехал.

Дебрэ нахмурился.

— Вот как?! Нужно посмотреть, что он там привез.

— Проверил. Завел разговор об артишоках и капусте и перещупал все кочаны. Ничего...

— Ладно, отправляйся спать.

— А разве меня не сменят?

— Нет. Видимо, все дело не стоит выеденного яйца. Просто глупая шутка. Меня ждет на углу такси, если хочешь, подвезу домой.

— Спасибо, комиссар, но, право, если я сейчас не выпью рюмочку, грипп мне обеспечен, а тут как раз поблизости...

— Хорошо, лечись, но не переусердствуй.

Дебрэ похлопал его по плечу и направился к такси.

2. ЗОЯ НИКИТИЧНА

На набережной Орфевр ветер казался еще более холодным. Дебрэ углубился под своды здания уголовной полиции, где вечно гулял сквозняк, быстро поднялся по лестнице и вдохнул привычный застоявшийся запах табака и пыли. Он невольно ощутил грусть при мысли, что скоро ему уже не придется приходить сюда каждое утро.

Он вошел в кабинет и повесил в стеной шкаф пальто и шляпу. В кабинете было холодно, и Дебрэ вновь пожалел, что так легко согласился убрать старую печку. Пожалуй, несколько хороших поленьев были бы сейчас как раз кстати. Открыв дверь в комнату инспекторов, он сделал приветственный жест.

— Что нового, мальчики?

— Два раза звонили из министерства внутренних

дел, — сказал Дюка. — Просили вас позвонить, как только придете. Телефон я записал на вашем блокноте.

— Ладно! — недовольно буркнул Дебрэ. — Позвоню, когда будет время.

Он не сомневался в том, что история с бомбой уже известна чиновникам министерства. Глупейшая ситуация. Наверняка инспектора зубоскалили все утро по этому поводу. Рассказывали в лицах, как комиссар попался на элементарную мистификацию, полночи разрывал уголь в подвале и ползал по чердаку. А теперь еще эти сопляки в министерстве!

Дебрэ сунул в рот трубку и машинально похлопал себя по карманам. Вспомнив, что табака нет, он совсем расстроился.

Ведь у каждого из нас бывают такие дни, когда все не клеится. Правда?

Он достал из ящика чистый лист бумаги и принялся составлять прошение об отставке.

Вошел Дюка и принес свежую почту. В это время зазвонил телефон.

— Послушай, — попросил Дебрэ, ставя размашистую подпись под прошением.

Дюка снял трубку.

— Это вас, комиссар. Из министерства.

Дебрэ поморщился и придвинул к себе аппарат.

— Комиссар Дебрэ у телефона!

Несколько минут он слушал, удивленно подняв брови, а затем кратко сказал: «Хорошо, присылайте» — и раздраженно дал отбой.

— Что-нибудь новое, комиссар? — спросил Дюка.

— У них всегда что-нибудь новое. Сейчас нам пришлют практикантку.

Дюка улыбнулся.

— Женщина-криминалист, как раз то, чего нам не хватало! Умоляю, комиссар, если она хорошенькая, прикомандируйте ее ко мне.

Дебрэ засопел. Он сегодня не был расположен к шуткам.

— Не знаю, как насчет внешности, а вот то, что она русская, мне уже известно.

Дюка свистнул.

— Русская? Откуда же такой сюрприз?

— Из Ленинграда. По научному обмену.

— Так... Какие-нибудь распоряжения будут?

— Встретить ее на улице и привести сюда.

— Слушаюсь! — Дюка осторожно прикрыл за собой дверь.

Дебрэ спрятал прошение в стол и начал просматривать почту. Он делал пометки на полях, кому из инспекторов следует подготовить ответ. Все это были мелкие дела, но Дебрэ хотелось разделаться с ними до вступления в должность нового комиссара. Чем меньше окажется незаконченной работы, тем скорее он сможет покинуть стены уголовной полиции. Он догадывался, кто будет назначен на его место. Комиссар района Иври, один из тех молокососов с университетским образованием, которые сейчас так быстро продвигаются по служебной лестнице... Да... В наше время все меняется, даже полицейская служба. На смену старой гвардии, считавшей раскрытие преступлений искусством, приходят молодые апостолы электронного века. Дебрэ усмехнулся, вспомнив статью, в которой автор доказывал, что один вычислительный центр может заменить сотню квалифицированных криминалистов. Нет уж, дудки! Никогда ваши электронные машины не будут в состоянии проникнуть в самую глубь человеческой души, а без этого нельзя раскрыть ни одно серьезное преступление. Конечно, по-

лезно иметь под рукой электронную машину для быстрого получения справок, но разве в этом дело?

— Разрешите, комиссар? — Дюка приоткрыл дверь и подмигнул Дебрэ.

— Прошу вас!

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла женщина. С профессиональной точностью Дебрэ отметил, что лет ей больше сорока, рост сто шестьдесят сантиметров, вес около восьмидесяти килограммов, что цвет губной помады плохо гармонирует с лаком для ногтей, что она близорука и что очки с толстыми стеклами отнюдь ее не красят.

— Прошу! — повторил он, встав из-за стола, и направился ей навстречу.

— Комиссар Дебрэ?

— К вашим услугам.

— Моя фамилия Стрелкина, Зоя Никитична Стрелкина. Вот письмо из министерства внутренних дел. — Она вынула из сумочки конверт.

— Да, я знаю. Мне звонили.

Дебрэ жестом пригласил ее и Дюка сесть.

— Итак, мадам Стель...

— О, просто Зоя Никитична.

— Зоя Ники... — Произнести это странное имя было не под силу ни одному французу. — Зоя... Ники?..

Стрелкина рассмеялась

— Зовите меня просто Зоя. Это легче. А я вас буду называть «комиссар», хорошо?

— Хорошо. Вы надолго к нам?

— Недели на две. Дело в том, что моя основная работа — в Сорбонне, а здесь я надеюсь собрать дополнительный материал к своей диссертации.

— Что ж, — Дебрэ встал, показывая, что аудиенция закончена. — Я вас прикомандирую к инспектору Дюка.

Ему тоже будет полезно ознакомиться с методами советских криминалистов.

На лице Дюка было написано такое отчаяние, что Дебрэ счел нужным позолотить пилюлю.

— Дюка — один из способнейших инспекторов. Лучше его никто не введет вас в курс работы уголовной полиции.

Стрелкина громко расхохоталась.

— О нет, комиссар! Тут явное недоразумение. Зря вы не прочли письмо. Я не криминалистка, а литературовед. Ничему научить инспектора Дюка я не смогу. Меня интересуете вы, а не уголовная полиция.

— Простите, я не совсем понимаю...

— Конечно, не понимаете. Поэтому я и хочу объяснить. Тема моей диссертации — проникновение фантастики в детектив. А вы меня интересуете потому, что ведь именно вы послужили Сименону прототипом комиссара Мегрэ, не правда ли?

Дебрэ нахмурился. Упоминание о комиссаре Мегрэ всегда вызывало у него сложные и противоречивые чувства. С одной стороны, конечно, лестно, что весь мир знает тебя как двойника литературного героя, а с другой...

— В известной степени это так, — нехотя ответил он. — Сименон действительно использовал материалы ряда дел, которые я расследовал. Больше того: он неплохо понял мой метод. Однако в ряде случаев...

— Прекрасно! — перебила Стрелкина. — В конце концов, Сименон писатель, а не газетный репортер. За ним всегда остается право на художественный вымысел. Именно поэтому я намерена ознакомиться с методом мышления самого комиссара Дебрэ.

— С какой целью? — сухо спросил он.

— Чтобы выяснить, подчинен ли он целиком законам

классического детектива или наш электронно-атомный век внес в него элементы, свойственные современной фантастике.

— Если вы имеете в виду применение электронных машин для расследования преступлений, то могу прямо сказать, что считаю это ерундой. Я сторонник психологического метода, и никакая машина...

Стрелкина не дала ему договорить.

— Речь идет не о машинах, а именно о психологическом методе. Точнее — о человеческом мышлении. Оно может быть разным. Например, рациональным или парадоксальным. Современной фантастике, как и науке, все в большей степени становится свойственно парадоксальное мышление. Не ошибусь, если скажу, что это веяние века. Наступает время, когда преступники тоже начинают мыслить иначе, и если тот, кто расследует преступление, не в состоянии понять заложенный в нем парадокс, то рано или поздно... — она оборвала свою тираду очень выразительной гримасой.

Дебрэ сел. Ему совершенно ни к чему была эта практикантка со всеми ее сумасбродными идеями. Однако перед выходом на пенсию не стоило портить отношения с министерством внутренних дел. Ведь наградные, на которые он мог рассчитывать... А может быть, он просто хитрил сам с собой. Вполне благовидный предлог, чтобы отложить на две недели прошение об отставке. Объяснить жене, что при создавшейся ситуации его присутствие здесь просто необходимо. Международный культурный обмен и все такое.

— Так как вы представляете себе свою работу здесь?

— О, я ни на что не претендую! Разрешите мне быть безмолвной свидетельницей вашей работы. Если вы здесь поставите для меня маленький столик, я буду вполне

удовлетворена, а чтобы быть вам чем-нибудь полезной, я могла бы взять на себя секретарские обязанности.

Этого только не хватало!

— Я привык обходиться без секретаря, — сказал Дебрэ. — Что же касается столика, то Дюка все сейчас устроит.

— Отлично! — Стрелкина извлекла из сумочки портсигар. — Вы не возражаете?

— Пожалуйста, курите.

При этом глаза Дебрэ загорелись хищным огнем. Стрелкина протянула ему портсигар.

— Если разрешите, я возьму две.

Он разорвал сигареты и высыпал табак в трубку. Тем временем Стрелкина уже успела закурить.

Дюка вдохнул воздух и удивленно поднял брови.

Дебрэ зажег трубку. Казалось, что у него под носом вспыхнул пороховой заряд.

— Кхе-кхе-кхе!

— Что, слишком крепкие? — осведомилась Стрелкина.

— Да... кхе-кхе! Любопытный табак.

— Сигареты «Памир». Других я не признаю.

— И много их у вас? — деликатно спросил Дюка.

— Целый чемодан. Меня еще в Москве предупредили, что ваши сигареты — трава.

— Вот что, малыш, — сказал Дебрэ. — Пошли-ка кого-нибудь за табаком.

3. КРАСНЫЙ «ПОНТИАК»

Прошло три дня. Для Дебрэ это был самый тяжелый период за все сорок лет работы в уголовной полиции. Он постоянно чувствовал себя кем-то вроде диковинного зверя в зоопарке. Стрелкина не спускала с него любо-

пытных глаз. При этом у нее был такой напряженный вид, словно сию минуту должно было начаться расследование какого-нибудь головоломного преступления.

Между тем дела все шли ерундовые, и инспектора только изредка заходили в кабинет комиссара с докладом о поимке мелкого воришки или об очередном угоне автомобиля.

Последние годы Дебрэ привык в такие периоды затишья дремать в кресле, зажав зубами потухшую трубку. В присутствии же постороннего человека ему приходилось симулировать напряженную деятельность, в которой решительно не было никакой необходимости.

Зоя Никитична курила одну сигарету за другой из своего неисчерпаемого запаса. Постоянный запах табачного дыма заставил Дебрэ плюнуть на все предписания доктора Малинды. Теперь у него на работе всегда был табак. Дома дело обстояло сложнее. Мадам Дебрэ с редким искусством обнаруживала все подозрительные запахи. Но попался все же комиссар на работе. Он шел по коридору, пуская клубы дыма, когда неожиданно столкнулся с доктором Малиндой. Последовало короткое, но бурное объяснение, в результате которого Дебрэ удалось уговорить врача ничего не сообщать жене, а взамен пришлось дать согласие пройти несколько сеансов внушения.

Гипноз — великая вещь, но если вы курили свыше сорока лет, то он может только погасить желание, но никак не уничтожить его. Тем более, когда у вас постоянно под носом кто-то курит.

Не мудрено, что в этот день Дебрэ был в отвратительном настроении. Больше всего его раздражала Стрелкина. Ведь каждый из нас в таких случаях готов сделать виновником своих бед кого угодно, только не самого себя.

Дебрэ казалось, что, сумеет он хоть на день сплавить куда-нибудь практикантку, все пошло бы иначе. Наконец, перебрав все возможные варианты, он с преувеличенной вежливостью спросил:

— Может быть, мадам хочет посетить Лувр?

— О, я была в Лувре несколько раз.

— Тогда, может быть, поездка в Версаль? Правда, в это время года он не так хорош, как летом, но для иностранцев...

— Я была в Версале летом.

Дебрэ начал яростно сосать пустую трубку. Он был уверен, что еще час наедине с этой невозмутимой женщиной сведет его с ума. Нужно было что-то предпринять. Сослаться на недомогание и уйти домой? Но как в этом случае объяснить жене причину такого раннего возвращения? Он молил судьбу, чтобы она послала ему сегодня хоть самое ерундовое убийство. Ведь тогда он смог бы наконец продемонстрировать свой знаменитый метод, а Стрелкина удовлетворилась бы одним примером и вернулась к своим занятиям в Сорбонне.

Наконец Дебрэ решил:

— Может быть, мадам окажет мне честь пообедать со мной? Тут неподалеку есть кабачок, излюбленный уголовниками. Право, ни в одном детективном романе вы не найдете такой коллекции преступных типов.

— Охотно, комиссар! Только не называйте меня «мадам». Мы ведь с вами договорились.

Конечно, Дебрэ немного преувеличил, когда говорил об уголовниках. Это был обычный кабачок, охотно посещаемый проститутками и сутенерами. Они все знали комиссара в лицо, и, когда он со своей спутницей появился в дверях, наступила напряженная тишина. Все с любопытством разглядывали Стрелкину.

К ним подошел гарсон и проводил к свободному столу в углу.

— Сегодня есть отличное жиго! — доверительно нагнулся он к Дебрэ.

— Как вы относитесь к жигу, Зоя? — спросил комиссар.

— Ну что ж, жиго так жиго.

Комиссара тоже вполне устраивала баранина после утренней порции овсяной каши.

— Что мы будем пить?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Водку я днем не пью, а все ваши вина — ужасная кислятина. Впрочем, закажите мне то же, что и себе.

— Хорошо! Две рюмки перно.

Гарсон мгновенно выполнил заказ.

— За ваши успехи, комиссар!

Она чуть пригубила и удивленно взглянула на Дебрэ.

— У вас кашель?

— Нет, почему вы думаете?

— У нас эта штука продается в аптеках от кашля.

— Гм... — Дебрэ принялся за баранину.

Когда подали кофе, Стрелкина с увлечением начала пересказывать содержание какого-то научно-фантастического романа. Дебрэ рассеянно слушал. Его мало интересовала фантастика. Во всяком случае, значительно меньше, чем пара, сидящая в другом углу кабачка. Мужчина ничего особенного собой не представлял. Обычный тип, какого можно встретить повсюду. Массивного телосложения, облачен в вельветовые брюки и замшевую куртку со множеством застёжек. Густые черные волосы, мохнатые брови, мясистый нос, под которым красовались тщательно подбритые усики. Не то коммивояжер, не

то альфонс, а может быть, и то и другое. Женщина же явно принадлежала к привилегированному слою общества, хотя одета была нарочито скромно, видимо для того, чтобы не привлекать здесь лишнего внимания. Опытный глаз Дебрэ отметил золотой портсигар с бриллиантовой монограммой, который она небрежно вертела в пальцах, и безукоризненный покрой синего костюма. Красота ее холеного лица усугублялась огромными расширенными зрачками наркоманки. Такие глаза бывают обычно у человека, принявшего большую дозу морфия. Именно эти глаза заставили комиссара напрячь память. Где-то он их уже видел.

Дебрэ вспомнил. Это было ночью в особняке Костанов, когда он искал там спрятанную бомбу. Конечно, это была та женщина, которая прошла мимо него по коридору в тончайшем пеньюаре, оставляя за собой аромат дорогих духов. Его тогда еще поразило странное выражение ее глаз и неуверенная походка.

— Правда, интересно? — прервала Стрелкина его воспоминания. — Рассказывать дальше?

— Да, пожалуйста!

Дебрэ по движению губ пытался определить, о чем разговаривает та пара. Женщина почувствовала его взгляд, посмотрела на Дебрэ, нахмурилась и что-то сказала своему спутнику. Они поднялись, женщина вынула из сумочки ассигнацию, положила на столик и направилась к выходу. Мужчина последовал за ней.

— Простите! — перебил Дебрэ Стрелкину. — Я вас покину на несколько минут. Мне нужно отдать кое-какие распоряжения Моррансу.

Он подошел к телефону, откуда можно было, оставаясь незамеченным, вести наблюдение за улицей.

Наискось от кабака стоял красный «понтяк», спортивная модель последнего выпуска. Мужчина в замше-

вой куртке открыл дверцу, пропустил вперед свою даму, а сам сел за руль.

Дебрэ подождал, пока они отъехали, и записал номер машины. После этого он позвонил в уголовную полицию.

— Инспектор Морранс у телефона!

— Слушай, малыш, — тихо сказал Дебрэ, — узнай-ка быстренько, кому принадлежит «пontiак». Номер я тебе сейчас назову. Записывай!

— Слушаю, комиссар!

Дебрэ продиктовал ему номер машины.

— Куда вам сообщить?

— Я буду через полчаса.

Он вернулся к столику. Стрелкина курила очередную сигарету, жадно рассматривая компанию подвыпивших парней.

— Уголовники? — шепотом спросила она Дебрэ.

— Безусловно! — ответил комиссар. Он хорошо знал этих славных ребят — мясников с Центрального рынка, но нельзя же разочаровывать практикантку. Ведь он сам ей обещал роскошную коллекцию уголовных типов.

В кабинете на столе его уже ждало донесение Морранса. Красный «пontiак» две недели назад был взят напрокат неким Жаном Пьебефом, проживающим на улице Франсуа, дом 15, по профессии спортивным комментатором. Плата за машину была внесена за месяц вперед.

— Странно! — сказал Дебрэ. — Очень странно!

— Что странно? — поинтересовалась Стрелкина.

— Странно, что после сеанса гипноза мне хочется курить еще больше, а курить противно, — уклончиво ответил комиссар.

4. СЕРЕБРЯНЫЙ ЛЕДОРУБ

Весь воскресный день Дебрэ нервничал. К этому было несколько причин. Его удручала жесткая диета, установленная женой, раздражало непроходящее желание курить. Кроме того, комиссар непрестанно думал о Жане Пьебефе. Какое отношение мог иметь этот вульгарный тип к аристократическому дому Костагенов? Не был ли он замешан в этой глупейшей шутке с бомбой? Но если действительно о бомбе сообщил он, то какими соображениями при этом руководствовался?

Наконец уже поздно вечером, когда мадам Дебрэ включила телевизор, комиссар заявил, что пойдет прогуляться.

Он купил в киоске на углу маленькую пачку табака и с наслаждением закурил. Первая же затяжка его немного успокоила.

Попыхивая трубкой, Дебрэ направился к особняку Костагенов.

Ветер по-прежнему гнал тучи, и только временами в их просвете показывался диск луны. Дебрэ выбрал себе наблюдательный пункт в скверике. Это затененное место делало его невидимым с улицы.

Очевидно, в особняке уже спали. Лишь в одном из окон второго этажа сквозь щель в плотной занавеси виднелся свет, но и тот вскоре погас.

Весь облик старинного здания с облупившимися колоннами почему-то вызывал у Дебрэ тревогу. Он никак не мог отделаться от мысли, что какая-то таинственная угроза нависла над обитателями этого дома...

Когда комиссар вернулся домой, мадам Дебрэ уже спала.

— Где ты был так долго? — спросила она, не открывая глаз.

— Гулял, — буркнул Дебрэ и погасил свет в спальне. Уснул он сразу, по всю ночь его терзали кошмары, и все они были так или иначе связаны с особняком Костагенов.

На работу Дебрэ явился позже обычного. Едва он открыл дверь, как навстречу ему бросилась взволнованная Стрелкина.

— Ах, комиссар! Я уже вас совсем заждалась! Убит Леон Костаген. Морранс и Дюка уже там, а я решила подождать вас. Вы ведь возьмете меня с собой, правда?

— Да, — сказал Дебрэ.

У подъезда особняка стояло три автомобиля. Двое полицейских с трудом сдерживали любопытных. Несколько поодаль стояла группа репортеров. Видимо, им не разрешали войти.

— На второй этаж, комиссар, — почтительно сказал полицейский.

Дебрэ поднялся по уже знакомой ему мраморной лестнице. За ним, пыхтя от возбуждения, следовала Стрелкина.

В дверях их встретил Морранс.

— Убит во сне ударом ледоруба в висок, — отрапортовал он. — Мы пока ничего не трогали. Видимо, преступник проник через дверь угольного подвала. Есть следы угля на полу. Вышел тем же путем. Шел в носках, ботинки надел уже на улице. Дальше след теряется, собака не берет. Убийство произошло не с целью грабежа: бумажник, в котором крупная сумма, лежит на ночном столике. Сейчас прибудет врач из соседнего округа.

— Почему не Малинда?

Морранс усмехнулся.

— Малинда отколол номер! В субботу уехал с женой в Компьень. Вчера вечером в Сен-Дени у самого комис-

сариата смял крыло полицейской машине. Когда составляли протокол, обругал инспектора скотиной и отказался предъявить документы. Они его задержали до утра. Сегодня позвонили, и я подтвердил, что он наш сотрудник. Обещали отпустить.

— Ладно!

Дебрэ подошел к кровати. Фотограф делал снимки. Убитый лежал на боку. На вид ему было лет 35. Несмотря на раздробленный висок, у него было безмятежное выражение лица, какое бывает у человека, убитого во сне.

— Все, комиссар! — сказал фотограф. — Двенадцать снимков.

— Хорошо.

Дебрэ приподнял одеяло. Убитый был совершенно гол. Тренированное, загорелое тело спортсмена, все мышцы расслаблены. Смерть наступила мгновенно, даже не проснулся.

— Так... — Дебрэ вновь накинул на него одеяло. — Кто обнаружил труп?

— Огюстен, дворецкий.

— Когда?

— В девять часов утра. Он всегда в это время приносит кофе.

— Кто сообщил в полицию?

— Он же.

— Когда?

— В пять минут десятого.

— Удар был нанесен этой штукой?

— Совершенно верно! Мы ее пока не трогали, могут быть отпечатки пальцев.

— Едва ли. Человек, идущий на преступление, сняв ботинки, редко забывает надеть перчатки. Все же проверить нужно.

Дюка опрыскал оружие убийства фиксатором и поднял, держа за лезвие рукой, обернутой платком.

— А ну, покажи-ка. — Дебрэ подошел поближе и взглянул на серебряную табличку, украшавшую рукоятку. — Что это такое?

— Серебряный ледоруб, — ответил Дюка. — Высшая награда ассоциации альпинистов. Преподнесена убитому два года назад.

— Позови Огюстена, — обратился Дебрэ к Моррансу.

Дебрэ помнил Огюстена еще с той ночи. Это он сопровождал комиссара по всему особняку. Сейчас у дворецкого был совсем перепуганный вид. Дебрэ предложил ему сесть. Дюка, Морранс и Стрелкина отошли к окну.

— Когда вы поступили в этот дом? — задал вопрос Дебрэ.

— Пятнадцать лет назад. Тогда еще были живы старые господа, а месье Леон и месье Пьер учились.

— Кто такой месье Пьер?

— Брат... покойного... месье Леона. — Дворецкий взглянул на кровать и снова опустил глаза.

— Месье Пьер живет тут?

— Да.

— Кто еще живет в доме?

— Мадам. Жена... месье Леона.

— Кто еще?

— Камилла, горничная мадам Костаген.

— А остальная прислуга?

— Шофер, кухарка и еще одна горничная, но они приходящие.

— У кого из прислуги есть ключи от входных дверей?

— Только у меня и у Камиллы.

— Кто запирает двери на ночь?

- Я.
- Сколько дверей?
- Три.
- А дверь от угольного подвала?
- Она никогда не запиралась.
- Почему?
- Попасть из подвала в дом посторонний человек не может, пройти можно только через потайной ход.
- Это тот ход, который вы мне показывали, когда я искал бомбу?
- Тот самый.
- В котором часу месье Леон вчера вернулся домой?
- Он вчера вообще не выходил из дому.
- А месье Пьер?
- Тоже.
- Когда вы заперли двери?
- В десять часов.
- Мадам Костаген тоже была дома?
- Нет. Она вернулась около одиннадцати.
- Она сама открыла дверь?
- Ключ был вставлен изнутри, и она позвонила. Я ей открыл.
- Когда вы легли спать?
- Сразу после этого.
- Ночью вы ничего не слышали?
- Нет.
- Где расположена ваша комната?
- В первом этаже.
- А комната Камиллы?
- Рядом с моей.
- Во сколько вы сегодня встали?
- В восемь часов. В это время обычно приходит прислуга.

- Через какую дверь они входят?
- Ту, которая ведет со двора.
- Она была утром заперта?
- Да.
- А остальные двери?
- Тоже.
- Прислуге известно о существовании потайного хода из угольного подвала?
- Нет, неизвестно.
- Итак, вы впустили прислугу. Что вы делали дальше?
- Сварил месье Леону кофе.
- Почему не кухарка?
- Я всегда это делаю сам.
- Когда вы отнесли кофе наверх?
- В девять часов. В это время я обычно бужу месье Леона. Я постучал в дверь, он не ответил. Тогда я вошел и увидел...
- Дворецкий вытащил из кармана платок и приложил к глазам.
- Дебрэ подождал, пока он немного успокоится, и задал новый вопрос:
- Что вы сделали после того, как увидели труп?
- Побежал сообщить мадам Костаген.
- Где находится ее комната?
- Рядом.
- Эта дверь ведет к ней?
- Да.
- Значит, вы не побежали, а просто вошли через эту дверь?
- Нет, эта дверь всегда заперта.
- Вот как? И давно?
- Больше года.
- Как реагировала мадам Костаген на смерть мужа?

— Она... Мне не сразу удалось ее разбудить... Она часто принимает снотворное и... Я решил, что лучше сразу сообщу в полицию, а потом уже...

— Месье Леон всегда спал без пижамы?

— Да, с детства.

— Вам знакома эта вещь? — Дебрэ указал на ледоруб.

— Да, это приз, который получил месье Леон.

— Где он обычно находился?

— Кто?

— Этот приз.

— Вон там, над каминной полкой.

Дебрэ подошел к камину, на котором красовалось несколько кубков. Все они, как явствовало из выгравированных надписей, были получены Леоном Костагеном за различные спортивные достижения.

В это время в комнату вошел маленький толстый человек с чемоданчиком в руке:

— Комиссар Дебрэ? Доктор Жаневье. Дело в том, что меня просили заменить доктора Малинду.

— Пожалуйста, вот труп.

Доктор Жаневье занялся покойником.

— Вот что, мальчики, — обратился Дебрэ к инспекторам, — допросите приходящую прислугу. Остальными я займусь сам. А вы, Огюстен, свободны.

— Мне можно остаться с вами? — спросила Стрелкина.

— Ну что ж, оставайтесь.

Тем временем врач закончил осмотр и вытер руки бумажной салфеткой, извлеченной из чемоданчика.

— Когда наступила смерть? — спросил Дебрэ.

— Десять-двенадцать часов назад. Точнее это можно будет сказать после вскрытия.

Дебрэ взглянул на часы. Было десять часов тридцать минут утра. Итак, убийство произошло вчера вечером.

5. ЛУИЗА КОСТАГЕН

Дебрэ пришлось дважды постучать, прежде чем за дверью комнаты мадам Костаген раздался слабый голос, приглашавший войти.

Да, это была она, все в том же пеньюаре. Она полулежала в глубоком кресле.

— Комиссар Дебрэ, мадам. — Он показал свой жетон. — А это моя помощница, мадам... э-э-э... Зоя.

Стрелкина поклонилась.

Хозяйка поморщилась и небрежным жестом предложила им сесть.

— Я буду вынужден задать вам несколько вопросов.

Она даже не удостоила его ответом. Только пожала плечами.

— Мое присутствие не помешает? — неожиданно раздался голос.

Дебрэ оглянулся и невольно вздрогнул. В старинном вольтеровском кресле у камина сидел убитый Леон Костаген. Ошибки быть не могло. Это было то же волевое лицо с чеканным профилем и густыми каштановыми волосами, спадавшими на лоб.

Двойник убитого с трудом поднялся, и тут Дебрэ увидел, что голова покоится на туловище горбатого карлика.

— Месье Пьер?

— Совершенно верно, комиссар, — в его голосе звучала горькая насмешка. — Пьер Костаген, брат Леона.

— Я бы предпочел поговорить с вами отдельно, — сказал Дебрэ, — а пока...

— Понимаю. Извините, Луиза, но мне придется на время вас покинуть...

Дебрэ вновь почудилась в его голосе насмешка. Он подождал, пока за Пьером закрылась дверь, и обратился к Луизе:

— Я понимаю, мадам, ваше горе, но в интересах следствия...

— Нельзя ли обойтись без вступления?

— Как вам будет угодно.

Дебрэ поглядел на туалетный столик, где среди многочисленных баночек и флаконов лежал медицинский шприц.

— Итак, первый вопрос: с какого времени вы прибегаете к наркотикам?

Луиза встала и убрала шприц в ящик.

— Это вас не касается, комиссар, и к следствию не имеет никакого отношения.

— Допустим, — согласился Дебрэ. — Сейчас я не буду настаивать на ответе. Тогда другой вопрос: когда вы вчера вернулись домой?

Она снова пожала плечами.

— Точно не помню. Кажется, около десяти.

— Вы виделись с мужем вчера вечером?

— Нет.

— Прошли сразу к себе в комнату?

— Да.

— И легли спать?

— Да.

— Вы крепко спите?

— Да.

— Морфий?

— Снотворное.

Луиза, не вставая, взяла со столика коробку с люминалом и швырнула на колени Дебрэ.

— Значит, вы ночью ничего не слышали?

— Нет.

— Где вы провели вечер?

— Это вас не касается.

— И все же?..

— Ужинала в ресторане.

— С кем?

— Не имеет значения. Ну, хотя бы с любовником.

— На чем вы приехали домой?

— На такси.

— А почему вас не подвез на своем «понтиаке» Жан Пьебеф?

Луиза побледнела и закусил губу.

— Ах, вы и это знаете?! Что ж, ничего другого от полицейской ищейки ждать не приходится! Так вот, комиссар, больше ни на один ваш вопрос я отвечать не стану. Прошу оставить меня в покое.

— И все же я вынужден вам задать еще один вопрос: кто ведет денежные дела вашей семьи?

— Метр Севаль. Все?

— Пока все, мадам. — Дебрэ встал, вежливо поклонился, пропустил вперед Стрелкину и осторожно прикрыл за собой дверь.

— Теперь вы приметесь за Пьера? — спросила Стрелкина.

— Пожалуй, это преждевременно. Сейчас меня больше интересует Камилла, горничная мадам Костаген.

6. СНОВА КРАСНЫЙ «ПОНТИАК»

Трудно было предположить, что такая женщина, как Луиза Костаген, выберет себе в горничные древнюю старуху, к тому же весьма неопрятного вида. Маленькие

злые глаза Камиллы поочередно буравили Дебрэ и Стрелкину.

— Что вам от меня нужно?

— Каковы ваши обязанности в этом доме?

— Прибираю в комнате госпожи.

— И, надеюсь, пользуетесь ее полным доверием?

Старуха фыркнула.

— Доверием?! А как вы думаете, если я живу в этом доме уже тридцать пять лет? Нет уж, комиссар, спросите что-нибудь поумнее.

— Итак, вы живете тут тридцать пять лет. Значит, вы поступили еще до рождения нынешних хозяев?

— Я была кормилицей Пьера и Леона.

— Они близнецы?

— Близнецы.

— А когда же Пьер получил увечье?

— Пяти месяцев от роду.

— При каких обстоятельствах?

Камилла извлекла из кармана передника клетчатый платок и громко высморкалась.

— Много знать хотите, комиссар.

— Вы обязаны отвечать на мои вопросы.

— Ишь какой! Молоды вы меня страшать!

Дебрэ усмехнулся. До чего же относительно наши понятия о возрасте. Вот этой старухе он, шестидесятипятилетний полицейский, кажется юнцом. Впрочем, обстоятельства увечья были ему ясны. Судя по всему, невольной виновницей была сама Камилла. Пятимесячному ребенку выскользнуть из рук кормилицы не так уж сложно. Естественно, что она не хочет об этом говорить. И так, видимо, постоянные укоры совести не дают ей покоя.

— Хорошо, — примирительно сказал Дебрэ, — не будем ворошить старое.

— Вот так-то лучше.

— Какие были отношения между братьями? Они никогда не ссорились?

— Ссорились?! Вот уж дурацкий вопрос! Да они души не чаяли друг в друге, Пьер и Леон! Всю жизнь, с самого рождения.

— Так... — Дебрэ машинально вынул из кармана трубку.

— А у нас тут не курят! — раздраженно сказала Камилла. — Если невтерпеж, выйдите во двор.

Дебрэ повертел трубку в руках и спрятал в карман.

— Вы не замечали, чтобы между мадам Костаген и мужем были какие-нибудь ссоры?

— Я в чужие дела нос не сую.

— Принимала ли мадам Костаген здесь, в доме, своих знакомых?

— Нет.

— А сама часто уезжала?

— Когда надо, тогда и уезжала.

— Каждый день?

— Не знаю.

— Когда вы вчера легли спать?

— Вечером, а когда точно — не помню.

— Вы крепко спите?

— Как когда.

— Сегодня ночью вы ничего не слышали?

— Слышала.

— Что именно?

— Как храпит Огюстен. Эта старая перечница...

— Ладно, — Дебрэ встал. — Я вижу, вы преданная горничная. Ну что ж, может, нам еще придется побеседовать.

— Из этой старухи много не вытянешь, — сказала Стрелкина, когда они снова поднялись на второй этаж.

— Ошибаетесь, — буркнул Дебрэ. — Я считаю, что она нам сообщила очень важные подробности.

— Какие?

Дебрэ не ответил.

Труп уже увезли на вскрытие. В комнате убитого был один Морранс.

— Ну как? — спросил Дебрэ.

— Вся проходящая прислуга допрошена. Видимо, у всех есть достаточно убедительное алиби. Сейчас Дюка все это проверяет.

— Отлично! Мы едем в полицию.

— Как?! Разве вы не будете допрашивать Пьера Костагена? — удивилась Стрелкина.

— Вызвать такси? — спросил Морранс.

Дебрэ поморщился. Он очень редко пользовался казенной машиной, только в исключительных случаях, когда за рулем сидел кто-нибудь из инспекторов. Сам он так и не научился управлять автомобилем. Что же касается расходов на такси, то каждый из нас с приближением пенсионного возраста становится немного скуповатым, не правда ли? Поэтому привыкший к причудам шефа Морранс не удивился, когда комиссар раздраженно заявил, что поедут они в автобусе.

Однако сегодня судьба уготовила им другой вид транспорта. Они прошли под морозящим дождем с полквартала, когда Дебрэ заметил на углу съежившуюся фигурку Пьера Костагена. Горбун кого-то поджидал и явно нервничал. Он поминутно поглядывал на часы, раздраженно топая ногой.

Дебрэ молча увлек своих спутников в ближайший подъезд.

— Что-нибудь случилось, комиссар? — спросил Морранс.

— Нет, но, вероятно, сейчас случится.

Вскоре в конце улицы показался красный «пontiак», идущий на большой скорости. Он поравнялся с Пьером Костагеном и резко остановился. Человек за рулем опустил стекло. Пьер бросился к машине.

— Пойдем! — сказал Дебрэ.

Пьер был настолько поглощен разговором с человеком за рулем, что вздрогнул, когда Дебрэ сказал:

— Отвратительная погода для прогулок, мосье Костаген, не так ли?

Пьер состроил гримасу, многозначительно взглянул на водителя «пontiака» и, не говоря ни слова, направился к дому.

Дебрэ открыл дверцу машины.

— Месье Жан Пьебеф, если не ошибаюсь?

— К вашим услугам.

— Садись-ка за руль, — обратился Дебрэ к Моррансу, — а мы сядем сзади.

— Что это за штуки?! — спросил огорошенный Пьебеф.

Дебрэ показал ему свой полицейский жетон.

— Вы арестованы!

— За что?!

— Вот об этом мы с вами поговорим в полиции.

7. ДЕБРЭ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ЗАВТРАКАТЬ

— Проведи его в арестантскую, малыш, и хорошенько обыщи машину, а я пока займусь другими делами.

Дебрэ поднялся в кабинет, повесил промокшее пальто на гвоздь и закурил.

Стрелкина уселась за свой столик. Она с каким-то благоговейным трепетом уставилась на комиссара, окутанного клубами дыма. Наконец-то начался настоящий

детектив в духе Сименона. Прошло минут десять, прежде чем она решилась обратиться к комиссару:

— Вы подозреваете этого Пьебефа в убийстве?

Дебрэ поморщился. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь прерывал ход его мыслей.

— Как вы сказали? — переспросил он. — Подозреваю в убийстве?

— Да.

— В убийстве Леона Костагена?

— Конечно, кого же еще?

— Вот уж чепуха! Никакого отношения к убийству Леона Костагена он не имеет. Это же абсолютно ясно!

— Но почему?

— Человек, проникший в чужой дом, чтобы совершить убийство, всегда приносит оружие с собой, а не пользуется для этой цели первым попавшимся предметом, взятым в комнате убитого.

— Зачем же вы тогда арестовали Пьебефа?

— Для получения дополнительных данных.

Дебрэ взял телефонный справочник и начал листать, показывая этим, что урок основ криминалистики на сегодня закончен.

В кабинет вошел Морранс. Дебрэ поднял голову.

— Ну что, малыш?

— Парень, видно, напуган, но держится вызывающе. Говорит, что будет жаловаться на незаконный арест. А вот что я нашел в машине под сиденьем. — Морранс протянул комиссару футляр из крокодиловой кожи.

— Так... — Дебрэ осмотрел содержимое футляра и спрятал его в стол. — Еще какие новости?

— Лаборатория не нашла отпечатков пальцев на ледорубе. Очевидно, преступник действовал в перчатках.

— Разумеется. Что показало вскрытие?

— Убийство произошло между десятью и одинна-

дцатью часами вечера. В желудке убитого обнаружено большое количество коньяка.

— Вот как? — Дебрэ задумался. — Насколько я помню, в комнате не было ничего похожего на спиртное.

— Совершенно верно, комиссар.

— Где сейчас труп?

— Выдан родственникам для погребения.

— Ладно, можешь пока идти.

— Вы будете допрашивать Пьебефа?

— Потом. В свое время.

Несколько минут Дебрэ молча глядел на Стрелкину, что-то обдумывая. Потом придвинул к себе телефон внутренней связи.

— Доктора Малинду!

— Слушаю! — раздался в трубке низкий баритон.

— Говорит Дебрэ. Зайдите ко мне, пожалуйста!

Доктору Малинде было сорок лет. Он обладал веселым характером, незаурядной внешностью и непрерываемо-авторитетным тоном. Как известно, все это привлекает женщин. Недаром мадам Дебрэ считала его непогрешимым авторитетом в области медицины. Да и не только медицины. Все суждения молодого врача всегда отличались ясностью и оптимизмом. Он вошел в кабинет Дебрэ с несколько смущенной улыбкой.

— Добрый день, комиссар! Прошу извинить меня за эту глупейшую историю. Вы же знаете лучше меня этих полицейских чиновников. Должен сознаться, что нам с женой пришлось провести ночь в не очень комфортабельных условиях. И все из-за какого-то помятого крыла полицейской машины. Вы знаете, я редко теряю самообладание, но этот идиот инспектор совершенно вывел меня из себя. Впрочем, нет худа без добра. По правде сказать, я даже рад, что не принимал участия в вашем деле.

— Почему?

Малинда замялся.

— Длинная история. В общем, моя жена... ведь она дальняя родственница Костагенов. После замужества она с ними не встречалась, и, право, мое появление в их доме при подобной ситуации...

— Понимаю, — сказал Дебрэ. — Я вас хочу просить о другом. — Он вынул из стола крокодиловый футляр. — Не могли бы вы определить содержимое этих ампул?

— Попробую. — Малинда внимательно осмотрел футляр снаружи и изнутри. — Это тоже связано с убийством Леона?

— Полагаю, что связано. Видимо, эти ампулы должны были быть переданы кому-то из Костагенов.

— Отлично! Я к вам зайду, как только что-нибудь выяснится.

Дебрэ снова взял телефонный справочник. Нашел номер метра Севаль, попросил телефонистку соединить его с ним.

Долгое время на звонки никто не отвечал. Потом недовольный голос буркнул в трубку:

— Ну, что там такое?

— Говорит комиссар уголовной полиции Дебрэ.

— Кто вам нужен?

— Метр Севаль.

— Это я. Говорите, в чем дело.

— Вам известно об убийстве Леона Костагена?

— Об этом знает весь Париж. Во всяком случае, всякий, кто читает газеты.

— Покойный был вашим клиентом?

— Да.

— Вы могли бы сообщить мне размер его состояния?

— Нет.

— Почему?

— Подобные сведения даются только по решению судебных органов. Вам это должно быть известно, комиссар.

— Я не прошу называть мне точную сумму.

— Тогда что же?

— Скажите только, велико ли это состояние?

— В этом можете не сомневаться.

— Кто его наследует?

— По брачному договору жена.

— А брат?

— Вы имеете в виду месье Пьера?

— Да.

— Он не является наследником. Состояние родителей по завещанию было разделено между двумя братьями.

— А в случае смерти Луизы Костаген кто должен наследовать ее капитал?

— Не знаю. Такие вещи решаются судом.

— Если нет завещания?

— Совершенно верно.

— Благодарю вас, метр Севаль! — Дебрэ положил трубку.

— Попросите, пожалуйста, Дюка зайти ко мне, — обратился он к Стрелкиной.

Доклад Дюка не внес ничего нового. Вся приходящая прислуга имела тщательно проверенное алиби.

— Что вы думаете делать дальше, комиссар? — спросила Стрелкина.

— Съесть пару сэндвичей и выпить чашку кофе.

— Я с удовольствием составлю вам компанию.

Дебрэ про себя чертыхнулся и галантно подал ей пальто.

Дебрэ уже давно достиг того возраста, когда после каждой еды клонит в сон. Инспектора это хорошо знали и обычно давали комиссару подремать часок в кресле. Однако в присутствии практикантки ему приходилось хитрить. Вот и сейчас он, прикрыв глаза, изображал глубокое раздумье. Разбудил его доктор Малинда, хлопав по плечу.

У разбуженного человека всегда глуповатый вид, совсем не такой, какой пристал прославленному криминалисту, но и врач и практикантка проявили достаточно такта, прикинувшись, что ничего не замечают.

— Простите, что прервал ваши размышления, — сказал Малинда. — Анализ закончен. В ампулах морфий, доза, которую обычно употребляют закоренелые наркоманы. Боюсь, комиссар, что этот футляр предназначенся Луизе. Не знаю, известно ли вам, что она...

— Известно, — прервал его Дебрэ. Он взял футляр и спрятал в стол. Чувствовал он себя очень неловко. Было двадцать минут пятого, значит, проспал он не менее двух часов. — Мне это известно, — повторил Дебрэ, закуривая потухшую трубку. — Поэтому я и попросил вас...

— Комиссар!! — В голосе Малинды было столько укоризны, что Дебрэ вздрогнул. — А наш уговор?! Поймите, что для вашей язвы табак сущий яд. Нет, видно, мне все же придется прибегнуть к помощи мадам Дебрэ.

— Не надо. — Комиссар спрятал трубку в стол. — Не надо зря волновать мадам Дебрэ. Лучше уж давайте еще один сеанс внушения.

— Никакие сеансы не помогут, если вы сами не будете бороться с этой привычкой. Тем более что завтра

утром я уезжаю в отпуск, и присматривать за вами будет некому. Нет, нет, мой долг...

— Ну пожалуйста! — Дебрэ умоляюще взглянул на врача. — Я ведь обещаю...

— Что с вами подлаешь! — вздохнул Малинда. — Пойдемте!

Из кабинета Малинды Дебрэ вернулся совсем в скверном настроении. Он втянул ноздрями воздух и демонстративно открыл форточку. Смущенная Стрелкина затушила сигарету.

— Приведи-ка этого парня, Морранс! — крикнул Дебрэ, приоткрыв дверь в комнату инспекторов.

У Жана Пьебефа вид был одновременно наглый и испуганный.

— Я жду объяснений, комиссар!

— Объяснений?! — Дебрэ улыбнулся, что обычно не предвещало для арестованных ничего хорошего. — Объяснений, говоришь?

— Да, — уже менее уверенным тоном произнес Пьебеф.

— Ладно. Так вот, я расследую убийство мужа вашей любовницы.

— Которой? — простодушно спросил Пьебеф.

Стрелкина рассмеялась.

— Луизы Костаген. — Дебрэ неодобрительно взглянул на практикантку. — Леона Костагена, мужа Луизы. Вам что-нибудь говорит это имя?

— Разве муж Луизы убит?

— Да, вчера вечером.

— Очень жаль, — задумчиво произнес Пьебеф. — Бедняжка, вероятно, очень расстроена? Мне кажется, что она любила своего мужа.

— Возможно. Но это не помешало ей стать вашей любовницей.

Пьебеф ухмыльнулся и достал портсигар.

— Разрешите?

— Не разрешаю. — Дебрэ и впрямь теперь чувствовал отвращение к табачному дыму. — Когда Луиза стала вашей любовницей?

— Да что вы, комиссар! Никогда она моей любовницей не была. Сказать по правде, такая женщина вообще не в моем вкусе. Слишком тонка, на мой взгляд. — Он поглядел на Стрелкину и подмигнул ей. — Я люблю, чтобы были такие формы, как у мадам.

Дебрэ нахмурился.

— Послушайте, Пьебеф. Я вам уже сказал, что речь идет об убийстве. Мне нужны честные показания. В этом случае я готов не обращать внимания на некоторые обстоятельства, которыми обычно полиция не пренебрегает. В частности, обещаю не спрашивать, откуда под сиденьем вашей машины появилась эта штука. — Дебрэ извлек из стола крокодиловый футляр. — Итак, выбирайте: либо полная откровенность, либо адреса, где вы приобретаете наркотики.

Пьебеф побледнел. От его прежней самоуверенности не осталось и следа.

— Ну что ж, комиссар, давайте говорить откровенно.

— Сколько времени вы знакомы с Луизой Костаген?

— Два года.

— Она была вашей любовницей?

— Я же сказал, что не была, можете мне верить.

— Вы ее снабжали морфием?

— Как вам сказать?.. Ну, снабжал.

— Когда вы ее видели в последний раз?

— В субботу.

— Где?

— В кабачке «Голова вепря».

— Она вам назначила свидание?

- Да.
- Вы ей привезли морфий?
- Нет.
- Почему?
- У меня его не было. Не достал.
- Вы условились встретиться в другой раз?
- Нет, она сказала, что больше ей морфий не нужен.
- Она объяснила, почему не нужен?
- Решила бросить.
- Чем было вызвано это решение?
- Не знаю, она мне не сказала.
- Вы ее отвезли домой?
- Да.
- В воскресенье вы с ней виделись?
- Нет.
- Где вы были в воскресенье вечером?
- В котором часу?
- Между десятью и одиннадцатью.
- В радиостудии. Вел передачу, спортивный обзор за неделю.
- Когда началась передача?
- Ровно в десять.
- Когда окончилась?
- Около одиннадцати.
- Что вы делали потом?
- Ждал конца передач.
- Зачем?
- Ну... пока освободится моя подружка, дикторша.
- Как ее фамилия?
- Мишу. Эмма Мишу.
- Вы ночевали у нее?
- Да.
- В котором часу вернулись домой?

— Около девяти утра. Эмма в восемь ушла на работу.

— Когда вам позвонил Пьер Костаген?

— Вскоре.

— Что он вам сказал?

— Он сказал, что Луиза очень расстроена и что...

— Ей нужен морфий?

— Да.

— И назначил вам свидание на углу?

— Да.

— Вы с ним раньше встречались?

— Нет.

— Откуда он узнал ваш телефон и то, что вы снабжаете Луизу морфием?

— Не знаю. Может быть, ему сказала Луиза.

Дебрэ откинулся на спинку кресла.

— Вероятно, вы не врете, Пьебеф. Впрочем, все ваши показания мы проверим. Остается выяснить одно: в субботу вечером у вас не было морфия, а в понедельник утром оказался. Где вы его взяли?

— Комиссар! — Пьебеф развел руками. — Вы же обещали! Вот и верь после этого...

— Хорошо. — Дебрэ встал. — Я всегда держу слово, но предупреждаю, если вы еще раз попадетесь...

— Я тоже держу слово. Верьте мне, что с этим покончено навсегда. Я ведь хотел только помочь этой даме.

Дебрэ усмехнулся.

— Будем надеяться, Пьебеф, что это так.

— Я могу быть свободным?

— Не раньше вечера. Нам еще нужно проверить ваше алиби в деле об убийстве.

— Мерзкий тип! — воскликнула Стрелкина, когда Морранс увел арестованного.

— Еще не самый мерзкий во всей этой истории, — задумчиво сказал Дебрэ.

Он надел пальто и сунул во внутренний карман пиджака футляр с морфием.

— Вы уезжаете? — спросила Стрелкина.

— Да. Сейчас самое время допросить Пьера Костагена. Только я думаю, что мне это лучше сделать без вас. А вы пока попросите Морранса проверить на радио все, что касается алиби Пьебефа.

9. ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Дебрэ пришлось долго звонить, пока не приоткрылась окованная медью дубовая дверь и старческий голос спросил:

— Кто там?

— Полиция.

— Ах, это вы, комиссар! Сейчас минутку, я сниму цепочку.

Дверь снова прикрылась. Раздался звук снимаемой цепи, а затем в проеме возникла сгорбленная фигура Огюстена.

— Извините, комиссар, но я теперь закрываю на все запоры, тем более что, кроме меня, в доме никого нет.

— Где же ваши хозяева?

— Уехали в Понтуаэ, в свое поместье. Там ведь семейный склеп Костагенов. Мадам пожелала, чтобы месье Леона перевезли туда.

— Когда будут похороны?

— Завтра.

— И мадам с месье Пьером вернутся в Париж?

— Да, завтра к вечеру.

Дебрэ задумался. Ему очень не хотелось откладывать допрос Пьера Костагена. Кто знает, что может

произойти за сутки? Полицейский, ведущий расследование, всегда выбирает наиболее подходящий психологический момент для допроса. В этом главное его преимущество. Кроме того, Дебрэ интересовали кое-какие подробности, от которых зависел весь дальнейший ход следствия. Впрочем, это можно было выяснить и в отсутствие хозяев.

— Мне нужно еще раз осмотреть комнату убитого.

— Пожалуйста, комиссар, — дворецкий посторонился, давая Дебрэ пройти.

В спальне Леона Костагена все оставалось нетронутым. Даже подушка с засохшей кровью хранила след головы убитого.

— Ваш инспектор велел тут ничего не убирать, — пояснил дворецкий.

«Молодчина Морранс! — подумал Дебрэ. — Из этого мальчика со временем выйдет толковый криминалист».

— Хорошо. — Дебрэ сел в кресло у стола. — Я произведу осмотр. Когда вы понадобится, я вас вызову.

— Как вам угодно. Вот звонок.

Еще некоторое время после ухода дворецкого Дебрэ сидел в кресле, собираясь с мыслями. Итак, первая деталь: в желудке убитого обнаружен алкоголь. Судя по тому, что в крови его было совсем немного, Леон пил незадолго до смерти. Должны же быть где-то бутылка и стакан. Ну хотя бы бутылка, если предположить, что он пил прямо из горлышка.

Дебрэ тщательно простукал стены в поисках замаскированного бара, но ничего не обнаружил. Исследование камина тоже не дало результатов.

Видимо, Леон пил не у себя в комнате. Но тогда спрашивается — где? Из дома в этот день он не выхо-

дил. Следовательно, есть три варианта: либо в столовой или библиотеке, либо у брата, либо у жены. Первый вариант легко поддается проверке, нужно только допросить Огюстена. Но странно было бы, если бы спортсмен, уделяющий столько внимания тренировкам, стал ни с того ни с сего глушить коньяк стаканами. Значит, к этому были какие-то причины. Может быть, сильное волнение, вызванное разговором с братом или женой. Однако, если верить Луизе, она вечером не виделась с мужем. Гм... если верить.

Дебрэ подошел к запертой двери, ведущей в спальню мадам Костаген. Человеку, проработавшему сорок лет в полиции, не так уж трудно открыть простой дверной замок.

Ничего спиртного в комнате Луизы не оказалось. Впрочем, бутылку могли уже убрать. Дебрэ открыл ящик туалетного столика, куда Луиза утром спрятала шприц. Он все еще находился там, а рядом — точно такой же футляр из крокодиловой кожи, какой Пьебеф собирался передать Пьеру Костагену. Дебрэ сличил содержимое обоих футляров. Сомнений быть не могло, ампулы того же размера, только в футляре Луизы оставалась всего одна, тогда как тот, что был изъят у Пьебефа, содержал двенадцать штук.

Дебрэ положил футляр Луизы на место, вернулся в комнату Леона и снова запер дверь.

«Ну что ж, — подумал Дебрэ, — приступим к проверке следующих вариантов».

— Вот что, Огюстен, — сказал он, когда явился вызванный звонком дворецкий, — где у вас в доме бар?

— Один в библиотеке, другой в столовой.

— Мне нужно их осмотреть.

— Пожалуйста, комиссар.

Содержимому обоих баров мог бы позавидовать са-

мый тонкий ценитель спиртного, однако, к удивлению Дебрэ, ни одна бутылка не была откупорена.

— У вас что, никто не пьет?

Огюстен пожал плечами.

— Месье Леон не пил, мадам тоже, а гостей у нас не бывает.

— Вот как? Ну, а месье Пьер?

— У месье Пьера свой бар.

У Дебрэ непроизвольно напряглись все мышцы. Это с ним бывало всегда, когда наконец появлялся верный след.

— Проведите меня в комнату месье Пьера, — сказал он тоном, не допускающим возражений.

Долгая практика научила Дебрэ с первого взгляда определять по виду комнаты характер ее владельца. Но тут он остановился в недоумении. Вся обстановка напоминала скорее будуар кокетки, чем жилище холостяка. Старинная двуспальная кровать в глубоком алькове, освещаемом причудливым светильником, множество зеркал, туалетный столик, уставленный всевозможными косметическими принадлежностями, небрежно брошенный на спинку кресла японский халат, потолок, расписанный картинами фривольного содержания, — все это совершенно не гармонировало с обликом жалкого горбуна, каким оставался Пьер в памяти комиссара.

— Вот бар, — сказал Огюстен, — только, мне кажется, он всегда заперт.

Дебрэ подошел к небольшому шкафу черного дерева, украшенному фигурками из слоновой кости. Он поколдовал над дверцей, и она распахнулась.

Среди множества початых бутылок там была опорожненная бутылка старого коньяка и два стакана, из которых, судя по всему, недавно пили.

Дебрэ хотел было уже захлопнуть дверцу, но его пальцы нащупали на ее внутренней стороне странный выступ. Он нажал на него пальцем.

Тонкая стенка опустилась вниз, открыв фотографию обнаженной Луизы Костаген.

10. НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ СОБЫТИЙ

Человеку, расследующему преступление, часто приходится искать внутреннюю связь между фактами, казалось бы, внешне несопоставимыми. Дебрэ в таких случаях любил сгруппировать данные, в которых в первую очередь нужно было исключить противоречия. Вот и теперь, взяв лист бумаги, он нанес на него все, что подлежало анализу:

Криминалистические данные

1. Предупреждение по телефону о готовящемся покушении.
2. Убийца проникает через угольный подвал.
3. Убийце известен по-тайной ход.
4. Убийца пользуется ледорубом, взятым в комнате Леона, а не приносит с собой оружие.
5. Подтверждение алиби Пьебефа.

Данные о семье Костагенов

1. Запертая дверь между спальнями супругов (в течение года).
2. Пьебеф снабжает Луизу морфием.
3. Луиза принимает решение не пользоваться больше услугами Пьебефа.
4. Пьер заказывает Пьебефу морфий для Луизы.
5. Пьебеф считает, что Луиза любила мужа.

6. Подтверждение алиби приходящей прислуги.
7. Убийца не взял бумажник Леона.
8. Подтверждено лабораторией, что отпечатки пальцев на одном из стаканов в баре Пьера принадлежат Леону.

6. Фотография Луизы у Пьера.
7. Камилла утверждает, что братья были очень дружны.
8. Леон перед смертью пьет коньяк с Пьером.
9. Пьер не наследует состояние Леона.
10. Луиза берет себе в горничные Камиллу, виновницу увечья Пьера.
11. Пьер очень заботится о своей внешности (косметика).

Любой полицейский инспектор сосредоточил бы свое внимание на левой колонке, где содержалось все, что непосредственно относится к убийству. Однако Дебрэ больше привлекала правая. Там были свои психологические противоречия, а комиссара в первую очередь интересовала загадочная жизнь обитателей старинного особняка. В их отношениях чувствовалась какая-то скрытая трагедия, которая, быть может, и служила ключом к разгадке преступления.

Более двух часов под восхищенным взглядом Стрелкиной он изучал обе колонки. Затем сунул исписанный лист в карман и молча надел пальто.

— Вы уезжаете домой? — спросила практикантка.

— Да, — буркнул Дебрэ и направился к двери.

На набережной он остановил проезжавшее такси.

Забившись в угол машины, он попытался представить себе загадочные взаимоотношения этих трех лю-

дей. Красавец Леон, спортсмен и наверняка кумир многих женщин, наркоманка Луиза, жалкий калека Пьер. Вот они собираются на обед в столовой, обставленной старинной дубовой мебелью. О чем они разговаривают за обедом? И разговаривают ли вообще? Может быть, просто молча отбывают эту тягостную обязанность, пока им прислуживает Огюстен, такой же древний, как и весь особняк, а потом расходятся по своим комнатам? Как проводят вечер? В доме нет ни радио, ни телевизора. У книг в библиотеке такой вид, будто ими давно никто не пользуется. Луиза часто уезжает к каким-то знакомым, Леон в спортивный клуб. Остается один Пьер наедине со своим баром и потайным ящиком с фотографией нагой Луизы. Кстати, как она к нему попала? Подобные сувениры дарят только любовнику, но невозможно предположить, чтобы такая женщина...

— Приехали, комиссар!

Дебрэ поморщился. Очень трудно работать, когда каждый таксист знает тебя в лицо.

В 9 часов вечера Дебрэ занял наблюдательный пункт в сквере напротив особняка Костагенов.

Ждать ему пришлось недолго. Вскоре к дому подъехал черный «панхард», из которого вышли Пьер и Луиза в сопровождении Камиллы. Они вошли в дом, а шофер отвел машину в гараж.

В особняке осветилось несколько окон, но тут же плотные шторы скрыли от Дебрэ все, что за ними происходит.

Моросил дождь, но Дебрэ не покидал поста, пытаясь разгадать, что творится сейчас в доме. Подсознательно он чувствовал тревогу. Ему казалось, что смерть еще не собрала там всей жатвы...

Вернулся домой он мокрый и продрогший.

Мадам Дебрэ уже спала.

Дебрэ скинул с себя промокшую одежду, налил ванну и с наслаждением погрузился в горячую воду.

Перед тем как лечь в постель, комиссар долго разглядывал лист с данными следствия. Последняя запись, которую он там сделал, прежде чем потушить свет, гласила:

Оформить ордер на арест Пьера Костагена!

...Мадам Дебрэ недаром была женой комиссара уголовной полиции. Встав утром, чтобы приготовить диетический завтрак мужу, она быстро оценила ситуацию вчерашнего вечера. Грязное белье на полу в ванной и нетронутый ужин свидетельствовали о тяжелом дне, который выпал на долю комиссара. Поэтому она решила дать ему выспаться и выключила звонок будильника.

Все же выспаться Дебрэ не удалось. В начале девятого у него над ухом зазвонил телефон. Взволнованный голос Морранса сообщил, что убит Пьер Костаген. Машина с Дюка вышла за комиссаром. Все остальные уже на месте преступления.

Дебрэ выругался и начал торопливо одеваться. Спустя несколько минут он надевал в передней еще не просохшее за ночь пальто и шляпу.

Дюка в машине уже ожидал у подъезда. Дебрэ плюхнулся рядом с ним на сиденье.

— А ну, малыш, гони всю!

В комнате убитого было много народа. Пьер Костаген сидел в кресле, уставившись остекленевшими глазами на фотографию Луизы. Распухший язык вывалился из рта, отчето казалось, что покойник дразнит свою прелестную невестку. Шея его была обмотана шелковым шарфом, скрученным наподобие веревки. У ног убитого рыдала Камилла. Фотограф устанавливал треногу аппарата, выбирая наиболее выгодный ракурс. В углу на стуле сидел обезумевший от горя Огюстен.

Морранс прервал разговор с молодым человеком в элегантном сером костюме и подошел к Дебрэ.

— Мы ничего не трогали до вашего приезда.

— А это кто?

— Доктор Гойяр. Он со вчерашнего дня заменяет Малинду.

Молодой человек в сером почтительно поклонился.

В это время кто-то сзади тронул Дебрэ за локоть.

— Какой ужас, комиссар! — По щекам Стрелкиной катились слезы. — Не пощадили даже калеку!

— А, и вы здесь, — сказал Дебрэ без особого энтузиазма.

— А как же? — Стрелкина обиженно поджала губы. — Ведь у нас была договоренность...

— Ладно! — Дебрэ терпеть не мог женских обид и слез. — Оставляйтесь, если вам нравится. Прошу вас, доктор, начинайте.

Врач снял с шеи убитого шелковый жгут и внимательно осмотрел кровоподтеки, затем через лупу исследовал глаза и обратился к Дебрэ:

— Задушен вчера вечером.

Дебрэ взял в руки шарф, от которого исходил слабый запах духов.

— Кому принадлежит эта вещь, Камилла?

— Кому? — Старуха подняла на Дебрэ полный ненависти взгляд. — Кому же он может принадлежать, как не этой змее, — она ткнула корявым пальцем в фотографию Луизы, — этой волчице, этой... — Громкие рыдания прервали ее тираду.

— Где сейчас мадам Костаген?

— У себя в спальне, — ответил дворецкий. — Я ей сообщил обо всем, но мадам отказалась выйти из комнаты, она сказала... — Огюстен поднес платок к глазам. — Только подумать, что теперь с нами будет!

— Что она сказала, Огюстен?

— Она сказала, что... что в этом доме слишком много покойников... что сейчас она соберет вещи и уедет туда, где никогда больше не услышит проклятую фамилию Костагенов.

— Она не сказала, куда собирается уехать?

— Нет.

— Хорошо! Пойдем, Морранс. — Дебрэ направился к двери.

Стрелкина последовала за ними.

Дебрэ пришлось дважды постучать в дверь, прежде чем за ней прозвучал томный голос Луизы:

— Кто там?

— Комиссар Дебрэ.

— О господи! Оставят меня когда-нибудь в покое?! Подождите, комиссар, я не одета.

Дебрэ выждал несколько минут и постучал снова. Ответа не было. Тогда он открыл дверь.

Луиза лежала в кровати. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что здесь произошло.

— Доктора! — рявкнул Дебрэ.

Стрелкина кинулась выполнять это приказание.

Доктор Гойяр вытащил шприц из руки Луизы, поглядел ей в зрачки и понюхал ампулу, которую она еще еще сжимала левой рукой.

— Цианистый калий. Предпринимать что-нибудь уже поздно.

Дебрэ взял со стола крокодиловый футляр. Он был пуст.

Комиссар снял шляпу.

— Пойдем, Морранс. Полиции тут делать больше нечего. Правосудие свершилось!

— Какое правосудие? — спросила Стрелкина.

— Есть Высший Судья. Он ведет счет нашим поступкам и карает без жалости.

— Вера в бога свидетельствует о примитивности мышления, — сказала Стрелкина, строго взглянув из-за толстых окуляров. — Никогда еще никому не удавалось, исходя из идеалистических концепций...

Дебрэ не дослушал ее. Он кивнул врачу и направился к двери.

11. РАЗНЫЕ СИСТЕМЫ, РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

На следующее утро Дебрэ был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил отсутствия Стрелкиной. Он испытывал счастливое чувство, какое, вероятно, знакомо только музыканту-виртуозу после удачно прошедшего концерта. Да... там, где требовался тщательный анализ человеческих страстей, комиссар Дебрэ не знал себе равных. Огорчало его только то, что в сухом донесении о раскрытии дела Костагенов придется отказаться от красочного узора, вытканного на психологической канве. Начальство таких вещей не одобряет, а жаль... Сейчас Дебрэ очень хотелось поделиться с кем-нибудь результатами напряженной работы мысли, приведшей его к успеху. Он достал из ящика стола трубку и доверху набил ее своим любимым табаком «Черри бленд». К черту все советы врачей! Доктор Малинда охотится на антилоп где-то в Африке, а инспектора — надежные ребята, они наверняка не будут доносить на него жене.

— Добрый день, комиссар!

Дебрэ поднял голову. В дверях стояла раскрасневшаяся от быстрой ходьбы Стрелкина.

— Добрый день.

— Вы знаете, какая неприятность?! — Стрелкина

сняла пальто и уселась за свой столик. — Я получила телеграмму. Заболел отец, и мне придется ехать домой. Через три часа самолет. Я уже купила билет.

— Крайне сожалею! — вежливо ответил Дебрэ. — Надеюсь, болезнь вашего отца не очень серьезна?

— Трудно сказать, у него большое сердце.

Дебрэ снова набил трубку.

— О, вы опять курите?! — улыбнулась Стрелкина. — Меня это очень радует.

— Вот как? Почему же именно это вас радует?

— Во-первых, это означает, что вас больше не мучат боли в желудке, а во-вторых... — Стрелкина замаялась, — а во-вторых, я хотела оставить вам сувенир. Память о совместной работе. А если бы запрет доктора Малинды действовал по-прежнему, такой подарок был бы, по меньшей мере, бестактностью. А сейчас... — Она вынула из сумочки трубку. — А сейчас как раз кстати.

— Очень тронут вашим вниманием. — Дебрэ взял трубку. — Мне незнакома эта фирма. Что означают три буквы F?

— Это работа Федорова, знаменитого ленинградского мастера. Даже Сименон курит его трубки.

— Еще раз благодарю вас. — Дебрэ знал толк в трубках. С первой же затяжки он почувствовал, что эта — для самого взыскательного курильщика. — Великолепный вкус!

— Рада, что она вам понравилась. Как жаль, что все так неудачно складывается и я вынуждена уехать до того, как эти кошмарные преступления будут раскрыты.

— Вы ошибаетесь, — добродушно усмехнулся Дебрэ. — Они уже раскрыты.

— Неужели?! — Стрелкина даже привстала от вол-

нения. — Умоляю, комиссар, расскажите мне обо всем подробно, это имеет огромное значение для моей диссертации!

— Ну что ж, — Дебрэ откинулся на спинку кресла, стараясь полностью восстановить весь ход рассуждений. — Итак, нам придется начать издалека, когда в семье Костагенов появились на свет два очаровательных близнеца, Пьер и Леон. Казалось, судьба сделала все, чтобы они были счастливы. Но вот в дом вкрадывается первая беда. В пятимесячном возрасте Пьер выскальзывает из рук кормилицы и навсегда остается калекой. Пьер и Леон неразлучны, они вместе играют, учатся, достигают поры возмужания. И все это время перед глазами Пьера — его брат, красивый, удачливый во всем, любимый девушками. Ежечасно Пьер сравнивает себя с Леоном. Что представляет собой он, жалкий, горбатый карлик, рядом с покорителем сердец, спортсменом, молодым светским львом? Не мудрено, что душа его озлобляется, и эта злоба переносится на брата. Он никому не выдает своих чувств. Наоборот, пытается создать видимость у всех окружающих, что души не чает в Леоне. И вот Леон женится на Луизе, красивой, очаровательной, но очень легкомысленной девушке. Все трое живут под одной крышей, и у Пьера просыпается страсть к жене своего брата. Тем временем между супругами происходит размолвка. Луиза пристрастилась к наркотикам. Леон, человек спартанских правил, не пьющий даже вина, не может мириться с пороком жены. Она же не в силах отстать от пагубной привычки. Дело фактически доходит до разрыва. Дверь между спальнями супругов заперта, и каждый из них живет своей жизнью. Сходящий с ума от страсти Пьер решает воспользоваться этой ситуацией. Единственный человек, который знает о его чувстве, — Ка-

мила. Ему удастся устроить ее горничной к Луизе. Она же похищает для него интимную фотографию своей госпожи. Вы улавливаете основу конфликта?

— О, еще бы! Продолжайте, прошу вас! — Стрелкина молитвенно сложила руки. — Ведь это так интересно!

— Хорошо, — Дебрэ еще раз набил новую трубку и закурил. — Примерно в это время у Пьера складывается замысел убить брата. Он дьявольски тонко все подготавливает. Сначала звонит в полицию и сообщает о том, что в особняк собираются подложить бомбу.

— Это зачем же? — удивилась Стрелкина.

— По чисто психологическим мотивам. Этим он создает некую видимость угрозы, нависшей над домом извне. Естественно, что после убийства Леона полиция как-то свяжет его с несостоявшимся взрывом и не будет искать убийцу среди обитателей дома, которые сами случайно избежали опасности. Никто ведь не станет сам себе подкладывать бомбу, не правда ли?

— Конечно! — убежденно сказала Стрелкина. — Ведь если бомба была бы в самом деле подложена...

— В том-то и дело. Дальше он зазывает Леона к себе в комнату и сообщает ему, что у Луизы есть любовник, торговец наркотиками Жан Пьебеф. Это известие ошеломляюще действует на Леона. Он испытывает сложные чувства. Тут и старая любовь к жене, и горечь по поводу ее наркомании, и презрение к сопернику. Пьер отлично учитывает его душевное состояние и предлагает выпить. Леон не привык к алкоголю, он быстро пьянеет. Пьер отводит Леона в его комнату, помогает лечь в постель, выжидает, пока он заснет, и ударом ледоруба раскалывает брату череп. Здесь тоже все предусмотрено, вплоть до перчаток, чтобы не

оставить отпечатков пальцев. После этого он снимает ботинки, проходит в одних носках в угольный подвал, возвращается назад, оставляя заметные следы на полу, надевает ботинки и отправляется к себе.

— Ну и гадина! — воскликнула Стрелкина.

— Мало сказать — гадина, это самый хладнокровный и жестокий из всех преступников, с которыми мне приходилось иметь дело. Когда убийство обнаружено, он продолжает плести интригу. Ошеломленная смертью мужа Луиза в порыве откровенности рассказывает ему, что накануне приняла решение не прибегать больше к морфию, чтобы вновь завоевать любовь мужа. Пьебеф сказал правду: она действительно отказалась от его услуг. Пьер понимает, что потрясение, которое перенесла Луиза, вновь толкнет ее к морфию. Пока мы допрашивали мадам Костаген, он позвонил Пьебефу и заказал ему ампулы. С их помощью он надеялся поработить волю несчастной женщины. Вечером они отправляются в Понтуаз на похороны Леона. Еще не засыпана могила брата, а Пьер уже признается Луизе в своей страсти. Ей это кажется кощунством. С негодованием молодая вдова отвергает гнусные притязания горбатого сластолюбца. Тогда у Пьера появляется новый дьявольский план. Если Луиза не может принадлежать ему, она должна умереть. Вернувшись в Париж, он подменяет единственную ампулу в футляре из крокодиловой кожи ампулой с цианистым калием. Расчет очень тонок. Вечером он сообщает ей, что убил Леона, предполагая, что, потрясенная этим известием, она немедленно захочет прибегнуть к морфию и впрыснет себе смертельную дозу яда. Тут уж факт самоубийства не вызовет сомнения даже у самого опытного следователя. Однако он просчитался. Разъяренная Луиза сначала задушила собственным шарфом убийцу мужа

и только потом взялась за шприц, желая подбодрить себя перед допросом, на котором, не будь этой злополучной ампулы, она бы, вероятно, чистосердечно обо всем рассказала. Вот и все! Как видите, психологический метод раскрытия преступлений еще раз себя оправдал.

Стрелкина всплеснула руками.

— Изумительно! Какой тонкий психологический рисунок! Ведь это готовый детективный роман, написанный в лучших традициях жанра!

— Еще бы! — самодовольно усмехнулся Дебрэ. Он уже начал проникаться симпатией к этой практикантке, такой скромной и в то же время восторженной. — Думаю, что, когда данные следствия будут обнародованы, многие из писателей возьмутся за эту тему. А вы говорите — фантастика! Ну что бы в этом деле мог добавить фантаст?

— Очень многое, — улыбнулась Стрелкина. — Прежде всего иное решение сюжета. Я уже говорила вам, что фантастике свойственно парадоксальное мышление.

— Какой же тут может быть парадокс?

— Сейчас объясню — она вынула из сумочки несколько фототелеграмм, исписанных убористым почерком. — Вот здесь — уже готовый сюжет. Я его сегодня получила из Ленинграда.

— Вот как?! — Дебрэ расхохотался. — Быстро же в наши дни работают писатели! Боятесь, как бы не перехватили тему? Может быть, уже запродали новый роман какому-нибудь издательству? Кто же ваш соавтор?

— Нет, комиссар. Я не собираюсь писать роман. Просто материал для диссертации. Что же касается соавтора, то это... электронная машина.

— Так... — Дебрэ испытующе поглядел на Стрелкину. — Значит, вы меня ввели в заблуждение, когда сказали, что не имеете никакого отношения к криминалистике. Я вам поверил, а вы тем временем...

— О нет! Клянусь вам, что все — чистая правда. Машина провела не криминалистический, а литературный анализ на стыке фантастики и детектива. Вот видите, тут написано: «Решение по обобщенному алгоритму».

— Не понимаю.

— Все очень просто. Каждый писатель имеет свой творческий метод. Именно благодаря ему вы никогда не спутаете, скажем, произведения Сименона и Агаты Кристи. Не правда ли?

— Допустим. Ну и что?

— Однако наряду с этими различиями существуют и некоторые сходные приемы, характерные для всего этого вида литературы в целом. Мне удалось выделить основные методы решения сюжетных задач в детективе. То же самое я проделала и для фантастических произведений. Эти методы, называемые алгоритмами, ввели в оперативную память электронно-вычислительной машины, и теперь она может превращать любые исходные ситуации либо в детективный, либо в фантастический сюжет. Что же касается дела Костагенов, то сюжетное решение было найдено по этим двум алгоритмам сразу. Тройное убийство положено в основу детектива, а разгадка построена на парадоксе, — обычный прием в фантастике. Вчера я сообщила по телефону в вычислительный центр университета фактические данные, а сегодня получила готовый сюжет. Повторяю, это не криминалистическое исследование, поэтому пусть вас не удивляет, что разгадка, предложенная машиной, несколько отличается от блестяще проведенного вами рас-

следования. Как-никак ваш метод — это чистый Симеон, а тут — какой-то гибрид.

Дебрэ плохо понял эту литературоведческую лекцию, однако утверждение Стрелкиной, что никто не покушался провести криминалистический анализ на электрической машине и тем самым поставить под сомнение психологический метод, успокоило его.

— Какая же развязка в вашем сюжете? — спросил он скорее из вежливости, чем из любопытства.

Стрелкина смутилась.

— О развязке говорить вряд ли приходится, так как машина дала лишь примитивную сюжетную схему. Дело в том, что она... словом, предложен такой вариант, в котором комиссар расследует три убийства, которые он совершил сам.

— Что?! — шея Дебрэ приобрела пунцовый оттенок, глаза, казалось, готовы были выскочить из глазниц. — Что вы сказали?! Да как вы могли позволить себе?!

— Успокойтесь, комиссар! — Стрелкина слегка коснулась пальцами его рукава. — Мы ведь с вами говорим о чисто литературных вариантах темы, которые никак не могут бросить тень на вашу безупречную репутацию. Давайте, если вам угодно, поставим на ваше место литературного героя, хотя бы... комиссара Мегрэ.

— Ну, это другое дело, — облегченно вздохнул Дебрэ, — а то я уж, по правде сказать, думал, что вы...

— Ни в коем случае я бы не посмела ставить под сомнение результаты следствия, — перебила Стрелкина. — Ведь речь идет о том, что можно сделать из этого сюжета.

— Рассказывайте, — Дебрэ откинулся на спинку кресла и набил трубку. — Интересно, что там еще можно выдумать.

— Отлично! Итак, будем прежде всего исходить из психологических портретов, так мастерски нарисованных вами. Они отлично отражают моральный распад паразитической верхушки буржуазного общества.

Дебрэ пытался что-то возразить, но Стрелкина остановила его жестом.

— О, я понимаю, что служба в полиции вас обязывает... Впрочем, речь не об этом. Мне кажется, что в анализе поступков Пьера чувствуется чрезмерное увлечение фрейдизмом. Комплекс неполноценности, либидо и все такое. Не обязательно это должно служить мотивом преступления.

— Тогда что же?

— Хищнические стимулы, свойственные капиталистическому миру.

— Чепуха! — убежденно сказал Дебрэ. — Пьер не мог наследовать капитал Леона.

— Да, но его могла наследовать жена доктора Малинды, видимо, единственная родственница Костагенов.

— Ну и что из этого?

— Из этого вытекает новое сюжетное решение, и выглядит оно так.

Однажды доктор... будем называть его Лолиндой, встретившись в буфете с комиссаром... Мегрэ, незаметно подсыпает ему в кофе слабую дозу яда, достаточную только для того, чтобы вызвать через несколько часов боль в желудке. Комиссар возвращается к себе в кабинет, а... Лолинда отправляется на Монмартр и под видом неизвестного сообщает о готовящемся покушении в особняке Костагенов. Ему нужно, чтобы комиссар тщательнейшим образом изучил все закоулки этого особняка. Естественно, что Мегрэ там ничего не находит, потому что никакой бомбы нет. Ночью яд начинает

действовать, и встревоженная жена комиссара вызывает к нему доктора Лолинду — семейного врача Мегрэ. Лолинда знает, что комиссар страстный курильщик. Он ему запрещает курить, в полной уверенности, что комиссар бросить эту привычку не сможет. На следующий день он застает комиссара с трубкой в зубах и уговаривает подвергнуться гипнозу. Во время гипнотического сеанса он внушает Мегрэ план убийства Леона. Леон — лишь первая жертва в той цепи преступлений, которую задумал Лолинда. Поэтому нужно отвести всякие подозрения от обитателей особняка. Ведь если их арестуют, выполнить весь план будет труднее. В соответствии с этим комиссару внушается необходимость пробраться через угольный подвал в одних носках и оставить следы, свидетельствующие, что преступник проник со двора. Преступление совершено точно по плану Лолинды, но комиссар ничего не помнит, так как действовал в состоянии гипнотического транса. Лолинда же в эту ночь обеспечивает себе алиби, смяв крыло полицейской машины. Он с женой во время убийства находится в полицейском участке. Нужно сказать, что Лолинде везет. Он еще не продумал окончательного плана убийства Пьера и Луизы, но удача сама приходит к нему в руки. Мегрэ передает ему на анализ футляр с ампулами, которые Пьер заказал Пьебефу для Луизы. Врач-преступник подменяет одну ампулу ампулой с цианистым калием. В этот день Мегрэ подвергается новому гипнотическому сеансу. Ему внушают, чтобы он проник в комнату Луизы и подменил ампулу, а заодно прихватил там шарф Луизы. Этим шарфом ему предстоит задушить Пьера. Мегрэ послушно отправляется в особняк Костагенов, когда там никого нет, кроме Огюстена...

— Откуда вы знаете?.. Гм... Почему ваша машина

предполагает, что Мегрэ поступил именно так? — спросил Дебрэ хриплым голосом.

— Об этом можно догадаться хотя бы потому, что, уходя из кабинета, он взял с собой футляр с ампулами, побывавшими в руках Лолинды. Итак, ампула подменена и шарф похищен. Поздно вечером, следуя внушению Лолинды, Мегрэ снова проникает в особняк через угольный подвал. На этот раз важно не оставить никаких следов. Поэтому он снова проходит подвал в носках, но надевает ботинки в тамбуре потайной двери. Впрочем, теперь полиция и не будет искать следы, так как улики против Луизы налицо, это ее шарф. Пьер задушен. Мегрэ снова снимает ботинки перед входом в подвал и надевает их, выйдя на улицу. Вот и все. Комиссар ничего не знает и не помнит, ему просто приказано все забыть, поэтому со свойственным ему блеском он строит совершенно ложную, но вполне правдоподобную гипотезу. Между тем у Лолинды снова неопровержимое алиби. Он с женой уже два дня как в Африке. Вам нравится такой вариант?

— Ерунда! — сказал Дебрэ. — Ваш вариант противоречит основам криминалистики. Никогда в состоянии гипноза человек не может совершить преступление, если это противоречит его моральным устоям. Об этом написано множество статей.

— Верно! — подтвердила Стрелкина. — Однако есть одно исключение.

— Какое?

— Когда этот человек — полицейский комиссар, приверженец психологического метода раскрытия преступления. Ведь ему так часто приходится мысленно ставить себя на место преступника. Ох! — она взглянула на часы. — Кажется, я опаздываю на самолет! Всего хорошего, комиссар, большое спасибо за все!

— Не за что, — ответил Дебрэ.

Он подождал, пока за ней закроется дверь, пододвинул к себе телефон и набрал номер.

— Алло!

— Метр Севаль?

— Да, это я.

— Говорит комиссар Дебрэ. Не можете ли вы мне сказать, кто теперь возможный наследник состояния Костагенов?

— Думаю, что могу. Видимо, одна из дальних родственниц, мадам Малинда. Других наследников как будто нет.

Дебрэ положил трубку и задумался.

эпилог

Спустя две недели мадам Дебрэ жаловалась соседке:

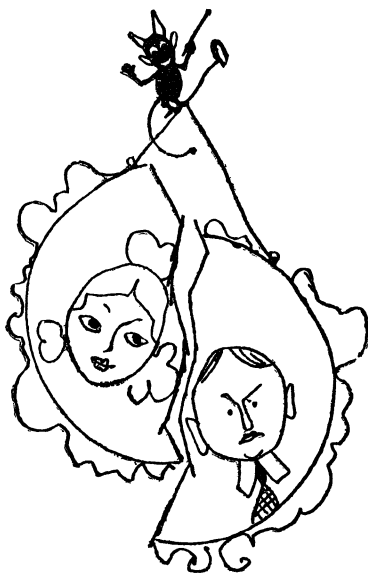
— Никак не пойму, что творится с мужем. С тех пор как он вышел на пенсию, слова от него не добьешься. Сидит целый день и о чем-то думает, курит одну трубку за другой, стал говорить во сне. Сегодня под утро как закричит: «Так какого черта он пил с Пьером?!» Я разбудила, спрашиваю, что ему снилось, не отвечает. Хорошо хоть, что живот теперь не болит.

Соседка сочувственно кивнула.

— Это с ними бывает. Мой тоже, когда ушел на пенсию, места себе не находил, а теперь ничего, привык.

— Может, и привыкнет, — сокрушенно сказала мадам Дебрэ. — Мы ведь хотели купить домик на берегу Луары. Я сейчас и заикаться об этом боюсь. Переутомился он там у себя в полиции, ведь служба не из легких. Вы не поверите, недавно два раза возвращался с работы в таком виде, что даже носки перепачканы углем, хуже трубочиста, честное слово!

ПРОДЕЛКИ АМУРА

Как часто приходится слышать фразу: «О, если бы мне было дано прожить жизнь заново!» Попробуем откинуть ее эмоциональную составляющую (для чего, как известно, нужно только убрать восклицательный знак) и разобраться во всем этом с позиций чистого разума.

О какой жизни, собственно говоря, идет речь?

Природа значительно милостивей, чем кажется с первого взгляда. Она дает нам возможность прожить, по крайней мере, четыре жизни. Беспомощное детство, безрассудная юность, осторожная пора возмужания и, наконец, чванливая старость. До чего же мало эти периоды походят друг на друга!

Поскольку внутренний мир человека с его надеждами, сомнениями и разочарованиями по давно установленным правилам игры подлежит юрисдикции художественной литературы, очевидно, в ней и нужно искать разгадку поставленного вопроса.

Для этого достаточно обратиться к таким капитальным трудам, как «Фауст» Иоганна Вольфганга Гёте и «Возвращенная молодость» Михаила Зощенко. В них можно проследить неуклонное стремление человека сочетать в себе сомнительный опыт старца с тем возрастом, который характеризуется наиболее интенсивной гормональной деятельностью организма.

Говоря об опыте стариков, я не зря употребил эпитет «сомнительный». По существу, всякий опыт носит отрицательный характер. Он сводится к тому, что «в одна тысяча девятьсот таком-то году что-то похожее пробоvalи, и ничего не получилось». Вообще, если человеческий опыт имел бы действительно позитивный характер, то наверняка бы род людской больше отличался от наших сородичей-приматов.

Что же касается опыта, свойственного именно старости, то разве размышления ослепшего Фауста не сводятся к той же формуле:

«Любовь? Не знаю. В одна тысяча таком-то году заново пробоval. Ничего хорошего не получилось».

Теперь, внеся ясность в некоторые исходные положения, можно приступить непосредственно к повествованию.

Казалось, ничто не предвещало полосу осенних любовных штормов в душе Филимона Орестовича Полосухина. Жил он тихой, размеренной жизнью пенсионера, отдавая избыток энергии благородному делу постановки голосов у канареек. На семейную жизнь не жаловался, хотя и было одно обстоятельство, несколько омрачавшее супружеское согласие. Дело в том, что жена его, Варвара Степановна, не любила птиц в доме. Впрочем, к открытым конфликтам это не приводило. Существовало молчаливое соглашение, по которому Филимон Орестович проводил уроки со своими питомцами, когда она уходила за покупками. Кроме того, всеми санитарно-гигиеническими мероприятиями по поддержанию порядка в клетках и закупкой кормов занимался он сам.

Так они и жили, пока однажды Варвара Степановна не покинула на три дня семейный очаг, чтобы погостить у подруги, жившей за городом.

На эти три дня Филимону Орестовичу было заготовлено пропитание и даны подробнейшие инструкции по ведению хозяйства. В числе всевозможных поручений была и уплата за квартиру.

В первый день своего соломенного вдовства Филимон Орестович проснулся позже обычного. Он сварил кофе, прибрал в клетках и начал думать, как же лучше использовать неожиданно свалившуюся свободу.

Стояла прекрасная осенняя погода, и он решил пойти в сберкассу — выполнить оставленное ему поручение, а затем отправиться погулять в парк.

Как водится в таких случаях, Лукавый подстерегал его уже в нескольких шагах от дома. На этот раз он принял облик обольстительной красотки в дезабилье, призывно взглянувшей с рекламного плаката кинотеатра. Очарованный этим взглядом, Филимон Орестович

решил отложить поход в сберкассау и купил билет на ближайший сеанс.

Тонкий знаток человеческой природы, вероятно, отметил бы странное состояние душевного томления, с каким наш герой покинул зрительный зал. Это состояние походило на инкубационный период тяжелой и опасной болезни. Коварный вирус вспыхнувших неудовлетворенных желаний уже делал свое дело, грозя в будущем вызвать настоящий любовный жар. Внешне же это пока проявлялось лишь в повышенной рассеянности, с какой Филимон Орестович взирал на окружающий мир.

Может быть, иммунно-биологические силы организма и победили бы в борьбе с этим вирусом, если бы прочие обстоятельства не сплелись в единый дьявольский клубок.

Во-первых, сберкасса оказалась закрытой на обед, во-вторых, Филимон Орестович решил переждать в кафе, пока она откроется, а в-третьих... Впрочем, давайте уж все по порядку, без излишней торопливости.

Заказывая у стойки мороженое, Филимон Орестович обратил внимание на бутылку с надписью на этикетке, исполненной готическим шрифтом.

— Либ.. фрау... милых, — с трудом прочел он надпись. — Что это такое?

— Немецкое полусладкое. Молоко любимой женщины, — улыбулась продавщица. — Налить?

— Налейте стаканчик, — сказал заинтригованный Филимон Орестович.

Вино оказалось на редкость приятным. Филимон Орестович решил повторить.

Выйдя из кафе, он почувствовал удивительный прилив сил. Тротуары были полны прогуливающейся молодежи, сплошь симпатичной и благожелательно настро-

енной. Солнце грело совсем по-летнему, под ногами приятно шуршали опавшие листья, откуда-то из распахнутого окна неслась сладчайшая мелодия. Словом, только тупой, мрачный меланхолик мог в такой день торчать в очереди у окошка инкассаторского пункта.

Филимон Орестович сдвинул набок шляпу и, подкрутив усы, направился походкой фланера куда глаза глядят.

На перекрестке молоденькая продавщица протянула ему букетик:

— Купите вашей девушке.

Филимон Орестович усмехнулся. «Вашей девушке». Заметьте, она не сказала «вашей жене». «Вашей девушке»! Растроганный, он сунул продавщице три рубля и небрежно махнул рукой: мол, сдачи не надо, что за пустяки!

Правда, букет несколько стеснял свободу движений, и Филимон Орестович бросил его в урну перед тем, как купить пачку сигарет. Он с наслаждением закурил. Почувствовав при этом легкое головокружение, он подумал, что все врачи шарлатаны и обманщики. Сами небось курят, а другим не велят. Вот десять лет не курил, а теперь от первой затяжки закружилась голова. Нет, дудки! Больше его на эту удочку не поймают. Отныне он опять будет курить, потому что это полезно. Излечивает от ожирения. А то вон какой живот стал. Вообще, нужно больше обращать внимания на свою внешность. Утренняя зарядка и десяток сигарет в день — любой станет стройным, как тополь.

Рассуждая все в таком духе, Филимон Орестович незаметно дошел до зоологического магазина. Он хотел было прицениться к канарейкам, но тут его осенила новая идея. На витрине в проволочной клетке сидели два восхитительных попугайчика. Филимон Орестович

подумал, как здорово было бы научить их разговаривать по-немецки. «Либфраумильх» и еще что-нибудь вроде «гутен морген». Вот Варвара Степановна удивится! Будет хвастать всем знакомым: мол, у нас даже птицы по-немецки говорят. «Либфраумильх», молоко любимой женщины. Даже в цирке можно показывать.

Сказано — сделано! Через пять минут Филимон Орестович вышел из магазина, бережно неся проволочную клетку. Тут, подведя итог расходам, он убедился, что сегодня идти в сберкассау уже совсем нет смысла, благо послезавтра пенсия, можно возместить растрату, а начавшийся так великолепно день следует достойно завершить.

Закупив в «Гастрономе» всякой снеди, главным образом того, в чем он себе долгое время был вынужден отказывать по причине больной печени, и решив, что вечерний чай с успехом заменяется напитком более калорийным, Филимон Орестович отправился домой в твердом намерении сегодня же добиться решающих успехов в обучении попугаев иностранным языкам.

Однако то ли вследствие перемены местожительства, то ли по другой причине попугаи не проявили в этот день никаких талантов. Они сидели нахохлившись на своих жердочках, демонстративно отказываясь не только говорить, но даже принимать пищу.

Вскоре Филимон Орестович махнул на них рукой и решил подкрепиться.

Он аппетитнейшим образом разложил на тарелках свои припасы и, отхлебывая живительную влагу из фамильного хрустального бокала — гордости Варвары Степановны, — погрузился в чтение «Литературной газеты».

В ту пору велась оживленная дискуссия о допустимости в нашем обществе привлечения электронных ма-

шин в качестве свахи. Высказывались социологи, экономисты, врачи-сексологи, разведенные супруги, девушки, мечтающие об идеальном муже, восторженные старцы и юные скептики. Оказалось, что эта проблема интересует всех.

Филимон Орестович, всегда придерживавшийся взглядов передовых и радикальных, был ярким сторонником организации Центрального бюро браков. Он даже написал пространное и тщательно аргументированное письмо в редакцию, но напечатано оно не было.

Каково же было его удивление, когда, развернув газету, он увидел, что проблема вышла уже из области споров и вычислительный центр в опытным порядке предлагает всем желающим воспользоваться его машинами для подыскания пары в браке.

Филимон Орестович закурил и задумался. В самом деле. Ведь все в браке случайно. Взять хотя бы его с Варварой Степановной. Познакомились они в госпитале. Он лежал там раненый, а она работала медсестрой. Потом его демобилизовали по инвалидности, и они стали жить вместе. Даже в загс не пошли, настолько это казалось естественным и обыденным. А ведь в тот день, под Гатчиной, могло ранить осколком не его, а кого-нибудь другого, и этот другой лежал бы в госпитале и, может, женился бы на Варваре, а тем временем и у него самого появилась бы другая подруга жизни. Возможно, она бы даже больше соответствовала его жизненным идеалам.

Он закрыл глаза и попытался представить себе этот идеал. Получилось совсем неплохо. Длинноногая голубоглазая блондинка, очень смахивающая на ту киноартистку в соблазнительном дезабилье. С внешними данными все обстояло благополучно. Ну, а характер? Тут тоже особых сомнений не возникало. Добрая, забот-

ливая, покладистая, нежная. Черт возьми! Вот так где-нибудь ходит этот идеал, и никогда не придется с ним встретиться. Может быть, она даже сидела сегодня рядом с ним в кино?

У Филимона Орестовича мелькнула озорная мысль. Просто так, для интереса, обратиться в Вычислительный центр, сказавшись холостяком. Они подберут кандидату, а он просто посмотрит на свою суженую. Можно даже выпросить фотографию, чтобы подшучивать над Варварой Степановной. Вот, мол, какой козырь из-за тебя упустил!

Однако тут его размышления были прерваны неожиданным появлением самой Варвары Степановны. Она примчалась в город раньше срока, так как забыла оставить Филимону Орестовичу желчегонные таблетки и очень боялась, чтобы у него не случился приступ печени.

Ее взгляд мигом охватил всю ситуацию. И сигарету во рту, и наполовину опорожненную бутылку, и строжайше запрещенные консервы в томате, и твердокопченую колбасу, и двух попугаев.

Со сноровкой опытного следопыта она начала допрос. Не прошло и нескольких минут, как все художества Филимона Орестовича были вскрыты и квалифицированы.

Обычно безгласный в семейных передрягах Филимон Орестович, видимо, под влиянием волшебного зелья проявил на этот раз удивительную строптивость, решительно отказавшись признать себя виновным, что еще больше разгневало его половину.

Семейные ссоры подобны спонтанно протекающей химической реакции. Они длятся, пока концентрация реагентов в виде давних затаенных обид не уменьшится до естественной остановки реакции. Чем выше их на-

чальное содержание, тем больше конечного продукта — упреков, сожалений о загубленной жизни и внезапно открывшихся горьких истин.

Может быть, прояви Филимон Орестович больше смирения, все кончилось бы как обычно. Но в этот день он, видимо, и впрямь всосал безумие с «молоком любимой женщины».

Обозвав Варвару Степановну мымрой и присовокупив к сему эпитет такого рода, что в произведении изящной словесности его и привести-то совестно, он хлопнул дверью и выбежал на улицу охладить воспаленную голову.

Как в тумане бродил он по городу, полному соблазнов, проклиная себя за то, что так неразумно связал свою жизнь со сварливой старой женщиной.

Все же, поостыв немного, он решил пойти домой, надеясь, что все недоразумения этого дня уладятся сами собой.

Увы! Надеждам его не суждено было сбыться. Вернувшись в свою квартиру, он обнаружил, что семейные отношения прерваны весьма основательно при помощи двух платяных шкафов и ситцевой занавески. В шкафу, дверцы которого открывались непосредственно в новую экологическую нишу Филимона Орестовича, лежали его личные вещи и аккуратная стопка постельного белья, выделенная при разделе имущества. Холостяцким ложем отныне должен был ему служить узкий диванчик, использовавшийся раньше для приема гостей. У окна стояли клетки с птицами.

Филимон Орестович заглянул на кухню. Его бывшая жена мыла там окно — верный признак бушующего в ней негодования, хорошо известный по прежним ссорам.

Поразмыслив, Филимон Орестович решил вести себя так, словно ничего не случилось.

— Слушай, Варенька, — сказал он примирительным тоном. — Я тут оставил «Литературку». Ты ее куда прибрала?

— Вытерла стекло.

— Гм... Ну, допустим, — на этот раз Филимон Орестович был воплощением кротости и всепрощения. — А поесть у нас не найдется? Я, знаешь ли, как-то проголодался.

Варвара Степановна молча указала на холодильник. У Филимона Орестовича было мелькнула надежда, что все уже обошлось. Не туг-то было! Он открыл дверцы и сразу убедился, что принцип «твое — мое» восторжествовал и здесь. В отведенной ему половине красовалась початая бутылка вина и остатки сегодняшнего пиршества, тогда как вожделенный сейчас кефир находился на вражеской территории.

— Забирай свою жратву и выметайся, — сказала Варвара Степановна. — Мне еще нужно тут полы мыть. Оскорбленный в самых лучших чувствах, Филимон Орестович отправился к себе, не поужинав.

Спал он из рук вон плохо. От гастрономических излишеств у него и в самом деле приключился приступ печени. Диван был жесткий и неудобный, простыня все время сползала. Но больше всего терзало уязвленное самолюбие. Как это его, отдавшего лучшие годы жизни этой женщине, вышвырнули, как паршивого пса. Подумаешь, цаца, медицинская сестра на пенсии. Не такие еще бегают в поисках мужей. Красавицы и молодые. Не зря пишут, что женщин больше, чем мужчин. Так, постепенно распаляясь от собственных мыслей, к утру Филимон Орестович принял решение. К черту Варвару Степановну. Сегодня же он отправится в Вычислительный центр искать новую подругу жизни.

Вот таким образом в результате коварного хитро-

сплетения случайных обстоятельств тщательно выбритый Филимон Орестович, в блеске нейлоновой рубашки, украшенной лучшим из галстуков, оказался на пороге Бюро консультаций Электронно-вычислительного центра.

Вопреки его предположениям это учреждение мало походило на Дворец бракосочетаний. Там не было ни мраморных колонн, ни лепных карнизов, ни оксидированных под золото светильников, ни синтетического ковра, на который разрешается ступать только новобрачным, ни буфета с шампанским и реликтовыми шоколадными конфетами. Помещалось оно в первом этаже точечного дома, рядом с пунктом приема белья в стирку.

Филимон Орестович с волнением распахнул дверь и сразу оказался перед столом, за которым юная красавица в вельветовой брючной паре изучала толстый потрепанный фолиант. На появление Филимона Орестовича она никак не реагировала. Он кашлянул, но и это не произвело на служительницу Гименея никакого впечатления. Тут он подошел ближе. Девушка перевернула страницу. При этом Филимон Орестович, скосив глаза, смог прочитать: ФИЗИОЛОГИЯ БРАКА. Видимо, работа Бюро была построена действительно на солидной научной базе.

— Простите... — сказал он.

Девушка с неудовольствием оторвалась от цветного рисунка на вкладном листе и подняла на Филимона Орестовича глаза цвета полированного агата. Пораженный ее красотой, он было подумал, что при наличии таких служащих вряд ли есть необходимость загружать электронные машины. Однако здравый смысл подсказал ему тут же, что едва ли брак со столь солидной разницей в возрасте может быть действительно счастливым.

— Слушаю, — сказала она.

Филимон Орестович смутился.

— Вот я... — пробормотал он, запинаясь, — пришел... в общем... ищу жену.

— Кому? — спросила девушка.

— Как кому? — опешил он. — Себе, конечно! Или вы считаете меня слишком старым? — добавил он, осмелев.

Она оглядела его с головы до ног.

— Отчего же? Бывает. — В ее голосе сквозило обидное равнодушие, неприятно кольнувшее Филимона Орестовича. Нет, безусловно, такая девчонка в жены не годится. Женщина должна созреть для брака.

Девушка вынула из ящика квитанционную книжку.

— Стоимость консультации с одной рекомендацией — двадцать пять рублей. За каждую последующую рекомендацию — пять рублей. Платить будете? — выпалила она профессиональной скороговоркой.

Подобный расход никак не предусматривался Филимоном Орестовичем. Однако в тоне, каким задан был вопрос, чувствовалось столько пренебрежительного сомнения в серьезности намерений клиента, что Филимон Орестович вздохнул и вынул бумажник. После вчерашних похождения в нем оказалось всего десять рублей.

— Вот, — сказал он, краснея, как юноша. — Остальные, если можно, я занесу завтра.

— Нельзя, — она подтолкнула перламутровым ногтем десятирублевку обратно. — Завтра и заплатите. А пока возьмите анкету.

— Спасибо! — Филимон Орестович взял пачку листов и, не зная, куда девать глаза, повернулся к двери. — Всего хорошего!

— До свиданья! — насмешливо ответила девушка, вновь погружаясь в изучение таинств брака.

Заполнение анкеты оказалось делом кропотливым и неприятным. Ушло три дня на то, чтобы ответить на все 100 вопросов. Многие из них казались Филимону Орестовичу просто бестактными. Они извлекали на всеобщее рассмотрение подробности насчет потаенных желаний, склонностей и привычек, которые обычно составляют интимную сферу каждого человека.

Ставили в тупик и такие вопросы:

«Как вы оцениваете свою привлекательность для лиц противоположного пола: сильная, средняя, слабая? Нужное подчеркнуть».

Поначалу Филимон Орестович невольно преувеличивал свои достоинства, но потом решил, что это ни к чему. Пусть принимают его таким, как есть.

Больше всего смущало отсутствие вопросов, на основании которых машина могла бы судить о его идеале. Все они почему-то относились к нему самому. Только последний пункт вопрошал:

«Что вы больше всего цените в партнере по браку: красоту, ум, талант, доброту, темперамент? Нужное подчеркнуть».

Пропотев над ответом больше часа, Филимон Орестович дипломатично написал: «Женщину в полном смысле этого слова». Да, пожалуй, именно такой была героиня в том фильме, с которого все и началось. Прообраз современной Евы.

Наконец труд был закончен, и Филимон Орестович вновь отправился в Бюро консультаций.

Сдав анкету и получив квитанцию в том, что все хлопоты Купидона оплачены авансом, он поинтересовался, долго ли придется ждать.

Девушка пожала плечами.

— Трудно сказать. Это зависит от количества зака-

зов. У нас все наоборот, — она улыбнулась, — чем больше заказов, тем скорее. Ждите, вас известят.

Ждите! Ждать всегда неприятно, а в таком деле особенно, если к тому же принять во внимание, что дома у тебя все вверх дном.

Варвара Степановна устроилась работать, и Филимон Орестович целые дни без толку слонялся один в своем закуте. Питался он в столовой, отчего все чаще побаливала печень. Кроме того, почему-то стало не хватать денег. Раньше такая проблема не возникала. Они вполне сносно жили на пенсии, даже что-то удавалось отложить на летний отдых. Теперь же, когда в его руках была большая часть их прежнего бюджета, он постоянно испытывал нужду в деньгах. Единственное, что его подбадривало, — это надежда, что все уладится с женитьбой. Он переедет к жене, и заживут они в покое, согласии и достатке.

Между тем время шло, а обещанного извещения не было.

Филимон Орестович несколько раз ходил справляться по этому поводу, но безрезультатно. Теперь вместо бывлой красавицы, устроившей, видимо, свою судьбу без вмешательства электронной техники, там сидел грубоватый юноша в очках. В довольно резкой форме он попросил Филимона Орестовича не шлаться сюда каждую неделю, не мешать людям работать, а спокойно ожидать дома, поскольку тщательный подбор супруги в интересах самого же Филимона Орестовича. Раз нет извещения, значит не появилась достойная кандидатка. Все дело в том, что еще мало народа обращается за помощью.

С горя Филимон Орестович стал захаживать в то самое кафе, отчего его бюджет стал еще более напряженным, а характер и вовсе утратил бывшее доброду-

шие. По ночам мучили кошмары. То он в образе Фавна оказывался в хороводе прелестных нимф, насмехающихся над пунктом девятым его анкеты («Считаете ли вы себя способным составить пару женщине, мужчине с нормальными задатками, да, нет? Нужно подчеркнуть»), то безрезультатно преодолевал множество препятствий, пытаясь настигнуть белокурую прелестницу, то электронное чудовище, подмигивая красным глазом, предлагало ему в жены корову.

Птиц он совсем забросил. Попугаи сдохли, а канареек пришлось срочно продать на рынке, так как они заразились от своих тропических собратьев черной меланхолией и петь больше не хотели.

Нужно сказать, что не раз, просыпаясь по ночам, Филимон Орестович обдумывал планы капитуляции. Порою ему нестерпимо хотелось броситься на колени и вымолить прощение у Варвары Степановны. Однако он самым решительным образом гнал эти малодушные мысли. Пойти на мировую значило навсегда распрощаться со своим идеалом и разменять ожидавшее его счастье на серые будни.

И вот однажды, когда, казалось, уже всякая надежда была потеряна, он обнаружил в почтовом ящике адресованный ему конверт с штампом Вычислительного центра. По краям конверт был окаймлен гирляндами красных роз, а в левом углу, над электронной схемой, парил Амур, изготовившийся к стрельбе по живым целям.

Сомнений быть не могло. Наконец-то Филимон Орестович держал в своих руках судьбу!

С пылом юноши, срывающего маску прекрасной незнакомки, он единым махом вскрыл конверт и прочел заветное имя:

Варвара Степановна Орешкова

Далее следовали адрес и телефон, столь известные Филимону Орестовичу.

Говорят, что в момент сильных потрясений перед человеком проносятся вся его жизнь. Ну, если и не вся, то хотя бы важнейшие ее этапы.

Так и сейчас, закрыв глаза, Филимон Орестович за короткое время вспомнил прошедшие тридцать лет. По сравнению с его нынешним состоянием они казались годами настоящего счастья, которое он так неразумно упустил, предавшись несбыточным иллюзиям.

Он радостно улыбнулся и направился в кухню, откуда доносились сладостные его уху звуки переставляемой посуды...

Если бы автор задался целью написать новогодний рассказ, то лучшего конца и придумать нельзя. Вновь соединенные супруги под звон курантов поднимают бокалы в честь электронного Деда Мороза.

Однако, как утверждают философы, жизнь — очень сложная штука. Пусть они даже немного преувеличивают, но, во всяком случае, она сложнее примитивных сюжетных схем. Что же касается гибрида Амура с компьютером, то даже воображение фантаста не всегда может предугадать, на какие пакости этот ублюдок способен. Итак, терпение, читатель!

...С радостной улыбкой вошел Филимон Орестович в кухню. Он тут же заметил на столе точно такой же конверт.

— Ну, чего тебе? — спросила Варвара Степановна.

— Значит, ты тоже?.. — Филимон Орестович указал на конверт.

— А ты как думал?! Что ж я, по-твоему, одна и помирать буду?

— Эх, старуха, старуха! — вздохнул Филимон Оре-

стович. — Много мы с тобой глупостей понаделали. Ну, теперь все! Завтра идем в загс.

— Ишь, какой приткий! — усмехнулась она. — Я своего еще и не видела.

— Так посмотри! — Филимон Орестович петухом прошелся по кухне.

— Ты что, обалдел?!

— Обалдеешь тут! — Он засмеялся и, взяв со стола конверт, извлек оттуда извещение. Тут же смех комом застрял у него в горле. На плотной бумаге с водяными знаками заказчица торжественно извещалась, что лучшего мужа, чем некий Аврелий Маркович Октовианов, проживающий в поселке Ручьи, улица такая-то, собственный дом, ей не сыскать.

Удивительное создание человек! В этой новой ситуации Филимона Орестовича почему-то больше всего возмутили именно Ручьи.

— Ручьи! — захохотал он. — Нет, вы только подумайте, Ручьи! Собственный дом!

Усы у него брезгливо топорщились, как у кота, нюхнувшего нашатырного спирта, глаза сверкали дьявольским пламенем, нос заострился и выгнулся дугой.

— Ручьи! Ха-ха-ха! Ручьи!!! Что ж, не смею препятствовать!

Отвесив насмешливый поклон, он с достоинством Каменного гостя направился к себе за шкафы.

Я не мастак описывать сложные душевные переживания. Сопутствующие им мысли настолько сумбурны, что изложить их хоть в какой-то логической последовательности очень трудно. Да и ни к чему это. Важно, что теперь Филимон Орестович готов был один на один биться за свою поруганную честь со всеми электронными своднями на свете. Что же касается гнусного соблазна из поселка Ручьи, то хороший удар шпагой...

Впрочем, чушь, какие теперь шпаги? Правда, есть еще кулачная расправа, но и эта мысль тоже была откинута. Возраст не тот, да и сердце пошаливает. Осталось одно: протестовать, протестовать!

Протест — одна из самых хилых форм борьбы. Ни же его в табели о рангах стоит только кукиш в кармане. Кроме того, попробуй протестовать, когда перед тобой — равнодушный очкарик, впившийся молодыми зубами в яблоко.

— Вот, полюбуйтесь! — Филимон Орестович швырнул на стол извещение. — И зачем вас только тут держат?!

— Что, не подходит? — спросил очкарик, чавкая при этом самым омерзительным образом.

— Подходит! — дрожащим от негодования голосом произнес Филимон Орестович. — Очень подходит, только я ей не подхожу. По вашему мнению не подхожу. Это вы ей какого-то Аврелия подсунули!

— Что ж, бывает, — усмехнулся тот. — Тут уж, как говорится, ничего не попишешь. Вам она подходит, а вы ей нет, ситуация вполне жизненная. Платить будете? — Он вытащил из стола квитанционную книжку. — За повторную рекомендацию пять рублей.

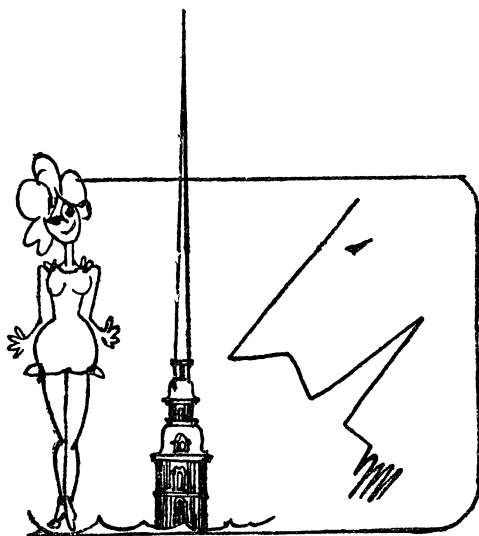
— Как?! — выпучил глаза Филимон Орестович. — И вы еще имеете наглость мне предлагать?! Вы!.. вы!.. — Тут он изрек нечто столь нецензурное, что даже издавший всякое очкарик поперхнулся яблоком и долго еще после того, как за посетителем захлопнулась дверь, сокрушенно качал головой.

Тут наша легенда об электронном Фаусте подходит к концу. Тривиальному и грустному. Можно было бы написать еще много страниц о том, как Филимон Орестович боролся за свое счастье с домовладельцем из поселка Ручьи и как был счастлив, когда наконец насла-

дился победой. Все произошло именно так. Однако пыл страстей, вовсе несвойственный его возрасту, окончательно подорвал здоровье престарелого молодожена, и результатом всей этой истории явилась скромная гипсовая раковина на одном из кладбищ — неопровержимое свидетельство того, что извечное противоречие между стремлениями человека и отпущенными ему возможностями окончательно улажено природой.

Возможно, что автором где-то был допущен просчет, когда он брался за эту тему.

Может быть, человечество еще не готово передать свои сердечные дела полупроводниковым схемам и запоминающим устройствам, или, наоборот, алгоритмы решения задач, связанных с удовлетворением высоких порывов души, еще недостаточно отработаны. А может, и впрямь браки заключаются в небесах? Право, не знаю.

ЧАС В ЭФИРЕ

**автобиографический этюд
для тех, кто интересуется
личной жизнью автора**

У меня противный скрипучий голос. Если его записать на магнитофоне, то больше всего он напоминает кваканье лягушки. Когда я пытаюсь придать ему хоть какую-то выразительность, меняется только тональность. Я могу охватить весь

диапазон — от звуков, какие издает стекло, когда его царапают железом, до выхлопа дизельного автобуса, но выразительности от этого не прибавляется.

Собственная внешность приводит меня в уныние. Когда-то, в молодости, привлекательные и отталкивающие черты моего лица были тщательно сбалансированы природой, как характеры в реалистическом романе. Потом время начало вносить коррективы. Сейчас от тургеневской объективности не осталось и следа. Я бы сказал, что здесь больше чувствуется Кафка.

Вероятно, поэтому я часто веду телевизионные передачи. Я понимаю редакторов, которые поручают мне это дело. Зрителям приелись отлично поставленные голоса упитанных красавцев дикторов. Им хочется разнообразия.

Кроме того, я писатель, а это тоже чего-нибудь да стоит. Говорят, что у меня даже есть литературные поклонники. Я этого не чувствую. От официальных встреч с читателями по возможности уклоняюсь, а писем мне не пишут. Вернее, почти не пишут. Я написал четыре книги и получил четыре письма. В одном из них мне ставилось на вид незнание элементарных основ шахматной теории, в другом — какой-то школьник просил прислать схему, по которой был собран Роби, в третьем — читатель из деревни интересовался перечнем книг, которые стоит прочесть. В четвертом, из Таллина, было несколько теплых строк на крохотном клочке бумаги. К сожалению, я его потерял.

Вот и все, если не считать, что однажды на улице меня остановила читательница и довела до моего сведения, что кенотрон, который светится голубоватым светом, нужно немедленно выбросить. Это насчет рассказа «Дневник». Я обещал ей в следующем издании заменить кенотрон газотроном.

Тридцать семь лет я провел среди грохота и вони моторов. Поэтому сейчас больше всего ценю тишину и покой. Мною никто не командует, и я никем не командую, потому что я пенсионер. Иногда я месяцами не выхожу на улицу, так мне хорошо дома. Делаю я только то, что хочу. Хочу — пишу, хочу — нет. (Большей частью — нет.) Хочу — читаю, хочу — не читаю. (Большей частью не хочу.) Хочу — сплю. Никто мне не мешает.

Иногда приходят гости. Стараюсь, чтобы им было не больше сорока лет (про инфаркты я могу рассказывать сам). Мы пьем водку и разговариваем. Порою и мне удается вставить слово.

Время от времени встречаемся с моими школьными друзьями. Говорим о внуках и обсуждаем разницу между гнилостным и бродильным колитом. Обычно такие вечера проходят очень оживленно.

Таким образом, мое общение с внешним миром осуществляется в основном через телевидение, на приеме или на передаче. Лучше, конечно, на передаче. Дело не в телезрителях. Для меня их не существует. Это какая-то абстракция, загнанная в объектив телекамеры. Просто мне очень нравится ходить в редакцию молодежных передач. Там много приветливых девушек, удобные кресла, в которых можно подремать под стрекот машинок и шум телефонных разговоров. Но больше всего меня привлекает густой табачный дым и какая-то особая атмосфера, свойственная только телевизионным студиям и полевым штабам. Скрытой камерой там можно было бы отснять отличные кадры для фильма об эвакуации Дюнкерка.

В редакции никто ничему не удивляется. Если бы завтра мне вздумалось притащить туда бегемота, никакой сенсации это не вызвало бы. Разве что кто-нибудь

из девушек на бегу сунул бы ему в пасть недожеванный бутерброд.

Моя работа на студии носит эпизодический характер. Это всегда неожиданность, вроде любви с первого взгляда или насморка. Предусмотреть заранее и спланировать невозможно.

Начинается обычно с того, что мне звонит редактор и спрашивается о моем самочувствии. Выясняется, что чувствую я себя сносно. Определенных планов на будущее у меня тоже нет. Далее идет обмен любезностями и поклонами. «Кстати, — говорит он уже в самом конце, — вероятно, двадцатого вы нам понадобится».

Мне хочется узнать, зачем, но задавать такие вопросы бестактно, да и бесполезно. В лучшем случае он скажет, что «есть одна задумка».

Ну что ж, задумка так задумка. Делаю пометку на календаре и возвращаюсь к своим делам.

Восемнадцатого он мне звонит снова и напоминает, что завтра утром я должен быть в студии. К тому времени мое сносное самочувствие уже в прошлом. Я лежу на диване, охаю, ставлю горчичники и глотаю анальгин. К тому же качается мост. Это не метафора. Я имею в виду мост, который у меня во рту. Контрольный нажим языком на коронку, и она мягко соскальзывает с места, увлекая за собой все остальное.

В таком виде вести передачу нельзя. Вызываю такси и еду к врачу. Выплываю ей в руку искореженный металл и объясняю, что у меня завтра передача. Она, как телезритель, полностью понимает трагичность ситуации. Выдирает еще две коронки, посылает меня на рентген. Снимки мне делают вне очереди. Врач полна энтузиазма. Она готова приступить к делу немедленно. Вот эти четыре зуба нужно удалить и сделать все за-

ново. Обычно такая работа занимает около месяца, но тут особый случай, и она думает, что недели за две...

Меня прошибает пот. Я снова объясняю, что передача завтра и что моя и без того убогая дикция отнюдь не выиграет от отсутствия еще четырех зубов. Она пытается меня утешить. Говорит, что некоторые шипящие согласные я смогу произносить и без этих зубов, что же касается косметической стороны дела, то нужно стараться держать рот закрытым.

Ни шипящие, ни закрытый рот для телевидения не подходят. Я забываю о мужском достоинстве и начинаю канючить, как дошкольник, который просит игрушку.

В конце концов она сдается и ставит на место коронки при помощи клея. Мои благодарности она принимает сухо. Задета ее профессиональная честь. Что же касается обещания сразу же после передачи прийти и сделать все, что нужно, то и это ее не смягчает. «Придете тогда, когда начнете разваливаться».

Я знаю, что это будет перед следующей передачей.

У меня дурацкая привычка приезжать точно в назначенное время. В одиннадцать утра я уже в студии. Выясняется, что остальные участники передачи соберутся часа через два.

Чтобы я не скучал, мне дают ознакомиться со сценарием. Там написано все, даже то, что я должен говорить, но это — так называемая «рыба». И составитель сценария, и тот, кто его утверждал, знают, что говорить этого я не буду. Единственное, что можно извлечь из такого документа, — тема передачи.

Проходит три часа. Кроме меня, никто из приглашенных не явился. Можно ехать домой.

Назавтра я снова приезжаю вовремя. Жду около часа. Наконец начинается большой сбор.

Самое трудное — не перепутать участников передачи. Пишу шпаргалки. Научное звание, должность, фамилия, имя и отчество.

Предстоит научная дискуссия. Поэтому средний возраст собравшихся около семидесяти лет. В такие годы люди очень обидчивы. Не дай бог представить зрителям кого-нибудь не так.

Начинается тракт. Нас рассаживают в студии, чтобы операторы могли пристреляться. Каждому объясняют его роль.

Мне и моему коллеге — очаровательному человеку, умному, красивому, эрудированному и словоохотливому, с прекрасно поставленным голосом — предстоит вести передачу. Он — полная противоположность мне. Любая высказанная кем-нибудь мысль рождает у него блестящий фейерверк идей.

До начала остались считанные минуты. Мы замерли в неестественных позах, впившись глазами в мониторы.

Позывные «Горизонта».

На экране появляется моя рожа. Я ухмыляюсь, потому что забыл все, что собирался сказать.

Пауза становится томительной.

Наконец я выдавливаю из себя несколько фраз и, облегченно вздохнув, даю кому-то высказаться по существу.

Тут происходит странная метаморфоза. Человек, который десять минут назад казался образцом непринужденности и остроумия, превращается в зануду, жующую противную жвачку из терминов с обильно вкрапленными «э-э-э...» и «так сказать». Ему наплевать на телезрителей. Волнует его только одно: как бы знакомые, сидящие дома у телевизоров, не упрекнули его в упрощенчестве.

Проходит пять минут. Больше терпеть это невыносимо. Спасает положение мой коллега. Он подхватывает на лету какую-то мысль и начинает развивать ее со свойственным ему блеском. При этом он так увлекается, что забывает о времени. Я смотрю на часы. График передачи трещит по всем швам.

В детстве мне внушили, что воспитанный человек никогда не прерывает собеседника. С тех пор это правило висит надо мной, как проклятье. С такими устоями передачу вести нельзя.

Я пускаюсь на подлость. Пользуюсь моментом, когда он закуривает, и передаю слово другому. Не тут-то было! Он вовремя подает реплику и снова захватывает инициативу. Остальные от нетерпения роют копытами землю. Им тоже хочется поговорить.

Стоп!

Что-то случилось. Сверху спускается режиссер. Оказывается, запись на видеомagneтoфoнe пошла в брак. Нужно начинать сначала, с позывных.

Начинаем сначала.

Все немного устали, поэтому держать их в узде уже легче.

Минут десять передача идет без сучка и задоринки, пока у моего коллеги не рождается новая блестящая идея.

За все время совместной работы я только раз видел, как он во время передачи хранил гордое молчание. Это было, когда в студии демонстрировалась живая кобра и змеелов сказал, что сейчас она поползает, отогреется и тогда мы увидим, до чего агрессивны эти змеи.

Мы опять вышли из графика.

Я начинаю хамить. Обрываю людей на полуслове, комкаю программу, лишь бы закончить вовремя.

Я должен подвести итоги дискуссии, но времени уже

нет. Через две минуты конец. Прерываю какого-то членкора и благодарю зрителей за внимание.

Уфф!!!

Однако все это ерунда. Настоящее начинается тогда, когда моя телевизионная карьера достигает апогея.

Звонок по телефону. Расспросы о самочувствии, о планах на будущее. На этот раз планы более определенные. Я еду в Дом творчества. Это такое место, где человек не испытывает никаких угрызений совести от того, что бездельничает.

Некоторое время мы с ним ходим вокруг да около, как два кота на крыше. Наконец выясняется, что я должен вести передачу по Интервидению. Ну что ж, ради такого дела стоит один раз приехать в город. Со свойственным ему тактом он дает мне понять, что приехать придется три раза. Передача очень ответственная, идет без записи, прямо в эфир, и все нужно тщательно готовить. Я соглашаюсь — три так три. Тут до моего сведения доводится, что вести эту передачу я должен с пляжа Петропавловской крепости. А если будет дождь? Дождя не будет, на этот счет есть заверения метеоцентра. Мне как-то не по себе. Не могу понять, при чем тут пляж. Я ведь обычно веду научно-познавательные передачи. Он мнетя. Это передача другого рода. О всяких хобби. Нужно показать, как ленинградцы проводят выходной день.

Я очень медленно соображаю. Только к вечеру до меня доходит, что значит брать интервью на пляже. Это равносильно попытке дергать гвозди зубами. Пляжники будут хихикать и жеманиться, а я с идиотской ухмылкой буду задавать вопросы, один глупее другого. Нет, эта работа не по мне. Нужно срочно что-то придумать.

Перед лицом нависшей угрозы мозг работает с поразительной четкостью. Меня осеняет гениальный план —

одеть помрежей в бикини. Там есть совсем неплохие фигуры, и соединенными усилиями мы как-нибудь да сострояем интервью. Бросаюсь звонить в студию. Выясняется, что редактор уехал на озеро Светлояр искать легендарный град Китеж. Вернется через неделю.

Пусть ищет. Важно то, что найдено решение.

Всю неделю идет дождь. Кроме того, у меня начинается острый приступ радикулита. Походка приобретает ту неподражаемую лихость, какая бывает у человека, впервые в жизни проехавшего верхом. Люля мажет мне поясницу всякими снадобьями. Она мало верит прогнозам. Едет в город и привозит снаряжение для передачи: зонтик, плащ и ботинки на толстой подошве. Заодно звонит в студию, выясняет, нет ли каких-нибудь перемен. Перемен нет. Дождя не будет. «Мы оптимисты», — говорит ей ассистент режиссера. Очевидно, не зря считается, что оптимист — это просто плохо информированный пессимист.

Наступает заветный день. Проливной дождь. Облачаюсь в непромокаемые доспехи, беру зонтик и отправляюсь в город.

Режиссер встречает меня счастливой улыбкой. Очевидно, дождь скоро кончится, потому что скорость ветра достигает уже ураганной силы. На таком ветру разговаривать невозможно, и мы ищем убежище в автобусе передвижной телевизионной станции, сокращенно ПТС. Сразу оказываемся в мире сказочной техники.

Пока эту технику латают подручными средствами, знакомлюсь со сценарием. Великий боже! Чего тут только нет! Манекенщицы из Дома моделей, рыболовы, водные лыжники, воспитатель канареек, любитель кактусов, строители катеров и прочая и прочая. И со всеми я должен разговаривать. Протестую как могу. Меня успокаивают. Объясняют, что все это — «рыба» для

бухгалтерии. Если человек на телевидении не говорит, то ему невозможно заплатить, что бы он ни делал перед объективом. Для вящей убедительности рассказывают, что, когда снимали Ирину Бугримову со львами, пришлось выписывать ордер на оплату «исполнения роли укротительницы», так как обычных «хоп!» и «алле!» бухгалтеру недостаточно. Выясняется, что если выбросить «рыбу», то моя роль в основном сводится к комментариям за кадром и что часть передачи заранее отснята на пленку и пойдет из студии. Меня это вполне устраивает. Ведь можно и комментарий вести из студии. Режиссер и редактор говорят со мной тоном, каким обычно в школах для трудновоспитуемых разговаривают с малолетними крестинами. Из студии нельзя. Нужно открыть и закрыть передачу с пляжа, чтобы все видели, что это не липа. А если будет дождь? Дождя не будет.

День проходит очень продуктивно.

Мы убеждаемся, что телекамеры снабжены автоматическими тормозами от поворота и задуманные режиссером панорамные съемки не удаются, что две ПТС, разделенные равелинами и казематами, не могут работать в мире и согласии, что половина участников не явилась, что лыжники время от времени тонут и спасать их нужно быстро и решительно, что моторы у катеров не заводятся, что манекенщицы — такие злочки, каких свет не видел, и что у рыбаков пропойные хари. Для первого дня не так уж мало.

Меня везут в студию смотреть отснятые кадры. Оказывается, что специально отснятых кадров нет, а будут использованы куски из старых фильмов.

В просмотрном зале режиссер спорит с начальником ОТК, который на Интервидение пленки такого качества пропускать не хочет. Спор идет в столь увлекательных выражениях, что я пропускаю мимо ушей по-

яснения редактора, какие же куски думают использовать. Когда же ОТК сдается, зажигается свет. Просмотр окончен. Уезжаю домой, так ничего и не поняв. Ничего, завтра тракт, разберусь на месте.

День тракта. Дождя нет. Все ликуют.

Записываю сведения об участниках передачи. Выслушиваю их пожелания. Каждый хочет, чтобы я сказал о нем что-нибудь лестное.

В кустах для меня поставлен столик с монитором и микрофон. Отсюда я должен вести передачу.

Новый сюрприз: сегодня «малого эфира» не будет. В переводе на русский язык это означает, что все передающееся из студии видеть я не буду, но комментировать должен, так как тракт принимает высокое начальство, находящееся в студии, а им там видно все.

Начинается тракт. Я говорю в камеру положенные слова и готовлюсь к комментариям. Монитор выходит из строя. Я скулю по этому поводу в микрофон, но не знаю, слышат ли меня. Вспоминаю про начальство, говорю примерно так: «Вот тут, очевидно, показывают велосипедиста, и я должен что-нибудь сказать». Так до конца тракта.

Едем в студию. Ждем трамвая, укрывшись одним зонтиком. Мимо нас горделиво проезжают в персональном микроавтобусе манекенщицы.

В студии выслушиваем замечания. Мне ясно, что сценарий будут подправлять. Ждать уже нет сил. Еду домой.

День передачи. Тропический ливень. Поясницу как будто грызут волки. Не позавтракав, тащусь на станцию в плаще и с зонтиком.

На пляже ни одного отдыхающего. Дураков нет. Придется отыгрываться на манекенщицах. Если пройдет дождь.

Участники передачи сидят в автобусах. Режиссер бежит под дождем, ищет сухое место, где можно рассадить шахматистов.

Студия все время на проводе. До начала передачи осталось 20 минут. Главный редактор разговаривает с Москвой, предлагает снять передачу, если дождь не пройдет.

Десять минут до начала. Дождь прекращается. Бегом занимаем свои места. Думать о всгуплении уже некогда.

На этот раз у меня не монитор, а телевизор. Вместо антенны — кусок провода. То, что я вижу на экране, больше всего похоже на поверхность лужи во время дождя. Какие-то пузыри. Впрочем, если отодвинуться подальше, что-то видно, но тогда микрофон оказывается слишком далеко.

В моем распоряжении несколько минут, чтобы сосредоточиться. Попеременно напрягаю мышцы ног, брюшной пресс, гримасничаю и даже шевелю ушами. Говорят, что при этом увеличивается потребление кислорода.

Ты снова тут, ты собран весь,
Ты ждешь заветного сигнала.

Сигнал — это позывные «Горизонта». Почему-то их еще нет. Вероятно, у меня неправильные часы. Что ж, можно еще погримасничать. Кислорода, побольше кислорода!

Под ухом бухает пушка. От испуга я чуть не падаю со стула. Двенадцать часов, значит, передача уже идет. Тут я вспоминаю, что на телевизоре выключен звук.

Гляжу на экран. Там что-то маячит. Отодвигаюсь назад и вижу, что это мое лицо. Интересно, сколько же времени я в кадре? Видели ли зрители мои гримасы? Борода у меня смята набок, но перед объективом при-

хорашиваться нельзя. Поднимаю глаза на камеру и что-то бормочу. Кажется, сошло!

Дальше все похоже на кошмар. Телевизор барахлит. Звук мне не полагается по акустическим соображениям, а изображение такое, что хоть плачь! Все кадры из студии идут не в том порядке, как я думал. Вижу канареек и вспоминаю, что, кажется, нет фонограммы их пения. Мелькает мысль почирикать за них в микрофон, но я ее гашу.

Думать некогда, нужно все время говорить. Почему-то передо мной три варианта сценарного плана. Все они разные. Кажется, передача идет по третьему варианту, но все сведения об участниках у меня записаны на первом.

Из-за кустов мне видна часть реки. Там тонет лыжник. Два катера пытаются его подобрать. На экране ничего не разберешь. На всякий случай это событие не комментирую.

Гляжу на часы. Слава богу, передача идет к концу. Теперь уж меня врасплох не поймают. Я освоился со сценарным планом.

Принимаю непринужденную позу и готовлюсь предстать перед зрителями в заключительном эпизоде. Тут мне машет оператор и показывает, чтобы я бежал на берег. Зачем? Ага, вероятно, режиссер хочет подать меня на фоне ростральных колонн. Я изрыгаю проклятье и мчусь через мокрые кусты. В руки мне суют микрофон. Оператор дает отмашку. Делаю интеллигентное лицо и начинаю говорить. Мне снова машут, чтобы я заткнулся. Показывают, что не работает микрофон. Я стою, не зная, что делать. К счастью, глазок камеры не светится. Очевидно, режиссер другой камерой дает в это время лирические пейзажи. Мне суют новый микрофон. Снова отмашка. Камера работает. Я не знаю, что

из того, что я говорил, пошло в эфир, а что нет. На всякий случай повторяю сначала.

Все, передача окончена. Бреду в автобус. Там режиссер звонит в студию. Выясняет, пускали ли нас в эфир или все это мы делали для собственного развлечения.

Это меня уже не интересует. Забираю свои вещи и отправляюсь домой.

Всего хорошего, друзья! До новых встреч в эфире!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3

1962—1964

Поединок	8
Маскарад	15
Призраки	22
Роби	30
Биотоки, биотоки...	42
Возвращение	45
Неедаки	53

1965

Перпетуум мобиле	64
Под ногами Земля	73
Лентяй	91
Решайся, пилот!	112
В атолле	128

1966

Предварительные изыскания	136
Фиалка	156
Тревожных симптомов нет	166
Судья	186

1970

Побег	190
Поездка в Пенфилд	208
Утка в сметане	224
Любовь и время	234

1971

Сюжет для романа	258
Душа напрокат	275
Фантастика вторгается в детектив, или Последнее дело комиссара Дебрэ	289
Проделки Амура	350
Час в эфире	369

Варшавский Илья Иосифович

В18 ТРЕВОЖНЫХ СИМПТОМОВ НЕТ. Сборник рассказов и повестей. М., «Молодая гвардия», 1972.
384 с., с илл. (Б-ка советской фантастики)

P2

Редактор
Б. Ключева
Художественный редактор
Б. Федотов
Технический редактор
Н. Туркина
Корректор
К. Пипикова

Сдано в набор 2/XII 1971 г. Подписано к печати 12/IV 1972 г. А02252. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 12 (усл. 16,8). Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 100 000 экз. Цена 46 коп. Т. П. 1972 г., № 199. Заказ 2522.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

46 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

